ПИОНЕР 5

1983

Олег БЕЛИКОВ,
лауреат премии имени Н. А. ОСТРОВСКОГО

41-й километр

Этой службы
не кончится срок...
Три солдатских
трехгранных штыка —
У развилки военных дорог.
Стойте,
путники и облака.
Здесь Отчизны сыны полегли,
Полегли —
и остались в веках.
Стойкость их
проросла из земли
Сталью —
в трех богатырских штыках.
Три штыка,
словно витязя три
Из былого, в дозоре стоят —
В снег и в зной,
от зари до зари...
И —
все так же —
ни шагу назад!

Алексей ШЛЫГИН,
лауреат Всероссийского конкурса
на лучшее произведение для детей 1982 года.

Дедушкин курган

Письма в ящике комода —
Этим письмам нет цены,
Ведь они не от кого-то,
А от дедушки, с войны.

Скажет бабушка устало,
Письма выложив на стол:
— Я совсем слепая стала,
Ты бы, внучек, мне прочел...

Не остыли эти строчки —
В них и радость, в них и грусть.
Их от точки и до точки
Знает Колька наизусть.

И читать светло
И горько:
В них—еще идет война...
И задумается Колька
У открытого окна:

«Нет, в безвестность он не канул,
А приняв неравный бой,
Так стоял, что сросся с камнем,
Стал курганом над рекой...»

* * *

На Мамаевом кургане
С первым солнечным лучом
В синем утреннем тумане
Встала женщина с мечом.

Голова коснулась неба,
Меч задел за облака...
Это — явь, не сказка-небыль,
Это — память на века.

На кургане многолюдно.
День Победы. Месяц май.
Только к этой славе трудной
Не причастен хан Мамай.

Ниши—вмятины откосов,
Грани—выступы торцов...
Проступают из утесов
Лики дедов и отцов.

Будто слышится: «Храните
Правду-память о борцах!»
Это — Родина в граните,
Это — Родина в сердцах.

«Выйди, дедушка, из камня...
Сколько лет к тебе я шел!
Сколько лет тебя искал я!
И нашел тебя, нашел...»

Внука издали ласкает —
Взглядом —
Каменный боец:
«Я бы рад, да не пускает
В грудь ударивший свинец.

Я б с войны пришел, конечно,
Посмотреть, как мир широк,
Только этой службы вечной
Никогда не выйдет срок...»

Небо чисто. Час заката.
Веет свежестью с реки.
Внук погибшего солдата
Стер дождинку со щеки...

Будет много новых маев,
Где промчался ураган.
«Не Мамаев, не Мамаев —
Это Дедушкин курган».

Ада ЛЕВИНА

САМОЕ СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО

Все это — война...

На картонной карточке детского лото щенок — веселый, хвост трубой, уши торчком. На обороте стихи, которые обычно печатаются на карточках детского лото:

«А кому отдать щенка?
Пять недель ему пока.
Надо с ним гулять почаще,
Не водить без поводка».

Рядом с этими печатными строчками — другие, выведенные неустоявшимся детским почерком. И хотя лиловые водянистые чернила военной поры изрядно выцвели, разобрать можно: «На вечную память Адочке Левиной от воспитанницы детдома Суховой Нины». И приписка: «Дорогая военная цензура! Очень прошу щенка не выкидывать!»

Чтобы оценить всю щедрость этого подарка, надо знать: эта карточка лото — быть может, единственная память о довоенном детстве, о доме, где светила по вечерам лампа, смеялись подружки и мама читала сестренке эти стихи про щенка... Вероятно, даже сердце строгого военного цензора дрогнуло, когда он прочел это обращение девочки из детдома, и «недозволенное вложение» осталось в сером треугольнике.

Когда началась Отечественная война, мне было десять лет, когда кончилась — четырнадцать. Как и все мои сверстники во время войны, я училась в холодной, нетопленой школе, собирала бутылки для зажигательной смеси, ходила в госпиталь читать бойцам книжки и гладить бинты, стояла в долгих очередях за хлебом, копала картошку, радовалась, когда с фронта прилетел на одни сутки двоюродный брат, горько плакала, когда пришло известие о его гибели. Имена городов своей Родины, еще не умея показывать их на карте, впервые я узнавала из сводок Совинформбюро. И эти названия городов, и воздушные тревоги, и эвакуация, и первые победные салюты — все, что значило в то время — война, оставалось в сердце, рождая особое эхо — стихи.

И вот однажды я послала стихи в газету «Пионерская правда». Стихи напечатали, потом еще раз, потом стали печатать часто. Под каждым стихотворением стоял мой адрес: «Москва, 142-я школа» и класс: сначала пятый, потом шестой, седьмой. И почтальон стал приносить по этому адресу письма. Десятки, сотни писем от ребят, моих сверстников.

Война безжалостно обрывала самые кровные, самые естественные связи: с родителями, с близкими, с друзьями, и ребятам, порой оторванным от дома, хотелось снова обрести радость общения. «У меня нет никого — ни папы, ни мамы, и я решила написать тебе» — эти слова чаще всего встречаются в письмах.

«Привет из Устья!

Здравствуй, дорогая подруга Адочка!.. Мне ни от кого письма не ходят, потому что у меня никого нет. Были родные, но теперь не знаю, где они находятся. Меня зовут Галя, фамилия Смирнова, я эвакуирована из БССР, из города Могилева, и живу в детском доме № 1 уже пятый год. Перешла в шестой класс. Я думаю, что ты мне напишешь про все. Жду ответа. Галя Смирнова. Вологодская область. Усть-Кубинский район, пос. Устье, детдом № 1, Смирновой Галине Ивановне. 28.6. 1945 г.».

Эти письма-треугольники, написанные свекольным соком, разведенной краской (чернил в то время часто не было), хранятся у меня тридцать восемь лет. На многие из них в свое время я ответила сама, на другие — мои одноклассники: одной мне было не справиться. Иногда ответы печатала газета «Пионерская правда».

Прошла целая жизнь. И сейчас, когда я перечитываю пожелтевшие листочки со штампом «Просмотрено военной цензурой», я вновь переживаю те чувства,

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
МАЙ 5
Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

которые они рождали. И вижу, что теперь эти письма стали документами истории, страницами летописи Великой Отечественной войны.

«...Проклятая война изменила нашу жизнь...»

«14 апреля 1945 года.

...Не удивляйся, что пишет тебе незнакомая девочка. Я прочла в газете про тебя, узнала, что убит твой брат, что ты вступила в комсомол. И я решила познакомиться с тобой.

Сейчас я нахожусь в детдоме. Учусь в седьмом классе. Мой папа лежал в госпитале, и уже, наверное, его нет. Я уже посылала в госпиталь, и мне оттуда отвечали, что он умер. Но мне не верится, и я считаю, что он живой. Маму мою немцы угнали, и я не знаю, жива она или нет. Мы с мамой и папой и еще с двумя сестрами и братиком жили в Киеве. Когда маму угнали немцы, то я с сестрами и братишкой не знала, что делать. Но когда освободили город, то нас взяли бойцы. И вот мы теперь здесь. Братик Володя учится в четвертом классе. Сестра Оля учится во втором классе. А Светлана — ей только шесть лет, она не учится.

... Я учусь хорошо. После школы я быстро выучу уроки, и мы помогаем младшим детям. Ходим с ними на экскурсию, катаемся на лыжах. Летом мы сажаем свой огород. Все дети детдома помогают колхозу и работают у себя в детдоме.

Привет всем девочкам из вашего класса. Передай привет своей маме от Оли, Светы, Володи и от меня. Тебе передают привет... Оля Ковтун, Зина Зискина, Ната Назарова, Дуня Ким, Нюра Сапетова, Нюра Астахова, Нюра Каунова, Лиза Антонова, Лида Лежникова, Валя Новикова.

Адрес: Саратовская обл., Красноармейский р-н, с. Высокое, детский дом, Грищенко Дусе».

«23 марта 1945 года.

Привет с Украины от неизвестной тебе девушки.

Вчера я по радио узнала о постигшем вас горе, о смерти твоего брата. Ты знаешь, Ада, до чего я на слезы скупая, но я не могла дослушать до конца. До чего твоя жизнь похожа на мою!

Когда меня принимали в комсомол, у меня было два горя, я потеряла и папу, и своего любимого брата Вову. До чего мой Вова похож на твоего Сережу! Он учился до войны в 9-м классе. Сильно мечтал быть летчиком. Это был веселый, большой, красивый юноша, любил петь, танцевать. Он погиб при форсировании Днепра. Мой папа был учителем. Он погиб за оборону Кавказа. Так, как и ты, я осталась вдвоем с мамой, которая работает директором в школе.

Как мне хочется пойти добровольно в автоматчики, чтобы хоть одного убить фашиста за смерть наших отцов, братьев! А сейчас я стараюсь учиться, чтобы хоть чем-нибудь помочь Родине, ускорить победу над врагом. Я учусь в девятом классе, комсорг в школе.

Пиши мне по адресу: Запорожская обл., Михайловский р-н, с. Михайловка, 3 сельсовет, 8 квартал, Лактионовой Ядвиге».

Когда перечитываешь эти письма заново, их язык поражает. Рядом с привычными для ребят словами — «класс», «школа», «звено», «пятерки», «учительница» соседствуют слова: «фронт», «госпиталь», «десант», «убит», «угнали», «порушили», «горе», «блокада», «умереть», «голод», «эвакуация», «тыл»... И это не сочинения по истории, это будничные письма, в которых ребята рассказывают друг другу о своей каждодневной жизни. Ребята такие же, как и ты сейчас. Только детство их выпало на военное время. И вот дети пишут друг другу об обстоятельствах своей жизни: «мама умерла от голода», «папа сгорел в танке».

«...Родина у нас одна»

Война изменила жизнь ребят, вырвала их из родных мест. Неизменным осталось одно: забота Родины о своих самых юных гражданах.

По письмам мы видим, что девочки, которые еще недавно бегали по улицам Киева, шлют письма из Саратовской области, ленинградцы из Ярославской и Свердловской, украинцы — из Азербайджана, минские школьницы — из Актюбинска, уральцы — из Таджикистана. Но и там, в непривычных для них местах, они ощущают себя дома. Опытом своей жизни постигают ребята истину: «Родина у нас одна». Так и написано в одном из присланных мне писем.

«7 апреля 1945 года.

Дорогая Ада, здравствуй!

В газете «Пионерская правда» я прочла твою статью «Я комсомолка». Эта статья произвела на

меня огромное впечатление. Я как-то особенно сильно почувствовала утрату. Мне стало жаль твоего брата Сергея, своего погибшего брата и всех, всех других, очень хороших людей, отдавших жизнь за наше счастье. И мне захотелось поделиться с тобой. Ты комсомолка, и я комсомолка, ты родилась в 1930 году, и я тоже в 1930-м. У нас много общего, а главное — Родина у нас одна. И это ничего, что ты живешь от меня далеко, в Москве, а я в деревне Дубровка. Давай дружить и переписываться. Пиши, в каком классе учишься, как живешь, работаешь. Я учусь в седьмом классе.

С приветом Алла Трошева, Тульская обл., Октябрьский район, Дубровский с/с, деревня Дубровка».

«29 сентября 1944 года.

...Мне вспомнился наш город и его красивые, все в зелени улицы, Дворцы, Дом правительства. Враг искалечил город, он разграбил его. Но пройдут годы, наш Минск встанет из пепла, будет по-прежнему таким, каким он и был до войны. Я сама эвакуировалась из города 25 июня 1941 года, в то время, когда Минск подвергся страшной бомбардировке. Я видела, как горел наш парк имени Горького, где мы проводили свои вечера. Сейчас я живу в Актюбинске, но уеду в свой город, где я прожила все свое детство.

С дружеским приветом к вам Надя Лашнова.
г. Актюбинск, Аэропорт, д. 3, кв. 4».

«Коля Яковлевич», «Петя Потапович» и другие

В письмах мои сверстники рассказывали о бедах и трудностях, которые заставили их повзрослеть. Взрывная волна войны выбросила ребят из детства сразу же во взрослую, нелегкую жизнь, минуя отрочество и юность. Обрати внимание, как многие из них подписывают письма.

«Август 1944 года.

Привет с Урала!

Примите от меня горячий, пламенный привет. Пишет вам Шевелев Коля с далекого Урала. Я читал о вас в газете «Пионерская правда». И вот я вам пишу письмо и думаю, что вы мне на это письмо дадите ответ. Я пишу потому, что у меня нету никого — ни мамки, ни папы, и ни брата, и ни сестры — я один. Я комсомолец. Имею членский билет. Папа погиб на фронте, и некому написать письмо, и я решился написать вам. Пишите.

Шевелев Коля Яковлевич, год рождения 1929.

Вот мой адрес: Молотовская обл., г. Кизел, Почтовое отделение № 4».

«23 апреля 1945 года.

...вас узнала случайно из «Пионерской правды». Да! Как тяжело переносить известие о смерти своего близкого друга (брата). Пишу вам потому, что у меня тоже потерялся брат 1923 г. рождения. Когда брата взяли в армию, я осталась старшая, голова в семье, родители больные — пришлось пойти работать. В 1942 году поступила в контору связи в ученицы, и в настоящее время работаю старшим ответственным по сортировке. Мое образование — 6 классов. Пишите. Жду. С приветом Аня Андреевна Емельянова»...

«Коля Яковлевич», «Петя Потапович», «Зина Павловна», «Аня Андреевна» — имена детские, уменьшительные, а отчество, как у взрослых. Ничего удивительного, если в двенадцать — шестнадцать лет теряешь родных, становишься главой семьи, работаешь наравне со взрослыми.

«...Привет от тети Шуры...»

В газете «Пионерская правда» 8 марта 1944 года было напечатано стихотворение «Родная».

«С широко раскрытыми глазами,
Сладкий сон стараясь превозмочь,
Я лежу и думаю о маме.
Нет ее, она дежурит в ночь...
Мамочка, любимая, родная!
Предо мной твой образ дорогой,
Я тебя веселой вспоминаю,
Молодой, красивой и простой.
Ты уже немножко поседела,
Но глаза по-прежнему блестят.
Ты берешься за любое дело
Молодо, как много лет назад.
Ты одна из лучших на заводе,
Знают все фамилию твою.
У станка ты целый день проводишь,
Ты в труде, как фронтовик в бою!
В полночь возвращаешься с работы.
Поздно. Ты устала. Надо спать.
Ну, да где там! Думы и заботы
Не дают, родная, отдыхать.
Как бы я за домом ни смотрела,
Как бы ни старалась помогать,
Все равно найдешь себе ты дело,
Потому что ты, родная,— мать.
А когда, управившись с делами,
Ты придешь меня поцеловать,
Я тебе, моей любимой маме,
Начинаю тайны поверять.
Обо всем советуюсь с тобою,
Расскажу о школе, о кружке...
И шершавой ласковой рукою
Ты меня погладишь по щеке.
...Широко раскрытыми глазами
Я гляжу на звездные пути.
Я не сплю, я думаю о маме.
Лучше мамы друга не найти!»

В этом бесхитростном стихотворении я рассказала о своей маме, но мои сверстники, потерявшие мате-

рей, надолго оторванные от родного дома, прочитали в этих строках и о своих чувствах к своим мамам, к своим родным. Я стала получать много писем. В этих письмах был рассказ о тех добрых людях, которые заменили ребятам родных, о заботе, с которой относились к ним в детских домах.

Письмо не датировано.

«Привет из Сибири!

Живу я в детском доме № 5. Учусь в пятом классе. Зовут меня Эмма Горбунова. У меня нет никого. Я тоже писала стихотворения, а теперь не стала писать. Меня очень затронуло твое стихотворение «Родная», когда ты в нем вспоминаешь про родную маму. Мне еще сильнее захотелось учиться и мстить фашистам.

У меня умер дядя от голода в Ленинграде, а мама умерла в 1943 году, когда приехала из Ленинграда.

Если тебе хочется со мной переписываться, то пиши все о себе, как ты учишься, напиши о своем отряде, чем вы занимаетесь. Привет всей школе № 142 от всего детского дома г. Новосибирска, от нашего директора Пикусты Кузьминичны Телегиной, которая заменяет нам мать».

«13 июня 1945 года.

Привет из детдома от Фомичевой Пани!

...Я — воспитанница 9-го детского дома. Мы живем хорошо, веселимся, играем. Картофель уже всю посадили. Теперь поливаем в огородах. У нас разделено по бригадам, я во 2-й бригаде, наша бригада работает ударно. Я вам хочу сообщить о своей жизни. У меня есть две сестры — Мая и Фотя. Моя мама померла, папочка погиб на фронте. Мой брат Федя — в Сормове, уже давно нет писем. Привет ото всех девочек — Раи, Розы.

...если я получу письмо от вас, то я вам вышлю платочек. Привет от воспитателей Эльзы Якимовой, Полины Васильевны, Клавдии Ларивоновой, Елены Петровны, тети Шуры.

Писать больше нечего.

До свидания. С приветом Павлина Васильевна. Адрес: Горьк. обл., Коверненский р-н, Хохлома, Детдом. Фомичевой».

Нет сомнений: дети войны будут помнить всю жизнь имена всех добрых женщин, которые помогали расти чужим детям, как своим собственным. И сегодня, перечитывая эти письма, хочется сказать им: «Низкий вам поклон через годы».

«...Проклятый гитлер разлучил меня со школой...»

Однажды, когда я перечитывала эти письма, в гости ко мне за книжкой пришел сын соседки — семиклассник. Я показала ему несколько писем. Он внимательно прочитал их и охнул: «Сколько ошибок! Учусь через «ю», какие-то «окромя», картофель — она. А еще пишут «учусь на 4 и 5»!»

Мне стало горько. Война помешала нам учиться в

полную силу, отняла школы, отвлекла на другие важные дела, которые порой, кроме нас, некому было поручить.

«29.06—44 г.

Шлю привет с солнечной Киргизии, с города Андижана. Желаю наилучшего в вашей школьной жизни. Как я жалею, что этот проклятый, кровожадный зверь гитлер (так!) разлучил меня со школой. Но ничего, скоро его прогонят, тогда я снова вернусь в школу и буду учиться. Училась я в 8 классе, но пришлось бросить и начать работать.

Мой адрес: г. Андижан, кондукторский резерв. Одинцовой Марине».

«14.11.1945 г.

Я такая же девочка, как и ты. Живу я в Верхнем Баскунчаке, который, так же, как и Москву, бомбили фашисты. Наша небольшая станция когда-то была красивая, а теперь все разбито, разрушено. Но немного стали отстраиваться. Я с 1931 года, учусь в 6 классе. Нужно в 7-ом, но мы все не учились один год, помешала бомбежка. Пиши по адресу: Астраханская область, Владимировский р-н, ст. В-Баскунчак, ул. Советская, д. 67, Зелениной Вале».

«Меня премировали карандашом...»

Конвертов у этих писем нет. Письмо складывалось треугольником и само себе служило конвертом. Писали между строк книг и газет, на обороте тщательно отклеенной этикетки консервной банки, на страницах

старых конторских книг. А что было делать: другой бумаги не было.

Вот листок из счетоводной книги, где адрес выведен между строк свекольным соком — это зима 1942 года. А вот уже печатная открытка — на ней танки и самолеты в наступлении и строчки из приказа Верховного Главнокомандующего от 1 мая 1943 года: «Красная Армия должна еще крепче бить врага, беспощадно истреблять немецких захватчиков, неустанно гнать их с советской земли».

Письмо 1944 года — на листе-раскладушке (он служил одновременно и бумагой и конвертом и склеивался по краю). На лицевой стороне, которая служила конвертом, напечатан рисунок: солдат с винтовкой повалил пограничный столб с фашистской свастикой. Наступают танки. На знамени надпись «За Родину!». Уже близок конец войны...

Достаточно посмотреть на эти листочки-треугольнички (даже если не знать их содержания) — и уже словно прочел документальную повесть о том, как война лишала детей самого необходимого для роста духа — книг, карандашей, бумаги,— но не лишила!

«5/5 — 1945 г.

...Я учусь в 7 классе, но немножко хромаю по математике. Обещаю вам, что исправлю геометрию с 3-х на 4, даже на 5.

...Народ у нас здесь истощенный, хлеба дают мало — на рабочие карточки — 500 гр., на служащие — 400 гр., и на иждивенцев и детей по 200 гр., безо всяких прибавок и кондитерских изделий. В столовой дают синенький суп, да для тракторного парка ячменную кашу и все. Но ничего, у нас сейчас уже весна, везде зелено, цветы и деревья распустились, тугай весь зазеленел. На огородах уже стали сеять овощи — арбузы, дыни, огурцы, редьку, редиску.

Тадж. ССР, Марыйская обл., Иолтанский р-н, совхоз Санди-Качи, Ильиной Алле».

«12.3.44 г.

Мне 12 лет, я учусь в 4 группе, учусь хорошо. Меня премировали, дали атласное платье и карандаш. Ада! Пришли песен каких-нибудь. Я тебе напишу в другой раз частушки и стихи. Горьковская обл., Д-Константиновский р-н, Кужутский с/с, село Курилово, Ляпиной Нюре».

До сих пор с уважением смотрю я на эти строчки — первые строчки, выведенные только что отточенным драгоценным карандашом «Сакко и Ванцетти» выпуска 1944 года.

«...У меня никого нет... я живу хорошо»

Это письмо было написано между строк какого-то учебника с вопросами о площади и населении уездов Московской губернии в 1924 году.

«Привет из детдома!

У меня никого нет, только папа на фронте, но я не знаю его адреса. Прочитала стихотворение и, увидев адрес, я стала писать тебе письмо. Я живу хорошо. А как ты живешь? Мы — ребята детдома, 1 группа, переписываемся с бойцами. Я переписываюсь с бойцом Юшевым...

Ивановская обл. Юрьевецкий р-н, село Заовражье, 2-й детдом 1 группа, Сергеевой Нине».

И между этими строчками легко прочитываются строчки учебника, набранные типографским шрифтом: «На сколько гектаров пашни приходится одна соха, одна лошадь?» В тридцатые годы по таким учебникам, вероятно, многие из авторов этих писем еще решали задачки... А пришла война и...

«29 марта 1945 года

Привет из детдома!

У меня никого нет, ни матери, ни отца. Мама умерла в 1943 году, а отец давно, я еще была маленькой. Мне сейчас 13 лет, я учусь в школе, в 5 классе. Нас в детдоме 57 человек, все ходят в школу, только маленькие не ходят. Хлеба получаем 500 грамм, кормят три раза в день.

Ну, пока до свидания, пиши. Ответ жду без терпения.

Я писала в детдоме, а мы ходим в школу, школа у нас за 8 км, так мы живем в общежитии. Пиши пока на школу.

Адрес: Вологодская обл., Волжский р-н, Н-Слободский с-с, дер. Сафоновская, детдом. Сюриной Вале Васильевне или В-Кубинская с/ш».

«20/III-47 г.

Мы в детском доме живем хорошо, весело, здоровье у нас хорошее. У меня нет ни папы, ни мамы, только есть сестра и брат. Мне 13 лет, учусь в 4 классе. Как у вас с учебниками? У нас — ничего.

Пиши, с кем ты живешь, сколько тебе лет. Мой адрес: НСО. Коченевский р-н. Ново-Михайловский д/д. Замлетдиновой Юле».

...Они пишут о погибших родителях, разрушенных домах, сгоревших городах. Их разбросало по всей стране, но в каждом письме слово «Родина» пишется с большой буквы. И недаром — Родина оказалась велика не только своими размерами, но и щедростью народного сердца. Два рядом стоящих предложения «у меня никого нет» и «я живу хорошо», «получаем по 500 граммов хлеба» — уже заключают в себе целый рассказ об истинно материнском усилии страны, прежде всего накормившей сирот в те дни, когда 500 граммов хлеба много тянули на весах истории... И не только накормившей. Детей одевали, учили, даже селили в общежитии, чтобы зимой не приходилось ходить в школу за 8 километров... И у всех были чернила и стальное перо — письма ведь написаны! Хотя каждый кусок металла ценился на вес золота. И была — такая нужная им! — своя, детская газета «Пионерская правда» и журнал «Пионер», через которые они слышали голоса друг друга.

Письма из сумки тети Поли

Письма приносила в брезентовой сумке от противогаза почтальонша тетя Поля — немолодая женщина в растоптанных огромных мужских ботинках.

Она шла к нашей 142-й школе от Белорусского вокзала мимо противотанковых надолб, вбитых в землю осенью сорок первого года, мимо домиков нашего Лесного переулка с крест-накрест заклеенными окнами и, войдя на школьный двор, останавливалась, по доносившимся звукам определяя, где мы. Если тихо или заливается звонок — значит, в помещении, в школе. Если визжит пила — значит, на заднем дворе, у входа в котельную. Чаще, чем в классах, нас можно было застать именно там. Едва доставая до высоких козел, мы пилили дрова. Угля не было, школу приходилось отапливать дровами. Дрова мы привозили сами на открытых грузовых трамвайных платформах, которые выделяли шефы — трамвайный парк имени Петра Щепетильникова. Ночью, когда все остальные трамваи покидали линию, наш грузовой, на платформе которого мы — сорок девчонок и мальчишек, закутанных кто во что горазд,— отправлялся к дровяным складам Серебряного бора.

Мы ехали через всю затемненную Москву, леденея на ветру, глядя на незабываемое небо сорок третьего года — со скрещенными саблями прожекторных лучей и плавающими «чудищами» аэростатов. Грузили бревна в темноте, торопились. Надо было успеть убрать с путей платформу до начала утреннего движения трамваев.

Потом целыми днями мы пилили и кололи эти толстые, неподатливые, промерзшие до сердцевины бревна. Но в классах все равно было холодно! Писали мы в перчатках.

Наша 142-я школа в Лесном переулке была обычной московской школой военной поры. И когда во дворе появлялась почтальонша тетя Поля, то, обнаружив нашу дружную команду у бревен, окликала: «Ребята, где у вас тут, которая стихи печатает? Опять ей письма наприсылали... Держи!» И вытаскивала из сумки одно за другим...

В противогазной сумке тети Поли письма ребят лежали бок о бок с фронтовыми треугольниками, написанными в окопах или на госпитальной койке, рядом с роковыми конвертами из военкоматов, где минами замедленного действия притаились похоронки. Их везли в почтовых вагонах, прицепленных к воинским эшелонам, их бомбили на станциях, их подбрасывало взрывной волной. И детские письма имели право быть рядом с письмами-фронтовиками. В те дни линия фронта проходила и через каждую детскую душу.

Тетя Поля отдавала нам наши письма и шла дальше по Лесному от дома к дому. Ее противогазная сумка становилась все легче, а походка все тяжелей. А мы разворачивали треугольнички и читали их, а потом — чаще всего коллективно: одной это было просто не под силу,— писали ответы. Мы не могли ответить на все: писем было слишком много.

Нередко мы писали их в метро, ночью во время воздушной тревоги, когда метро служило бомбоубежищем. На деревянных щитах, разложенных в туннеле, спали женщины и дети. И мы тоже проводили ночи на этих щитах. Иногда мы уходили в метро с вечера еще потому, что дома не было света — отключали электричество. Вечернее метро было для нас светлым домом. Не обращая внимания на шум и свист поездов, сидя на холодных мраморных скамейках, мы учили уроки и писали ответы на письма. И тоже складывали наши письма треугольниками и надписывали адреса далеких детдомов.

...Я снова возвращаюсь мыслью к надписи на карточке со щенком: «Дорогая военная цензура! Прошу щенка не выкидывать!».

По законам военного времени военная цензура читала каждое из этих писем. Рядом с адресом, написанным детскими каракулями, стоит штамп «Просмотрено военной цензурой» и ее номер.

Не было в этих письмах ни сведений о перемещении воинских частей, ни сведений о намерениях военного командования. И все же, быть может, здесь содержались в зашифрованном виде сведения о самом могучем, самом секретном оружии, которое позволило победить нашему народу: сведения о силе его духа. Дети в письмах невольно воссоздали портрет своей страны. И хотя он написан неустоявшимися почерками, этот портрет по-своему очень точно изображает Родину военных лет. И лик ее суров и прекрасен.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Страничка для размышлений

В 1-м номере «Пионера» на страницах «Отряд говорит с отрядом» мы опубликовали письмо девочки из Новосибирска, которая не захотела назвать своего имени, поставила только инициалы — Б. Т. Девочка написала, что живет она без родителей, с бабушкой, что форма у нее старая и за это над ней смеется весь класс.

193 мальчика и девочки ответили на это письмо. Предлагаем суждения ребят **ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ** — всем читателям «Пионера».

НИНА ТУРКО, г. Красноярск, Академгородок. Не могла удержаться от возмущения. Как подло! Как ничтожно! Осмеять новенькую за то, что она не блистает нарядами! Представляю, как робко она входит в класс, смущенная и растерянная: ей предстоит встреча с новыми людьми — она должна будет прожить с ними несколько лет, делить радости и печали. И что же она встречает? Злые, насмешливые лица, колкие, неодобряющие взгляды. Ребята из отряда Б. Т., опомнитесь! Вас много, а она одна. Вы можете сломать ее душу, ее веру в людей! Вы ведь даже не знаете еще, какой она человек, возможно, прекрасный и лучше вас, умнее и добрее. Как пришло вам в голову взглянуть на одежду, не посмотрев в глаза, не попытавшись понять?! А ты, Б. Т., жаль, что не назвала своего имени, мужайся, не поддавайся насмешкам, верь в себя. Я тоже в тебя верю.

ОТРЯД «ДРУЖНЫЙ» республиканского детского дома, г. Евпатория, Крымская обл. В наш детский дом приезжают лечиться ребята со всего Советского Союза. У многих нет родителей, и о них заботится государство. Пусть у нас нет модной одежды, но есть все необходимое для жизни и учебы. Мы считаем, что главное в жизни человека не одежда, а какой он сам: его доброта по отношению к людям, способность помочь тому, кто нуждается в помощи, трудолюбие, честность, справедливость. Нередко под модными джинсами, вельветовыми костюмами и платьями скрыты жестокие, безразличные, невоспитанные души. Но не этих людей большинство в нашей многонациональной семье. Может быть, ребята просто пошутили, хоть и грубо? Мы уверены, что они поймут, что поступили жестоко, и извинятся. Держи выше голову, подружка, и знай, что у тебя друзей больше, чем у ребят из твоего класса. Напиши нам, если захочешь.

ОКТЯБРЯТСКАЯ ГРУППА 3 «а» КЛАССА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ, с. Подгорное, Чаинского района, Томской обл. Все девочки и мальчики нашей октябрятской группы возмущены поведением ребят из класса Б. Т. Какие они жестокие! У нас тоже есть девочка, которой живется труднее, чем другим, потому что у нее большая семья, а работает один папа, а мама с маленьким братиком. Мы все стараемся этой девочке помогать.

ФЕДОР ДОРОШЕНКО, село Знаменка, Каменско-Днепровский район, Запорожская обл. Ребята, которые обидели девочку из Новосибирска, поступили глупо. Так вели себя только буржуи. Ты, Б. Т., не обращай на них внимания. А еще лучше поговори с советом отряда. Есть же в этом классе отряд и совет отряда. Пусть проведут пионерский сбор на тему: «Что такое хорошо и что такое плохо?» И если хочешь, пиши мне по адресу: 332616, Запорожская обл., с. Знаменка, п/о Ильинский, ул. Карла Маркса, 82, Дорошенко Федору.

МНОГИЕ РЕБЯТА ПРЕДЛАГАЮТ ДЕВОЧКЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА СВОЮ ДРУЖБУ И ПРОСЯТ ЧЕРЕЗ ЖУРНАЛ СООБЩИТЬ ЕЙ СВОИ АДРЕСА.
Выполняем просьбу:
ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВ, 428031, г. Чебоксары, пр. Тракторостроителей, д. 45, кв. 133.
ПЕТР ШАРМАЗАНОВ, 383144, Грузинская ССР, Марнеульский район, с. Опрети.
ПАША КУДРЯВЕНКО, Омская обл., Русско-Полянский район, с. Тогунас.
ЗУЛЬФИЯ ЯРМУХАМЕТОВА, 450080, г. Уфа, ул. Менделеева, д. 173, кв. 104.
6 «г» КЛАСС 915-й ШКОЛЫ, г. Москва.
ДИНА МИХАЙЛИК и ВЕСЬ 6 «г» КЛАСС, г. Кривой Рог, пр. 200 лет Кривому Рогу, д. 5, кв. 48.
И МНОГИЕ-МНОГИЕ ДРУГИЕ.

Редакция журнала «Пионер» согласна с мнением ребят и считает, так же как и авторы писем, **ЧТО** «в советском обществе человек человеку друг и брат и стыдно судить человека по одежде» (Леся Горбатая, Киевская обл., п/о Горенка), **ЧТО** становится «больно, как будто кто-то ударил, когда читаешь, как жестоко и бесчеловечно поступил отряд» (Анна Хромова, Волгоградская обл., с. Мокрая Ольховка), **ЧТО** «каждый человек из отряда Б. Т. должен себя поставить на место этой девочки и поддержать ее в трудную минуту» (Армен Погосян, Армянская ССР, г. Абовян), а Б. Т. «должна проявить мужество, не обращать на насмешки внимания и доказать всем, что она хороший и нужный всем человек» (Дима Курбский, г. Казань). И **ЕЩЕ** мы согласны с мнением Ирины Рожиной из г. Ленинграда, которая в своем взволнованном письме говорит так: «Главное — надо срочно помочь отряду, в котором такое может произойти. Пока отряд этот не стал жестоким и глухим к чужим бедам».

ВСЕХ, КТО ХОЧЕТ ПОМОЧЬ ДЕВОЧКЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА И ЕЕ ОТРЯДУ, ПРОСИМ ответить на вопрос: **что нужно сделать, чтобы каждому человеку жилось в отряде хорошо, а отряд стал дружным?**

Лучшие ответы мы опубликуем на страницах раздела **«ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ»**, а их авторы получат в награду книгу **«БУДЬ ГОТОВ!»**.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Живу я в Свердловске, зовут меня Людмила Петровна, мне 43 года, у меня двое детей: сын и дочь. С первого класса я училась вместе с сыном, с ребятами его класса ходила в кино, театры, походы, собирала макулатуру... Ребята ко мне привыкли.

И вот настал торжественный момент приема в пионеры. Как готовились ребята к этому дню, передать невозможно. Они могли просто горы свернуть — только им слово скажи. В день рождения В. И. Ленина перед всей дружиной они дали Торжественное обещание, им повязали красные галстуки.

Как только сына приняли в пионеры, я выписала газету «Пионерская правда» и стала задумываться, что надо предпринять, чтобы помочь пионерскому отряду. Я предложила классному руководителю Майе Александровне заинтересовать ребят игрой. Провести посвящение в моряки и бороться за право называться отрядом имени русского флотоводца Нахимова. А для этого пойти в морскую школу ДОСААФ, познакомиться, попросить о помощи. Ясно стало, что не обойтись и без помощи других родителей. И пошло — поехало. Чего только не было у нас в отряде! Вся работа шла через звенья, и всегда рядом были родители. И шефы. И отряд всегда был впереди.

Ходили в детский сад, работали в зоне пионерского действия, отмечали праздники 60-летия комсомола и 30-летия морской школы. Всего не перечислишь...

И вот, когда ушла писать диплом старшая пионервожатая школы, меня попросили помочь. Но оказалось, что «помочь» — это емкое слово. И вот я по совместительству старшая пионервожатая. Когда начинается день, когда он кончается, не замечаешь. Все круть-верть. Сборы, фестивали, слеты, учеба, зона пионерского действия, поисковая работа, забота о ветеранах. Заразительная работа! А что я знала, что умела? Было только огромное желание и какое-то влечение к пионерской работе, к ребятам. Да память своих пионерских лет. И осталась я и на следующий год старшей пионервожатой. И опять разрывалась между школой и заводом.

На родительских собраниях других классов я рассказывала о своей работе с пионерским отрядом моего сына. Так возникло еще три профильных пионерских отряда, где вожатыми стали родители. Родители — это великая сила в пионерском деле. И если их позвать в пионерские отряды, они никогда не останутся в стороне. Кто не захочет помочь своим детям?!

С пионерским отрядом моего сына я прожила большой и интересный кусок жизни. Я написала об этом в книжке «Впереди пионерских отрядов», которая вышла к 60-летию пионерии Урала. Мой сын учится сейчас в 9-м классе, его друзья уже не пионеры. Кто-то учится в ГПТУ, кто-то в техникуме, но все бывают у меня дома. Они придут еще и будут приходить, я знаю. Потому что 8 лет совместной жизни не могут пройти бесследно. Когда я прочитала в журнале о Всесоюзном пионерском сборе-поиске «Верность красному галстуку», я стала думать о том, что каждый из нас, родителей, бывших пионеров, для пионерской организации не посторонний и должен по мере сил помогать пионерским отрядам своих детей. Хотелось бы знать, как думают другие?

Л. П. ИВАКИНА,
г. Свердловск

Что сделал Я для отряда — об этом должен задуматься каждый пионер.

ЧТО СДЕЛАЛ ТЫ ДЛЯ ОТРЯДА?

Что сделал Я для отряда — об этом должен задуматься КАЖДЫЙ пионер. Мы говорили уже об этом во 2-м номере «Пионера». И сегодня снова говорим, потому что всякому человеку важно научиться брать на себя ответственность за общее дело, быть в хорошем и полезном деле не последней спицей в колеснице и получать радость от участия в деле, выполненном вместе с друзьями. Понять это и уметь так жить совершенно необходимо уже в пионерском возрасте, потому что всякая наука легче дается с детства.

Внимательно изучая пионерские газеты наших республик, мы порадовались тому, что многие отряды именно так и живут. И каждый пионер в этих отрядах делает все, что может, чтобы ВСЕМ было хорошо.

Газета белорусских пионеров «Зорька» сообщает, что пионерская дружина Сутковской средней школы Лоевского района Гомельской области добилась успеха тогда, когда потребовала от каждого отряда, звена, пионера ПРЕДЛАГАТЬ новое дело и ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ в нем. Появились интереснейшие предложения, а вслед за ними — увлекательные дела. Саша Симонов и Леня Самойленко предложили поход на Моховское городище. Туда приезжают ученые со всего мира, потому что археологи раскапывают там стоянку первобытных людей. А ребята, которые живут недалеко, могут ли не заинтересоваться, не предложить помощь ученым? Лена Мельниченко предложила посадить аллею кленов в честь 60-летия образования СССР. На сбор, посвященный Дню Советской Армии, Анжела Мад-

«...: каждый из нас, родителей, бывших пионеров, для пионерской организации

жара предложила пригласить своих учителей — ветеранов войны и записать их воспоминания. Некоторые ребята и не знали даже, что учитель рисования Михаил Иванович Игнатенко партизанил на Лоевщине, а учитель истории Николай Васильевич Кондратов дошел с боями до Берлина.

— Самое главное, — считает председатель совета дружины Анжела Маджара, — преодолеть силу привычки: кто-то и предлагает и делает, а кто-то всегда в стороне. А должно быть так: всем интересно, и тогда всем будет хорошо.

А вот из газеты украинских пионеров «Юный ленинец» мы узнали, как добивался отряд 5-го класса Кузёмовской восьмилетней школы Ворошиловградской области, чтобы каждый пионер принимал участие в общей интересной жизни отряда. Первое звено во главе с Наташей Крикливой возглавило операцию «Пионерская ферма». Второе звено Юры Лысакова повело всех за собой в «Походе бережливых». Третье звено, где звеньевая Наташа Кравченко, организовывало отряд в операциях «Миллион — Родине!» и «Уренгой».

Кроликов растили пионеры первого звена, а ребята из второго звена смастерили для этих кроликов 40 деревянных каркасов для клеток и обтянули их металлической сеткой. А березовые веники и травы на зиму заготавливал каждый пионер отряда. Все вместе собрали ребята 2 тонны металлолома и 300 килограммов макулатуры, и в этом деле есть доля каждого. «В одной связке, — говорят ребята этого отряда, — нам легче преодолеть ВТОРУЮ ВЫСОТУ».

А что сделал ТЫ для своего отряда?

Как берет пионерские высоты твой отряд?

Ждем писем!

НА МАРШЕ

Вопрос к ЦС ВПО имени В. И. Ленина

Дорогой «Пионер»! Мы узнали из 3-го номера журнала, что самые серьезные вопросы, если они хорошо обдуманы, мы, пионеры, можем задавать Центральному Совету Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. У нас очень серьезный вопрос.

Наш отряд включился во Всесоюзный Марш юных ленинцев. На отрядном сборе мы дали свое пионерское слово, составили план работы, стараемся участвовать во всех дружинных делах. Помогаем октябрятам, ходили в поход, собирали макулатуру. Но нам хочется побольше узнать о пионерской «поверке». Как лучше ее проводить?

И еще. Когда мы летом поедем в лагерь, будем там тоже давать пионерское слово или нет? Пожалуйста, ответьте на наши вопросы.

По поручению пионерского отряда 6«Б» школы № 83 г. Архангельска, член совета отряда Света Репишная.

На ВОПРОС Светы Репишной из г. Архангельска ОТВЕЧАЕТ зав. сектором ЦС ВПО имени В. И. Ленина Галина Петровна Чубарова.

Хорошие вопросы задает Света Репишная. Они нравятся мне потому, что говорят о стремлении ребят осмыслить все, что они делают. Слово «поверка», Света, означает, что отряд должен проверить, как выполнено все, что намечено было в плане, как справились пионеры со всеми заданиями. Включившись в Марш юных ленинцев, отряд принял свое пионерское слово — наметил конкретные пионерские дела: сборы, соревнования, игры, походы, трудовые операции, встречи, викторины и так далее. Слово принимал весь отряд, и на «поверке» отчитывается весь отряд. Но все — это не значит хором, наперебой, мешая друг другу. Все — это значит каждый. Перед своими товарищами и вожатыми. Будет правильно, если пионерская «поверка» начнется в звеньях, а затем продолжится на отчетно-выборном сборе.

На звеньевых сборах нужно повести откровенный и требовательный разговор о том, как **КАЖДЫЙ ПИОНЕР** участвовал в жизни отряда, что сделал для общего дела, чему научился, чем и кому помог, стал ли лучше, умнее, добрее, образованнее? Будет правильно, если накануне такого разговора пионеры еще раз вдумаются в слова Торжественного обещания, вспомнят Законы юных пионеров и попытаются оценить себя и свои поступки. Говорить нужно не только об удачах, но и о недостатках. И сразу же предлагать, как их поправить. На таком сборе пионеры все вместе решают, достойны ли они звания «правофлангового» отряда. Выслушав предложения звеньевых, поощряют и награждают лучших пионеров, отмечают работу лучших звеньев.

Что же касается лета, Светлана, то ты знаешь, что в пионерских лагерях создаются временные пионерские дружины и отряды. И эти отряды и дружины, чтобы не только отдыхать, но жить интересно и весело и с пользой для других, намечают план своих действий — принимают пионерское слово. А в конце смены так же, как и в конце учебного года в школе, проводят на общем сборе пионерскую «поверку» — подводят итоги и размышляют о том, что получилось и что не получилось. И эти размышления должны помогать ВСЕМ и КАЖДОМУ завтра стать лучше и жить интереснее.

Ребята, просим всех, кто пошлёт письмо в нашу новую рубрику, ставить на конверте «Отряд говорит с отрядом». Ждём ваших писем!

не посторонний и должен по мере сил помогать пионерским отрядам своих детей.»

Альберт ЛИХАНОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола

МАГАЗИН НЕнаглядных пособий

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ДУГИНА.

Светлой памяти Лидии Иосифовны Доукши посвящаю.

Автор

Могу биться об заклад: в моем детстве все было не так, как теперь. И если не понявший меня задаст уточняющий вопрос — лучше или хуже? — я воскликну, не сомневаясь: лучше! В тысячу, в миллион раз, и не подумайте, что я занудливый, скрипучий старик, которому ничего вокруг не нравится, всем он недоволен, только и знает — приговаривает: а вот раньше, а вот тогда... Нет, пока что я не старик, и дело тут совсем в другом.

Дело в том, что в моем детстве действительно все было лучше. Например, цвело больше одуванчиков, да, да. Теперь они прячутся куда-то подальше, на дальние лесные поляны и в городе робко выглядывают из-за кустов редкими желтыми глазками, а в моем детстве они росли рядом с тротуарами, рядом с дорогой, и когда ты шел по городской улице, тебе казалось, что ты идешь — ну просто по солнцу! Желтые поляны слепили глаза, и надо было щуриться, чтобы не споткнуться о тротуарину, которая то прогнется дугой, то выдвинется боком, то завирюхается под ногой от древности. Ранним летом тогда вообще можно было поправить настроение на улице. Расстроился чем-нибудь, огорчился, выйди на улицу, когда одуванчики цветут, пройди два квартала солнечной дорожкой да еще сверни на пустырь возле школы, где одуванчиков — море разливанное, и будешь еще вспоминать, что это такое тебя расстроило, какая неприятность: одуванчики ярким цветом своим сотрут все в голове, и если уж не сотрут до конца, то вроде бы неприятности твои отодвинут вдаль, и они окажутся уже мелкими и нестрашными. Вроде как одуванчики волшебством каким-то обладают.

А когда они отцветут? Когда дунет ветер посильней? Праздник на душе, ей-богу! Несутся по небу тучи — бегучие, летучие. А от земли к тучам взлетают миллиарды парашютиков — настоящая метель,— но как ни силен ветер, он непременно стихнет, и с неба, будто облака сбросили десант, плавно, медленно, в наставшей вдруг тишине летят назад одуванчиковые парашюты, и тогда хорошо залезть на забор, или на крышу дровяного сарая, или даже на крышу дома, сесть там на самый конек и задрать лицо к небу, разглядывая парашютики, встречая их взглядом и провожая к земле. В такой день ходишь ликующий, будто это ты сам летал над землей, поглядел на нее сверху. Или увидел какое-то чудесное чудо, салют, а может, странный дождь, который сулит впереди тайную радость и исполнение желаний...

В моем детстве было больше воды в нашей старой реке, и ее не рассекали песчаные отмели — это уж всякий подтвердит, даже ученые. В моем детстве в реке была рыба, клевали на удочку здоровущие окуни, не то что сейчас, всякая мелкота! В моем детстве было больше птиц и почему-то среди всех других — стрижей. Они носились над крутым берегом реки, над нашим оврагом, а жили под стрехой поликлиники, которая стояла впритык с нашим домом. Там любили селиться стремительные птицы, чей полет похож на след молнии.

По стрижам мы всегда узнавали погоду: если летят понизу, прямо над твоей головой, с легким шелестом разрезая воздух, значит, к дождю, а если вьются в бездонной высоте мелкими точками, значит, к ведру, можно не опасаться — самая надежная примета.

В моем детстве было много разных важных событий, так непохожих на сегодняшние, но дело не в непохожести, а в том, что все это я видел и помню до сих пор.

Видел, хотя мог и не видеть, и помню, хотя мог не помнить.

Почему?

Мне кажется, все дело в фотоаппарате.

* * *

Среди необыкновенностей моего детства был один магазин.

О, это был сказочный магазин! Сколько потом я ни ездил, ни ходил, ни летал по белу свету, я больше не встречал таких магазинов — может, не везло или, может, их не стало вовсе, а вот в ту военную пору магазин такой был, и не где-нибудь, а в нашем не бог весть каком большом городке. До сих пор я ломаю голову: зачем был этот магазин, почему? Ведь в нем почти не покупали и ничего не продавали.

Взрослых в этом магазине не бывало, единственная публика — дети, но какие мы покупатели? Однако я не стану спешить. Прежде чем войти в магазин, требуется пояснение.

Вот оно.

Читать, и довольно бойко, я научился еще до школы, в детском саду. Когда настала пора отдавать меня в школу, вышло решение: принимать детей не в первый класс, а в подготовительный. Тех, кто учился в таких классах, называли подготовишками. Какой-то деклассированный элемент, ни то ни се, ни рыба ни мясо, не детсадовцы, не школьники. В подготовительных классах больше болтались, чем учились, по крайней мере так высказывались мама и бабушка, по какой-то такой удивительной женской привычке совершенно не обращая внимания, что уши у меня, как у суслика, стоят торчком и я глотаю каждый их звук, не то что слово.

— И где учителей наберут для этих классов? — размышляла мама.— Настоящий педагог туда не пойдет, значит, наберут всяких недоучек.

— Хулиганствовать токо будут,— кивала бабушка, всплескивая руками:— Надо же! Чтобы в первый класс попасть, еще целый год учиться!

Быть целый год ни рыбой ни мясом никому не светило, и я, хотя и изготовился той осенью идти в школу, заволновался: все-таки я уже читал довольно бегло да и считал до полусотни, а это в детском саду полагалось высоким достижением в ту пору.

Обсуждение, как быть со мной, затянулось надолго. Мне казалось, родные мои мама и бабушка демонстрируют поразительную нерешительность. Они будто обмеривали меня, как выловленную рыбу. А рыба только хлопает хвостом, тяжело шевелит жабрами и молчит.

— Подготовительный класс не обязателен,— говорила мама,— но если он не справится с программой первого класса, могут ссадить назад, в подготовительный. Тут уж в детский сад не вернешься.

— Нашего не ссадят. Пусть попробуют ссадить! — отвечала бабушка, неизвестно в кого больше веруя: в меня или в себя.— А жалко. Маленький ведь, худой, гляди — одни кости, пусть подрастет в детском саду еще годик.

Я родился в сентябре, и у бабушки с мамой была бюрократическая зацепка за этот факт: они могли отдать меня в школу без полумесяца или почти восьмилетним.

— А зато школу как кончит, сразу в армию,— печалилась мама.

— Эк, куда хватила! — махала ладошкой бабушка. Десять лет ей казались далью неохватной, немеренной, и так далеко загадывать тогда никому не хотелось: война только началась, и отец совсем недавно ушел на фронт.

Отец ушел, радио говорило тревожным голосом Левитана, школы переезжали из своих зданий в деревянные бараки и старые дома, жильцов в квартирах уплотняли: вдруг поздно вечером открывалась дверь и входила женщина, а то и не одна, с ребеночком, с другим; в руках женщина держала ордер на уплотнение, и ничего не поделаешь, приходилось вытаскивать пожитки из одной комнаты в другую, если раньше жили в двухкомнатной квартире, а чаще всего из одного угла комнаты в другой, потому что в двухкомнатных квартирах до войны редко кто жил, и эвакуированные помещались в той же комнате, только за занавеской. Ну, а главное — главное, приходили первые похоронки, и мы, махонькие ребята, уже слыхивали истошный бабий вой — на одной ноте,— от которого бегут по локтям мурашки и все в доме замирают с одной суеверной мыслью: только бы нас обнесло...

Самым страшным человеком на нашей улице была почтальонка Муся. Жила она где-то на другом конце города — я думаю, почтовое начальство специально так подстраивало, чтобы почтальонка никого близко на нашей улице не знала,— и появлялась, как молчаливая серая птица, в одни и те же часы.

Бабушка с утра задергивала занавески в комнате, тревожно поглядывала на ходики, а когда наступал час и на улице появлялась почтальонка, бабушка подходила к окну, вставала так, чтобы ее не было видно, а сама она бы видела все, поверх занавески следя за действиями почтальонки, и минут на пятнадцать замирала — даже дыхание как будто останавливалось. Иногда я становился впереди бабушки, раздвигал щель между занавесками и тоже смотрел, как, потупив глаза, быстро идет по улице Муся, подходит к ящикам, бросает в них газеты и письма, худая, кожа да кости, худенькое пальтецо болтается на плечах, как на вешалке, красные руки торчат из коротких рукавов и такой же красный, озябший нос.

Я жалел Мусю, а бабушка ее не любила неизвестно за что и каждый раз крестилась, облегченно вздыхая, когда почтальонка обходила наш дом. Каждое утро бабушка исполняла этот ритуал — замирала на пятнадцать минут, выглядывая над занавеской. Потом крестилась, и жизнь продолжалась.

Моя ученическая судьба решалась в августе сорок первого года. Утром бабушка выглядывала из-за занавески на почтальонку Мусю, а вечером они с мамой рассуждали, сколько мне лет будет, когда я окончу школу, и какой толк от подготовительного класса.

Было ли что-нибудь странное в этом?

Было, но только лишь если поглядеть на то время из сегодняшнего дня. В ту же пору никто ничего странного не увидел бы. А ежели кто-то заговорил об этой странности, ему бы ответили: а что же делать? Жить-то надо!

И жили! И я не знаю случаев, чтобы заорали, стали жаловаться, если вдруг на пороге появляется женщина с детьми и ордером на уплотнение. Мирно подвигались и жили. Всякое, наверно, было, может, кто-то и побежал жаловаться, но ничего у него не вышло, а если и вышло, то исчезло из памяти, а осталось только это: что же делать, жить-то надо! И в тесноте надо жить, и в беде тоже надо жить, и когда почтальонка Муся того и гляди принесет бумажку, от которой завоет кто-то так, что мурашки по локтям...

Бабушка и мама решили меня все-таки в подготовишки не отдавать, пусть я покормлюсь перед школой в детском садике и уж лучше без полумесяца в восемь лет пойду сразу в первый класс. А чтобы не ссадили оттуда к подготовишкам — что просто унизительно,— надо мне учиться.

И мы с бабушкой начали странные уроки. По дороге в детсад и из него я считал — уже до сотни! — и читал. Но читать на улице можно было только вывески.

Дорога с бабушкой из детского сада — утром-то все-таки поспешали! — была долгой и забавной, и за эту дорогу много я выучил в ту пору разных слов, которые бабушка объясняла в силу своих знаний и пониманий. Вывески были разные, они отличались по цвету, преимущественно черные и бордовые с белыми или золотыми буквами, по размерам — от совсем маленьких до длинных и застекленных, по словам — понятные, написанные полными словами, или сокращенные, словно засекреченные. Например, «Гортоп». За этой вывеской во дворе лежали дрова, возле дров всегда суетился народ, хотя еще совсем недавно, несколько месяцев назад, до войны, на дровах всегда дремал сторож в валенках и было тихо, как на кладбище.

Некоторые вывески звучали торжественно и нелепо, особенно зимой, — я и зимой читал все те же вывески, их на зиму никто не менял: «Общество спасения на водах».

Некоторые вывески соединяли в себе слова совершенно уж невероятные, и хотя бабушка раскрывала их земной смысл, они так и оставались для меня обозначением каких-то неземных дел: «Райфо», «Райплан», «Районо».

Бабушка пояснила, что за мудреными словами скрываются районные финансы, районный план и районный отдел народного образования, но я словечко «рай» воспринимал буквально, и мне казалось: в доме, на котором висят эти таблички, находятся райские финансы, райский план и райский отдел народного образования. Обшарпанный этот дом в густых зарослях мальвы казался мне местом сказочным, там на трех невысоких этажах мне слышалась райская музыка, необыкновенные цветы, похожие на одуванчики, только не желтые, а красные, голубые, сиреневые, на длинных ножках, и в этих цветах лежат пачки совершенно натуральных нашенских денег, какие-то чертежи — как выглядит народное образование, я так и не придумал за все эти долгие годы, потому что за углом открывался вид на мой необыкновенный магазин.

— Читай, — подталкивала меня бабушка, но я не спешил исполнить ее команду, а любовался внешним видом моего магазина. Он был необыкновенным во всем, начиная с входа: у большого каменного дома как будто обрубили угол, верхние этажи украшали фальшивые балкончики, на которые никто никогда не выходил, а внизу сверкала стеклянная старинная дверь, и я торжественно произносил, даже декламировал:

— Магазин! Учебно! Ненаглядных! Пособий!

— Неужели так трудно хотя бы запомнить! — возмущалась всякий раз бабушка. — Наглядных! Посмотри на буквы: на-гляд-ных — посо-бий, — читала она по слогам. И я повторял за ней по-своему:

— Магазин ненаглядных пособий.

Я был упорен в своих взглядах. Однажды по радио пели песню, где были слова «ненаглядный мой». Я сразу спросил маму, что значит «ненаглядный».

— Ну, — ответила она безразлично, — наглядеться нельзя.

Вот именно! В этом магазине наглядеться нельзя, глаз оторвать невозможно. Какой же он магазин наглядных пособий? Ненаглядных!

Это был магазин ненаглядных пособий.

* * *

Ах, как длинны дороги в детстве!
И как сладка первая свобода!

Нынче дорогу от своей бывшей школы до дома я промахиваю за дюжину минут, не встретив ничего достойного внимания: магазин ненаглядных пособий умер, его нет, и тот угол под балкончиками, которые тоже бесследно исчезли, занимает другой магазин — совершенно скучный магазин обыкновенных игрушек, битком набитый заводными машинами, кубиками, куклами, медведями и прочей дребеденью, возле которой не встретишь даже малышей, а тогда, тогда...

Тогда дорога из школы домой занимала час — самое малое. Шесть с половиной кварталов, длиннейший из которых не больше двухсот метров, я одолевал так, как одолевает гурман вкусное пирожное: откусывал по маленькому кусочку, разжевывал тщательно, жмурясь и мурлыча от удовольствия, и уж потом, совсем-совсем потом неохотно проглатывал, чтобы откусить еще один крохотный кусочек. Кто-то там бежал, спешил по разным неотложным причинам, а у меня быстро никак не выходило, и время от времени дома происходили яростные стычки с бабушкой, которая никак понять не могла, что целый час я просто иду из школы, просто шагаю и никаких в этот час не совершаю преступлений — не курю с приятелями, не шатаюсь по рынку, не бегаю по пустырям с мелкими жуликами моего возраста, которых развелось в нашем городе великое множество. Нет, не понимала меня бабушка, не понимала, что можно просто медленно идти, останавливаясь у старых тополей, чтобы послушать вороний грай, зайти во двор «Гортопа» и поглядеть, как женщины грузят на телеги дрова для своих печей, суетясь, оживленно переругиваясь, а в самые ответственные и спорные мгновения размахивая какими-то бумагами, полученными, видно, в конторе. Ну, а главное, ведь надо же каждый день обязательно заглянуть в чудесный магазин!

Я делаю этот проскок в целый год, от детского сада к школе, безжалостно листанув дней четыреста, вполне умышленно, чтобы скорее приблизиться к моему дорогому магазину, ибо какое же удовольствие и какое наслаждение может испытывать человек, которого на минуточку, да и то без всякого встречного желания, лишь под напором нытья и даже плаксивого хныканья, заводит за руку бабушка, чтобы тут же, брезгливо фыркнув, вытащить обратно.

Нет, нет и нет! С бабушкой это не магазин, хотя она и водила меня туда несколько раз, когда я еще ходил в детсад. Магазин ненаглядных пособий обретает свое подлинное название только тогда, когда ты на свободе и когда ты один.

И вот через год в счастливом одиночестве я ступаю на порог магазина — все предыдущие сюда заходы, забеги, заскоки недостойны описания, — потому примерно через год я прикрываю за собой осторожно стеклянную дверь и счастливо улыбаюсь: наконец-то!

Магазин ненаглядных пособий перегорожен тремя рядами высоких стеклянных шкафов. У дальней стенки, сделанной тоже из стеклянных отсеков, только поменьше, за прилавком, дремлет седенькая старушка в коричневом свитере. До старушки я еще доберусь, а пока медленно, по полступни, боком двигаюсь вдоль первого, у окна, шкафа.

На полках в застекленных коробках ловко пришпилены сухие бабочки — и какие бабочки: таких я никогда не видал! Полосатая, с голубой перламутровой каймой вдоль крыльев, яркокрасная, в точечку, рыжая, с крыльями, оттянутыми вперед, толстые, как самолеты-бомбовозы, и

В моем детстве действительно все было лучше. Например, цвело больше одуванчиков...

стремительно изящные, с прозрачными крыльями, похожие на планеры, какие в летний полдень висят над загородным лесом.

В другой коробке жуки — от крохотных, едва заметных бусинок до страшных огромных носорогов, чемпионов среди жуков; найди такого — и можно выменять у мальчишек самую красивую марку, самопал, счастливую жестку, с которой можно обыграть самого ловкого игрока или просто-напросто стать знаменитым человеком, когда ребята показывают на тебя пальцем и говорят между собой довольно громко, так что и ты слышишь: «Вот у этого пацана есть жук-носорог размером с ладонь». Ничего, что в таких разговорах все немножечко преувеличено, такова слава: она со временем прирастает сама по себе, без всяких на то усилий.

Вот в этом была особенность чудесного магазина, в этаких всяких размышлениях. Смотришь на гигантского жука, а в голову сами по себе, без всякого зова, лезут разнообразные мысли, не связанные между собой в единое целое, но чрезвычайно важные для любого человека.

Вот, например, шкаф с жуками и бабочками соседствует со страшным, но еще не с самым страшным: в больших запаянных сосудах со спиртом извиваются змеи. Черная, зловещая гадюка, медянка с желтыми пятнами на голове, еще и еще какие-то. Я не видел змей в жизни, да не так уж много и слышал про них — какие в городе змеи и разговоры об этом,— но даже мертвые, заспиртованные и потому, ясное дело, безопасные твари вызывают ужас и отвращение, смешанные, однако, с любопытством. Кривясь от брезгливости и собственного страха, я тем не менее мысленно освобождаю змеюгу из банки, сушу на солнышке и доставляю в класс, чтобы на перемене, изобразив на лице равнодушие, вытащить эту штуковину на парту, или еще лучше, кладу потихоньку в портфель Вовке Крошкину, чтоб он заорал диким голосом, или вовсе здорово, Нинке Правдиной — и что было бы тут, представить себе невозможно...

Откуда возникали во мне такие мысли, я и сейчас понять не могу. Воинственностью характера я вовсе

не отличался, наоборот, не любил ввязываться во всякие проделки, которых в школе хватало. А вот нарочно змею засунуть в портфель — это мне в голову приходило, и надо заметить, не то чтобы иногда, порой, время от времени, а каждый день, едва я заходил в свой магазин и принимался разглядывать змей, заспиртованные экспонаты. Думаю, причиной была все же концовка каждого замысла... И откуда она бралась только? Всегда одна... Ребята будут показывать на меня пальцем и громко говорить между собой: «Этот пацан засунул в портфель удава». Ничего, что опять немножко преувеличенно — не удава, а медянку или от силы гадюку, но ничего не попишешь, такова слава.

Рядом со змеями целый отсек в нижнем шкафу занимало настоящее чудо: громадная, с хорошего поросенка, черепаха, она не нагоняла на меня страха, я приветливо улыбался ей, но концовка все равно была одна и та же: я еду на живой черепахе прямо посередке улицы, пусть медленно, зато верно, что за беда, и ребята показывают на меня пальцем!

После черепах шли рыбы в стеклянных сосудах, знакомые, виденные на рынке и дома щука и карась, незнакомые рыбы с красивыми хвостами и тонкие, как стрелки, и про рыб тоже шла та самая концовка. В магазине было много странностей, к которым моя концовка не подходила, например, какие-то личинки в баночках — как ни бился, я ничего не мог выдумать с этими личинками,— или сидела в банке здоровущая жаба, глядела вокруг немигающими выцветшими глазами, жабу в класс не принесешь, тут нет никакого геройства. За жабу могут и высмеять, могут пальцем показывать на тебя со смехом, еще кличку, не дай бог, придумают: «Эй, жаба!»

В конце первого же шкафа, занимая его сверху донизу, почти рядом с прилавком и старушкой в коричневом свитере, было самое страшное и самое привлекающее в этом магазине, но я нарочно отворачивал взгляд, нарочно откладывал самое страшное на последнее мгновение, когда уже все осмотрю, все выгляжу до малейших подробностей и надо будет выходить,— вот тогда-то, перед уходом, и надо внимательно, не спеша, со вкусом, но и с трепетом разглядеть это самое-самое страшное, до которого мы в школе еще не добрались и неизвестно, когда доберемся, если, конечно, доберемся вообще. Так что я отводил взор на второй ряд стеклянных шкафов, где хранились вещи, мне менее понятные, но тем не менее тоже любопытные: пирамида с ровными, удивительно гладко отполированными гранями, песочные часы разных размеров, большие линейки, по которым можно чертить разве что на доске, но уж никак не в тетрадке, громадный учительский циркуль — тоже для черчения на доске — деревянный, с острой железкой на одном конце и гнездышком для мелка на другом, глобусы двух размеров — большущий, руками не обхватить, и поменьше. В третьем ряду стояли колбы разнообразных форм, торчали веером стеклянные трубочки, сияли в коробках, раскрытых для красоты, разноцветные стеклышки и множество банок — ну точно как в аптеке — больших и поменьше, где на наклейках тщательно написаны иностранные слова. В стенку возле третьего ряда шкафов был вбит громадный гвоздь — даже гвоздь в этом магазине был изумительным и невиданным: он выставлялся из стенки сантиметров на двадцать, не меньше, шляпка у него была вполовину побольше пятака. И вот на этом гвозде, удерживаемая платком, висела целая пачка больших географических карт — и верхняя прямо-таки излучала красоту, сияя красными, малиновыми, желтыми, изумрудными, голубыми, еще и еще какими-то цветами, названий которых я просто даже не знал.

Ну, вот и все.

За исключением еще двух достопримечательностей — старушки продавщицы и самого страшного.

Старушка мне нравилась одной особенностью: она все время дремала. Голова ее совершала однообразное движение: медленно-медленно опускалась, а когда безвольно падала совсем, старушка на мгновение приоткрывала затуманенные дремотой глаза, как-то гордо вскидывала голову; пока она вскидывала ее, глаза уже закрывались — и голова едва заметными рывками падала снова.

Сколько раз я заходил в магазин ненаглядных пособий, старушка всегда сидела в коричневом свитере — даже летом, в жару,— всегда дремала, и по этой причине магазин мне нравился особенно крепко, потому что во всех других магазинах продавщицы смотрели на тебя, как змеи, не отрываясь, настороженно, немигающими глазами, точно стоит им раз моргнуть, как ты, тайный маленький мошенник, тотчас что-нибудь стянешь — пуговицу или носок, такая уж, видно, должность у продавщиц — в каждом подозревать жулика, и вот ведь до чего додумались: чем меньше ростом человек, тем больше у него намерений что-нибудь свистнуть. Ха-ха! Воруют с прилавка как раз не малыши, нечего на них зря пялиться, а взрослые парни: я уже видел, как один такой в кепочке-восьмиклинке солидно и вежливо говорил с продавщицей, она ему улыбалась, растяпа, а он другой рукой тихонько тащил с прилавка пачку мыла.

Но я отвлекся. Старушка нравилась мне своей сонливостью, тем, что не смотрит на тебя подозрительно, не боится, что у нее упрут какой-нибудь товарец. Это — дело понятное: кто на такой товарец позарится, да и попробуй его вынуть из этих стеклянных запаянных кубов!

Так что я разглядывал старушку перед тем, как посмотреть на самое страшное, спокойно и внимательно изучал, как у нее падает голова, открываются глазки, даже не видящие тебя, тут же снова закрываются, голова гордо вздергивается и медленно опускается вновь. Здорово получалось у старушки, ничего не скажешь! Почти экспонат! Может, даже ее купит какая-нибудь школа? Вот смеху-то будет! Ненаглядное пособие — спящая старушка.

Я похихикивал — негромко, чтобы, не дай бог, не разбудить продавщицу, хотя в душе совершенно не верил, что она может проснуться. Мне казалось, если даже заколотить школьным звонком у нее перед носом — здоровенным таким колокольчиком на деревянной ручке,— она не проснется, будет все так же поднимать и опускать голову, как заведенная.

И вот! Наконец! Всякий раз трепыхаясь как воробей! Холодея! Прижмуривая глаза от страха! Нехотя отрывая взгляд от спящей старушки! Я поворачиваюсь к стеклянному кубу прямо возле нее! И гляжу! Гляжу!

В стеклянном кубе, жутко ощерясь, страшно вглядываясь в тебя пустыми глазницами, навевая кладбищенский холод, стоит человеческий скелет. Гребешки распяленных костей вместо пальцев, желтые палки рук и ног, страшная яма таза, полая труба позвоночника и растопыренные ребра — кошмар!

Хочется закрыть глаза, выскочить из магазина, но что-то другое, тайное в тебе велит стоять, внимательно глядеть и не закрывать глаза, пока не

пройдет положенное время. Будто испытание, назначенное тебе и самим собой и не собой, а кем-то другим, хорошо тебя знающим, ослушаться которого ты не можешь, не имеешь права.

Я смотрел на скелет минуту, другую, третью, медленно поворачивался и не спеша выходил из магазина, только там, на улице, снова ощущая собственное дыхание.

Я не раз замечал: пока смотрю на скелет, жизнь будто замирает вокруг. Не слышно разговоров на улице, рыка машин, цокота лошадиных копыт. Не слышно даже собственного дыхания.

Через полквартала от магазина я сдерживал свой непривычно торопливый шаг, вертел головой, убеждаясь, что все вокруг по-прежнему, а через квартал в голову мне лезла все та же дурацкая мысль: ребята, да что там ребята, взрослые, все подряд, показывают на меня пальцем и говорят друг дружке: «Представляете, этот пацан купил скелет в магазине учебно-наглядных пособий!»

Купить скелет! От такой мысли веяло суеверной жутью, богохульством и вообще чем-то недозволенным, опасным, даже стыдным, но эта мысль неизменно приходила ко мне, правда, не раньше чем за квартал от магазина ненаглядных пособий — наверно, это было безопаснее, за квартал.

Купить! Но как, если даже преодолеть суеверие, богохульство, опасность, стыд и недозволенность? Я ни разу не видел, чтобы старушка продавщица проснулась по-настоящему, а значит, ни разу не видел, чтобы кто-нибудь что-нибудь покупал в этом магазине.

Или мне не везло?

* * *

А теперь промахнем три с лишним года — хорошо, что это можно сделать, когда думаешь о прошлом: будущее так просто не промахнешь, оно движется день за днем в наше настоящее, с годами убыстряя свой бег, и ты все чаще возвращаешься к детству — да будет благословенно оно! Да живет вечно оно в нашей памяти, счастливо тягучее время начала жизни...

Итак, через три года, в конце третьего уже класса, как раз по весне, когда вскрылась река и с шорохом и гулом уплыли вниз по воде рыхлые серые льдины, наша Анна Николаевна, опоздав немножко на урок, привела с собой пацана в кителе с морскими пуговицами.

Эти пуговицы бросились мне в глаза прежде всего. В кителях ходили почти все — такая вводилась школьная форма, то ли по причине военной поры, то ли по причине общей строгости и нужды: вид у кителя был строгий, шился он легко, а носился просто — знай меняй воротнички, вот и все.

Но пуговицы! У всех были железные пуговицы со звездочкой, а у Витьки Борецкого, который вошел в класс вместе с учительницей, редкостные для нашего сухопутного города чрезвычайно — с якорями. Анна Николаевна усадила Витьку в конце класса на свободное место и с минуту, наверное, обозревала пространство поверх наших голов, явно недовольная своим решением — далеко сидел Борецкий, далеко.

Мы хорошо знали, когда Анна Николаевна была недовольна: взгляд ее задерживался поверх наших голов дольше обычного, и порой, когда свет падал определенным образом на ее пенсне, это было чуточку странновато, потому что глаз учительницы за пенсне не было видно, а стеклышки блестели, и казалось, что у нашей доброй Анны Николаевны огромные стеклянные зрачки. Но в тот миг особый взгляд был нам непонятен, неясным получилось это блистание стеклышками пенсне и медленное озирание класса. Наконец Анна Николаевна проговорила несколько расстроенно:

— У Вити отец — новый начальник пароходства.

Да-а, тут было над чем поразмыслить.

Дело в том, что военное время разделило всех мужчин на две половины. На тех, кто воевал, и на тех, кто был в тылу. И фронтовики с презрением относились к тем, кто оставался дома: еще бы, на войне погибают, а в тылу как ни трудно, а все равно легче. Если повнимательней приглядеться, то и сейчас еще живо это неравенство — иногда справедливое, а иногда и нет, потому что всякому ясно: без тыла нет фронта и на одних женщин тыл тоже нельзя оставлять, много тяжкого приходилось на тыл — и голодуха зеленая, и смерть от дистрофии, и срочная стройка военных заводов, без сна и роздыха, но что поделаешь, так считалось и так считается: кто в тылу, тот крыса и достоин только презрения, кто на фронте, тот герой,— слава ему и честь.

Что у взрослых, то и у ребятни.

Каждый класс и каждая школа делились на две половины — на тех, у кого отец воюет, и на тех, у кого отец дома.

Детей тыловиков мы презирали и, как часто это бывает у ребят, гораздо несправедливей и с большей жестокостью, чем взрослые фронтовики взрослых тыловиков. Детский суд строг и не терпит объяснений. Любой суд обвинением кончается, а детский из одного обвинения и состоит.

Так вот, Витьку Борецкого требовалось немедля зачислить в большую, фронтовую, или меньшую, тыловую, часть класса, и по всем строгим правилам детского суда попадал он в явные тыловики, но вот якоря на пуговицах и должность отца — начальник пароходства! — сильно смущали. И не только меня.

Якоря в моем представлении, даже речные,— всегда дело серьезное, почти военное. А флот пуще того. Город наш стоял на реке не очень великой да широкой, но все же судоходной, и хотя он был также серьезным железнодорожным узлом и поездов, в том числе военных, ого-го сколько у нас проходило, паровозы и железнодорожники, даже военные железнодорожники, почему-то нашим уважением, как речные судоходы, не пользовались. То ли потому, что все же речники, как и моряки, в бескозырках, то ли потому, что их во много раз меньше, чем железнодорожников, то ли потому, что пароход, как ни крути, посложней паровоза, все-таки не по рельсам ходит, им управлять надо, чтобы на мель не сел,— словом, полувоенные речники при черных морских бушлатах имели в нашем городе особые привилегии и если не были фронтовиками в полном смысле, то как бы приближались к ним. Впрочем, может, это было лишь мальчишеским ощущением, которое вовсе не передавалось взрослым?

Так или иначе, но Витька Борецкий просидел в классе тихо дня три, так и не определенный ни в какой лагерь. Сидел себе на предпоследней парте, посверкивал завидными пуговицами с якорями, был тих и аккуратен, тянул руку, если хотел сказать или спросить, в общем, был образцовым пай-мальчиком, совершенно непохожим на нашу шумливую братию, с шумливостью которой и вовсе не образцовым поведением Анна Николаевна давно уже смирилась. Откуда только такой приехал?

В общем, ЧП, в которое влип Витька Борецкий, произошло только лишь по причине его поразительной дисциплинированности. Я было подумал,

уж не морской ли, но тут же отмахнул в сторону свое предположение — нет, не морской.

Итак, был урок рисования.

Анна Николаевна, я думаю, пользовалась нашей особой любовью еще и потому, что не скрывала своего неравного отношения к предметам. Математику и русский она почитала и это почитание всячески внушала нам.

— Тот, кто некрасиво, а пуще того, неграмотно пишет,— торжественно провозглашала она,— пустой человек, потому что письмо сиречь развитие мысли.

Анна Николаевна училась очень давно, может, даже до революции, и любила старинные слова, которые нам непременно разъясняла. Поэтому мы знали, что слово «сиречь» равно слову «есть».

— Вам жить в будущем,— говорила убежденно Анна Николаевна,— а без математики там шагу не ступить.— И мы налегали на математику кто как мог, чтобы не оказаться дураками в неизвестном и непонятном будущем.

Ну, а про рисование Анна Николаевна ничего не говорила. И про пение тоже. Нет, сказать плохое про эти предметы она себе **не могла позволить** — тоже словечки из ее разговоров. Но как бы мимоходом принизить их — это она могла.

— Ах,— говорила рассеянно Анна Николаевна,— сейчас, кажется, опять пение. Ну что же, споем, на чем мы там остановились? — И мы пели песню под ее неверный аккомпанемент на обшарпанном пианино, причем в отличие от других предметов учительница не поворачивалась к нам, когда кто-нибудь нарочно выдавал пискливую ноту, громко хрюкал или звонко хлопал ладонью по макушке соседа, сводя счеты, не разрешенные на перемене. Анна Николаевна налегала на слова, не особенно упирая на музыку и наше исполнение, и отметки по пению тоже ставила за слова.

Когда наступал урок рисования, Анна Николаевна была еще неаккуратнее, даже иногда проговаривалась.

— Может, вместо рисования попишем диктант? — наивно спрашивала она — конечно же, не нас, а сама себя. И как бы утверждала эту мысль весомым аргументом: — Репиных из вас все равно не выйдет! — И нередко мы действительно вместо рисования писали диктант или решали задачи, но самым любимым приемом Анны Николаевны был такой — большинство все-таки рисовало бутылку, или чернильницу, или две книги, живописно поставленные одна на другую, а те, кого учительница считала если не вполне пустыми людьми, но и не вполне полными, дополнительно решали задачу или писали изложение.

На сей раз выпал как раз такой урок. Кто-то глубокомысленно ковырял в носу и загибал пальцы — решал задачу, кто-то, свесив набок язык, старательно скрипел пером, а кто-то одним простым карандашом изображал сложную комбинацию из пустого стакана и книги Гоголя, которую Анна Николаевна поставила боком, но по рассеянности вниз головой, и теперь слово «Гоголь» приходилось рисовать вниз головой — получились смешные палочки, и над классом — то в одном ряду, то в другом — повисали смешки.

Урок шел к концу, Анна Николаевна принялась ставить отметки за рисунки, возле нее собрался такой барьерчик из народа, и тут Витька Борецкий поднял руку на своей предпоследней парте. Ему бы встать и запросто подойти к Анне Николаевне или громко сказать: «Можно выйти?» — а он сидел на своей парте, вирюхал коленками — ясно было, куда дело клонится,— но дисциплинированно держал руку, да еще локотком на парте.

Нашлись люди, хихикнули над ним, но разве Анна Николаевна поймет в такой суматохе, кто там над кем хихикнул. Была бы математика или русский — другое дело. А тут рисование, она и внимания не обращает, что где творится. Я даже громко сказал Витьке:

— Ты встань и скажи! Она не видит!

Витька покосил на меня коричневым жалостным глазом, но не послушался — вот до чего дисциплинированный, тут-то я и подумал про морскую дисциплину.

И вдруг раздался громкий свист. Здесь уж Анна Николаевна не могла не подняться со своего стула. Она грозно поглядела в сторону предпоследней парты, а обалдуй Мешков, с которым сидел Борецкий, по-прежнему свистел и медленно, даже оторопело отъезжал по скамейке от Витьки, пока не упал — нарочно, конечно,— с нее.

— Мешко-о-ов! — протянула Анна Николаевна, уставшая бороться с Мешковым.— Ну что еще там?

А Мешков поднялся с пола и нахальным голосом, заранее зная, что его оправдают, проговорил:

— Он тут описался!

Все смотрели на Борецкого. Витька был пунцового цвета. И медленно поднимался. Под морячком, в выемке скамьи, которая делается, чтобы удобней сидеть, была сырость.

Что тут случилось!

Крики, стоны, хохот, девчачьи ахи и охи!

Анна Николаевна колотила по столу книгой Гоголя, разрушив стройную художественную композицию. Она всегда внушала нам, что к книгам надо относиться свято, а тут громко колотила корешком Гоголя по столу, но не произносила ни слова.

И лицо у нее было странное. Какое-то дрожащее.

* * *

Ах, как легко попасть в нечаянное положение и как трудно, неимоверно трудно выбраться из него, когда тебе от роду лет десять. Я легко представляю, как мучился и страдал Витька Борецкий.

Тотчас после позорного эпизода Анна Николаевна отправила его домой, а наутро он не пришел в школу и не появлялся целую неделю. Можно вообразить, какой бой он выдерживал дома. Родители — а отец все-таки начальник пароходства, командует всеми пароходами — уговаривают и даже ругают, может, вполне вероятно, применяют грубую силу с помощью широкого морского ремня. Я однажды видел такой ремень на матросе — он продавал башмаки возле рынка, топтался неловко, маленький, красноносый, вовсе не похожий на речника, но ремень у него был что ни на есть боевой — широкий, с латунной бляхой, откуда прямо-таки вылезает выпуклый якорь.

Так вот, ясное дело, Витьку дома уговаривают идти в школу, а он упирается, и хотя родители уверены, что они кругом правы, Витька поступает мудро: именно неделю надо пропустить и никак не меньше, только через неделю, и то — самое малое, утихают в школе страсти после подобных нечаянных ЧП, становятся историей, теряющей интерес. К тому же Анна Николаевна постаралась. Через день она сказала нам, что Витька серьезно заболел, и хотя это была педагогическая хитрость, а грубо говоря, вранье, цели своей хитрость достигла: девчонки во главе с Нинкой Правдиной стали вслух жалеть Витьку и обалдуя Мешкова громко стали

И вот через год в счастливом одиночестве я ступаю на порог магазина ненаглядных пособий.

кликать дураком. «Этот дурак!» — выражались они пренебрежительно, а всех остальных, кто фыркал при упоминании Борецкого, обзывали бессовестными.

Потом Анна Николаевна целых пять минут выделила из урока русского языка, чтобы объяснить нам такую истину:

— Самый недостойный и пустой человек тот, кто смеется над другим, особенно если другой попал в беду. И самый достойный человек — это тот, кто умеет посмеяться над собой.

И еще несколько фраз в том же роде, и совершенно конкретное указание: если Борецкий вернется в класс, все должны показать ему, что ничего не случилось, если, конечно, мы благородные люди. Надо заметить, что на вторую часть рекомендации никто, кажется, не обратил внимания, а вот на первую обратили все. Значит, Витька может вообще не вернуться? Дело серьезное. Выходит, переживает не на шутку. А раз человек переживает, он достоин ну не уважения, так снисхождения, что и говорить!

Теперь о последней мысли Анны Николаевны. О благородстве.

Не хочу сказать, что его мало или вовсе нет в ребячьем племени. Напротив. Но когда речь о темах не то чтобы скользких, а неверных, что ли, некоторые не могут устоять. Дают слабину, а уж тут не прикажешь, не упрекнешь. Тут уж дело внутренних тормозов, скажем так.

Ну, у Мешкова их отроду не было, этих внутренних тормозов, на то он и Мешок. Так что когда Борецкий пришел наконец в класс, этот обалдуй выскочил из-за парты и, дергая брезгливо носом, уселся на свободное место в последнем ряду. Это была уж не слабина, а чистое негодяйство. Я видел, как Борецкий задрожал, повесил голову, смотрел прямо в парту и боялся поднять глаза, чтобы не увидеть еще чего-нибудь такого же.

Разглядывая в этот миг Витьку, я ни к селу ни к городу подумал вдруг о том, что, будь у меня с собой гадюка из магазина учебно-ненаглядных пособий, я ни за что бы не сумел подсунуть ее сейчас Борецкому. Но с большим удовольствием сунул бы за

шиворот обалдую Мешкову. Потом, неторопливо представив себе, как Мешок заорет, точно зарезанный, я неожиданно для себя вытацил из парты портфель и пересел к Борецкому. Он был словно конь, этот Витька. Не посмотрел на меня, а лишь покосил благодарно коричневым глазом — совсем по-лошадиному, вот чудак.

Зато Вовка Крошкин, от которого я ушел, мой верный, старинный друг с первого класса, хлопал глазами и таращился на меня. Мне стало нехорошо. Я выполз из-за своей парты, не сказав ничего Вовке, не предупредив его, да что там — даже ведь для себя нечаянно,— но поди-ка объясни это сейчас, когда уже ушел.

Да, это выглядело предательством по отношению к Вовке, самым натуральным и совершенно необъяснимым предательством.

Но дело было сделано. Я сидел с Борецким и боялся, как бы Вовка не показал на меня пальцем когда-нибудь в коридоре, при народе из других, не знающих в чем дело, классов, и не сказал бы: «Этот пацан — предатель!»

Но вышло совсем по-другому, хотя и не лучше. Анна Николаевна уцепила меня на перемене за локоть и шепнула:

— Ты благородный человек.

Я мгновенно вспотел от неожиданности, наверно, еще и рот приоткрыл, но учительница уже исчезла, а я вдогонку ей запоздало подумал: «При чем тут благородство?»

Благородство тут было ни при чем, ясное дело, просто так получилось и вышло совсем даже нехорошо, Вовка Крошкин никак не исчезал у меня из головы: ни за что обидел человека.

Я как в воду глядел.

После уроков мы с Борецким вышли из школы вместе. Я хотел пойти с Вовкой, но он куда-то запропастился, и когда за нами хлопнула тяжелая школьная дверь, я понял, что он запропастился не зря.

Вовка Крошкин стоял среди ребят из соседнего класса, стоял спиной к нам, но когда мы с Витькой поравнялись с ним, Вовка сказал деревянным каким-то, не своим, а вражеским голосом:

— Вот этот пацан прямо на уроке обо...

Даже я вздрогнул от Вовкиной непонятной жестокости, а Витька опустил плечи, прошел еще шагов пять и побежал.

Я повернулся к Вовке и вспомнил Анну Николаевну. Нет, она не права, никакого благородства нет в том, что я пересел к Борецкому. Мне, наверное, просто жалко его стало, вот и все, а вот Вовка, этот — да, Вовка поступал неблагородно.

Я хотел подойти к нему и сказать ему что-нибудь, сказать хотя бы с выражением: «Эх ты!» — но Вовка мельком взглянул на меня и опять отвернулся к ребятам. Не стану же я унижаться перед ним?

Дорога домой была как всегда долгой — мимо тополей с вороньим граем, «Гортопа», «Райфо», «Райплана» и «Районо» с райской, наверное, музыкой и цветами там, в обшарпанном доме. Я неспешно приближался к магазину ненаглядных пособий, думая о Витьке Борецком, о Вовке Крошкине, думая о том, как легко было Витьке попасть в нечаянное свое положение и как трудно теперь выбираться из него, думая о жестокости моего старинного друга Вовки, который мстил мне, унижая Витьку, и о том, что слава, к сожалению, бывает разной.

Есть слава, возвышающая тебя, когда говорят: «Глядите, этот пацан раздобыл настоящий скелет!» И есть слава, тебя унижающая, как сегодня: «Вот этот пацан прямо на уроке обо...»

И хоть жестокая эта слава принадлежала не мне, я думал о ней снова и снова, жалея несчастного моряка.

* * *

Как-то неумело и неловко сходились мы с Витькой Борецким под презрительным и строгим взглядом Вовки Крошкина. Я молчал от неловкости и какой-то дурацкой опаски, а Витька не навязывался, все еще с трудом одолевая душой нечаянную неприятность, в которую попал. Да еще его дурацкая дисциплинированность! На уроках он образцово внимательный, с таким не поболтаешь, не отвлечешься, и вроде по всему выходило, учиться я из-за такого соседа должен бы лучше, но не тут-то было. Витька плохо писал, а я, дурила, вместо того, чтобы жить своим умом, проверял свои действия в Витькиной тетради. Писал себе грамотно рядом с Вовкой Крошкиным, никуда не заглядывал, а сел к Витьке и стал у него проверять.

Мы тогда диктанты все писали на мягкие знаки. Где и когда с мягким знаком слова пишутся, а где — без. Сперва я хотел слова «смеются» и «стараются» написать без мягкого знака, но заглянул к Витьке и написал «смеються» и «стараються». Анна Николаевна, проверив тетради, жутковато засверкала стеклышками пенсне в нашу сторону, и я сразу понял: оставит после уроков.

После уроков Анна Николаевна пересадила нас на первую парту и целый час диктовала всякие слова с мягким знаком. Я старался к Витьке не заглядывать, но все же раза три заглянул и сделал три ошибки.

Витька это засек и сказал мне, когда Анна Николаевна нас отпустила:

— Ты ко мне в тетрадь не смотри. Я ведь серб!

Я первый раз видел серба, но все равно удивился:

— А это при чем?

— Никак привыкнуть не могу к мягким знакам!

Но Витькино признание, что он серб и поэтому не может привыкнуть к мягким знакам, сильного впечатления на меня все-таки не произвело. Потому что сильное впечатление Витька произвел на меня чуточку раньше.

Когда мы вышли на улицу, он спросил:

— Хочешь, я тебя сфотографирую?

Фотографировали в специальной мастерской, у нее было даже красивое нерусское название — ателье, и я не раз бывал там, правда, еще до школы, маленьким, и, надо сказать, всякий раз прилично волновался.

Бабушка и мама вынаряжали меня как на праздник, вели с собой в это ателье, где была стеклянная крыша, и недовольный дядька усаживал меня на стул, уходил к фотоаппарату на треноге — с аппарата свисал черный платок,— дядька укрывался им, потом быстро шел ко мне, хватал за лицо руками и заставлял всяко неудобно поворачиваться, а у меня как назло подбородок опускался, и он подбегал снова и опять вздергивал мою голову, так что уже хотелось не фотографироваться, а реветь. Потом фальшиво приторным голосом дядька говорил:

— Мальчик, смотри сюда и не шевелись, сейчас птичка вылетит,— но никакая птичка не вылетала, и я уходил из ателье изнуренным и расстроенным.

И все ради чего? Ради того, чтобы через неделю бабушка, ликуя, выложила на стол карточки, где у меня какое-то фанерное, испуганное лицо, будто

меня со всех сторон скрутили веревками и заставили при этом улыбаться.

Единственное серьезное начало было во всей этой затее, единственное, достойное понимания: карточка посылалась отцу на фронт. А отец однажды взамен прислал свою: сидит на колесе пушки в пилоточке и улыбается.

Это одно оправдывало муки!

И вдруг Витька говорит про фотографирование. Я насторожился.

— Как это? — спросил, не понимая.

Витька улыбнулся, поняв, что ли, меня. Он положил на землю портфель, покопался в его глубине и вынул блестящую пластмассовую штучку, похожую на лягушку. Штучка помещалась на Витькиной ладони, взблескивала под солнцем стеклянным носиком и лакированными бочками.

— Что это? — удивился я. Штуковина никак не походила на чудовище в ателье, раскорячившее три деревянные грубые ножищи.

— Аппарат «Лилипут»,— проговорил Витька, и я услышал в его голосе некое превосходство над моей темнотой.— Становись,— приказывал он, и я послушно пошевеливался, уже безоговорочно подчиненный его воле.— Вот так, чтобы виднелась школа. Не жмурься от солнца. Внимание! Снимаю!

Я затаил дыхание, как в ателье, но Витька чем-то негромко щелкнул и уже протягивал аппарат мне:

— Теперь валяй ты. Сюда смотри. А сюда нажимай.

— Я? — Глуповатым хихиканьем я прикрывал растерянность,

Витька предлагал мне что-то небывалое, какого никогда еще в жизни не случалось со мной. Сфотографировать? Его? Мне? Нажать на этот рычажок? А сперва посмотреть в это окошечко?

Я бросил портфель в кучу пожухлых листьев. Схватил аппарат, приставил палец к рычажку и взглянул в окошечко. Витька торчал там совсем маленький, и школа уменьшилась в двадцать раз, но все было видно очень хорошо. Я затаил дыхание и нажал на рычажок. Что-то щелкнуло. А Витька уже кричал мне:

— Сегодня проявим и сегодня же напечатаем. Я попрошу отца, он нам поможет.

Я кивал каждому слову, совершенно не понимая их — проявим, напечатаем, как это? — и, наверное, на моем лице блуждала такая неуверенная тупость, что Витька вдруг примолк, внимательно поглядел на меня и попробовал вернуть к действительности той самой фразой:

— Ты ко мне в тетрадь не смотри. Я ведь серб.

Он серб и не мог привыкнуть к мягким знакам, а я мог писать без ошибок, но не мог привыкнуть к фотоаппарату.

* * *

Это было только начало, кто бы знал! Блестящий лакированный «Лилипут» со сверкающим глазком линзы посреди толстенького пластмассового животика был даже не самым интересным в этом деле!

Самое замечательное началось под вечер, после обеда — первого моего обеда в гостях, когда я в гости пришел не с мамой и бабушкой, а один и когда вернулся с работы Витькин отец.

Но до вечера, до самого главного, произошло множество других событий, может, и не таких важных, но, безусловно, выдающихся, которые создавали в моих глазах вокруг Витьки Борецкого ореол необыкновенности.

Начать хотя бы с того, что Витька жил на барже.

Рядом с дебаркадером, куда швартовались пароходы, только выше по течению, стояла черно-коричневая баржа. Мы приблизились к ней и по узкому трапу перешли полоску воды между берегом и бортом. Дальше была обычная дверь, обычная комната, с кроватью, шкафом и кушеткой. Единственное отличие от обыкновенного дома — два крохотных окна и дрожащие солнечные блики на потолке, отраженные не стеклышком, не консервной банкой, а водой и потому бегущие, шевелящиеся, живые.

Витька бросил портфель, положил фотоаппарат, велел и мне освободиться от своего груза, и мы выскочили обратно на палубу. Вдоль нее на веревке полоскались наволочки и подштанники, судно было явно небоевое, но это ничуть не оскорбило моего радостного волнения. Витька подвел меня к борту, и я увидел две лодки на цепях — большую и поменьше.

— Это мой ялик! — кивнул он на маленькую.

Его! Собственная! И слово он применил, мной еще не слыханное: ну про лодку я знал, кумекал, что такое плоскодонка, читал про шлюпку, но ялик? Витька подтянул лодку за цепь, расковал весла, прихваченные ею, как-то лихо, по-морскому наступил одной ногой на нос ялика и приказал мне:

— Садись на весла!

Я добрался до лавки, укрепил весла, и Витька прыгнул в лодку, отчего нос резко приопустился. Ему бы надо сесть на корму, уже потом соображал я, но в тот миг я отчаянно и радостно принялся буравить воду веслами.

Будем откровенны: я первый раз в жизни сел за весла, был, так сказать, человеком совершенно сухопутным, а Витька, выросший возле реки, даже не подозревал об этом.

Все заняло какие-то мгновения. Течение возле баржи оказалось сильным, гребец неловким, и струя, подхватив легкое суденышко, понесла нас вниз, к дебаркадеру, возле которого, отдуваясь, швартовался колесный пароход. Ялик стоял носом против течения, и я видел, как мы приближаемся кормой к пароходу, к огромным красным плицам его колеса. Я старался изо всех сил, даже привставал чуточку, когда делал гребки, но весла чиркали воду, то одно, то другое весло срывалось, стуча о борт лодки, и мы сплавлялись ближе к пароходу.

Все во мне заледенело, как это бывает с людьми в решающую минуту — от этого леденящего гипноза, оцепенения, страха и гибнет чаще всего тот, кто мог бы спастись, будь он чуточку увереннее в себе.

С парохода крикнули:

— Эй, пацаны, куда вас прет!

— Иди на корму! — крикнул мне Витька и цепким, морским каким-то скачком, на полусогнутых ногах, оказался передо мной. Я сидел, по-прежнему оцепенелый.

— На корму! — приказал он, я послушно поднялся, ялик отчаянно закачался с борта на борт, прихлебывая речной водицы.

— Согни ноги! — крикнул Витька и подтолкнул меня к корме.

Едва удержавшись в лодке, я рухнул на колени и ткнулся подбородком о корму. Рядом слышался мерный плеск, я обернулся. Витька отгребал в сторону, а возле нас медленно проворачивалось огромное колесо с ярко-красными поперечинами лопастей.

Витькино лицо не выражало ни страха, ни отчаяния, ни злобы ко мне. Он просто трудился, откидывал весла, загребал ими воду, снова откидывал и

снова загребал, напрягая руки, грудь и живот, и я поразился неожиданной мысли: как мог он сконфузиться в спокойном классе, этот парень, который не растерялся на неверной, зыбкой и опасной воде?

Только потому, что здесь у него был опыт? Но какой такой опыт требовался в классе? Выходила явная ерунда, какая-то чепуховина, концы не сходились с концами, одно не вытекало из другого, я не находил связи, терялся и ничего не понимал.

Впрочем, не понимал по своей естественной неопытности. В жизни вообще часто одно не вытекает из другого и не сходятся концы с концами. Логике не все подчиняется в мире человеческих поступков, и еще не раз я увижу, как тот, кто считался всеми героем, оказывается трусом, а тот, кто считался слабым, оказывался сильным. В общем, бывают задачки, где результат не сходится с ответом, который ждут. И правильность решений как раз вот в этом — в том, что не сходится.

А Витька вывел ялик на тихую воду, бросил, ни слова не говоря, весла и пересел обратно на нос.

Я ничего не спросил, но, видно, лицо мое изображало такой вопрос, что он засмеялся и сказал:

— Ну, греби!

Мы плыли по тихой воде, и Витька учил меня, как опускать весла в воду, как закидывать их вперед до предела, а потом, не заталкивая в глубину, вести назад, помогая рукам всем туловищем.

Обратно, к барже, я подгребал сам, спокойно и уверенно пройдя стремнину, и Витька, заковав свой ялик цепями, весело подмигнул мне.

Я радостно рассмеялся. Ладошки у меня вспухли прозрачными пузырьками, спина и руки болели, но я был счастлив, потому что научился полезному делу.

А самое интересное только еще приближалось.

* * *

Это было настоящее таинство! Торжественный, невиданный, даже чуточку пугающий ритуал! Особые, неслыханные дотоле слова!

Хриплым, прокуренным голосом начальник пароходства, тощий, как плоскодонка, с носом, похожим на руль корабля, в кителе с непонятными нашивками на рукаве, спрашивал строго Витьку:

— Какая у пленки **чувствительность?**

Борецкий произносил в ответ таинственные цифры.

— Бачка у нас нет,— говорил ему отец,— это тебе известно?

Витька деловито кивал, и отец, разделяя слова, а оттого произнося их как бы торжественно, продолжал:

— Ну, ничего! **Чувствительность невысокая!** Можно проявить при красном свете!

Витька притащил **красный фонарь,** расставил **кюветы,** растворил, священнодействуя, какие-то порошки разных цветов, а я внимал происходящему, ни черта не понимая, как последний тупица.

Вроде бы я во многом разбирался на белом свете на третьем году школьной жизни! Уж по крайней мере вел себя уверенно в любых обстоятельствах, как мне казалось. Представить себе не мог, что могу выглядеть простофилей! А вот выглядел! И даже дважды в один день: сперва не умел грести, теперь ничего не смыслил в фотографии. Единственные понятные вещи говорила грубым мужским голосом Витькина мать. Она курила, сидела подальше от суматохи в кресле и спрашивала:

— Полотенце руки вытирать взяли? А то опять Виктор насажает пятен на брюки! А температуру воды замерили? А окна не надо занавесить?

Оказалось, что и окна надо занавесить, и смерить температуру воды, и взять полотенце для рук, и приготовить пинцет — зачем, поражался я! — развести **фиксаж** — что это такое? — и, наконец, погасить свет.

На столе при свете красного фонаря таинственно чернели в кюветах три жидкости — проявитель, вода и фиксаж. Витькин отец взял «Лилипут», раскрыл его и вынул недлинный кусок пленки. Она казалась белой при красном свете. Потом он опустил ее в проявитель и уступил нам с Витькой место:

— Смотрите!

Витька подтянул меня к столу за рукав. Я затаил дыхание. Борецкий уверенно взялся за край пластмассовой ванночки и стал медленно, торжественно покачивать ее. Пленка в жидкости изгибалась, вылезала из ванночки, и тогда Витька топил ее, аккуратно прикасаясь пальцами к ее краешкам. Настало долгое ожидание. Проявитель в ванночке тихо всплескивал, и я почувствовал, что комната медленно, как бы в такт ванночке, покачивается и где-то слышен негромкий плеск. Это покачивалась баржа на воде, и непривычное, едва уловимое колебание ее окончательно превращало таинство при красном фонаре в какое-то возвышенное действие, которое обещает волшебство, необыкновенность, неожиданную радость.

— Коля! — спросила меня в самый неподходящий момент Витькина мать.— А тебя дома не потеряют? Ведь уже поздно!

— Нет! — воскликнул я, отмахиваясь от тревожного вопроса и не желая думать ни о чем, кроме их счастливых колебаний — баржи и ванночки.

Там, в гуще проявочной жидкости, на белой полосе пленки начинали возникать сероватые линии. Они становились все четче. Уже можно разглядеть окна, забавные смешные окна, в которых черно, зато переплеты белые — все наоборот. А вот чье-то лицо — откуда-то взялся негр с белыми, как у вареной рыбы, глазами. Рядом — белые кусты, белое дерево.

— Почему-то,— шепнул я,— все наоборот.

Витька не засмеялся, а торжественно, как заклинание, произнес еще одно незнакомое мне слово:

— Негатив!

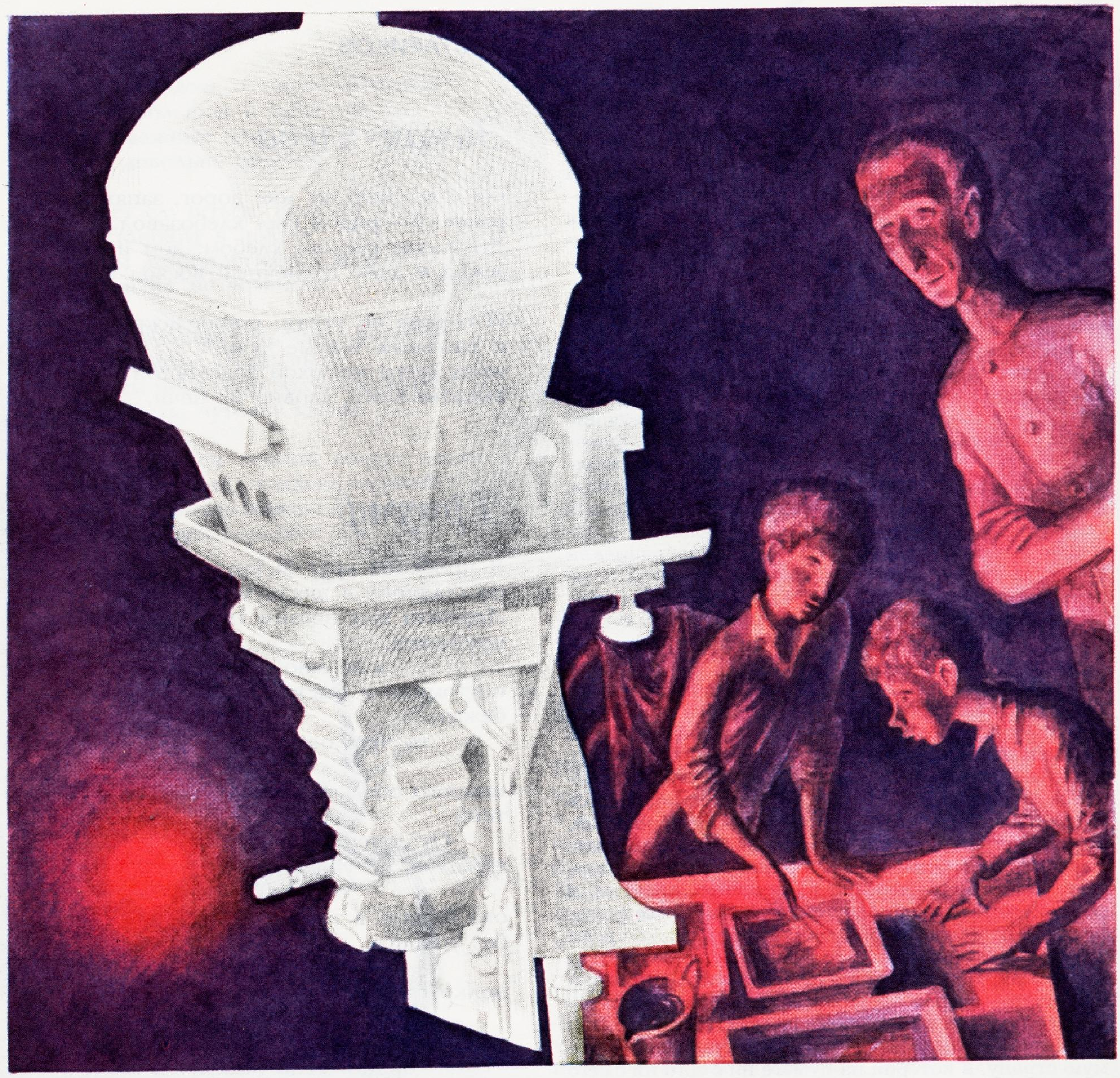
— Ага, понятно,— выдохнул я, ничего не понимая.

Расстояние между мной и Витькой возрастало с каждым мигом. Рядом со мной был не обыкновенный одноклассник, к тому же еще и презираемый кое-кем за свой необъяснимый конфуз, а человек, который умел грести, обладал собственным яликом, жил на барже, но главное — умел не только фотографировать, но и качать кюветку, растворять порошки проявителя и фиксаж, знал, что такое негатив, и вот теперь глубокомысленно вглядывался в очертания, возникшие на пленке, и весь его сосредоточенный вид свидетельствовал о серьезности дела, которым он занимался, о полной самоотдаче, о ярко выраженном умении делать то, что не умел делать я.

— Пап, погляди! — сказал он. Громко кашлянув, начальник пароходства свесился над Витькиным плечом, похожий на аптечного провизора, и вынес приговор:

— Промывай!

Витька вытащил пленку из кюветки с проявителем, сунул в кюветку с водой и отчаянно заболтал ванночку. Потом опустил пленку в фиксаж. Белый



Это было настоящее таинство! Торжественный, невиданный, даже чуточку пугающий ритуал.

налет, какой бывает на языке, если поел снегу зимой или как следует простудился, таинственно и бесследно исчезал с пленки. Наконец, она стала прозрачной.

— Можно включать!

Я радостно бросился к выключателю, налетел на стул, раздался грохот, и, когда загорелся свет, я опять был в дурацком положении — не первый раз за этот день — на четвереньках, запутавшись рукой в изогнутой спинке венского стула.

Но неудачи не меняли моего счастливого настроения, да и Витька совершенно не замечал моих оплошностей, он был увлечен не меньше меня, и мы с восторгом разглядывали негатив, где, оказывается, все должно быть наоборот, чем на самом деле: белое — черным, а черное — белым, таков закон фотографии.

— Ибо эмульсия,— поднимал большой палец начальник пароходства,— **светочувствительна,** а это означает, что она как бы не замечает черное, зато **фиксирует** все светлое, и это светлое оставляет на пленке следы. Потом, при **печати,** негатив накладывается на фотобумагу, которая тоже **чувствительна,** происходит **экспозиция —** включают белый свет — и сквозь светлое на негативе проходит луч к бумаге, оставляя при проявке черный след. А через черное он, естественно, не проходит. И не оставляет след. Так что черное на негативе остается белым на **позитиве,** то есть фотокарточке.

Я захлебывался непонятными словами, лихорадочно переспрашивал и сам повторял незнакомые звуки, радуясь, что они, оказывается, получаются и у меня, следил за ловкими руками Витьки, который протирал пленку одеколоном, поясняя при этом, что вообще-то лучше бы спиртом — для быстрой сушки, потом демонстрировал **копировальную рамку,** закладывал кусочки фотобумаги под негатив, **экспонировал** и давал **поэкспонировать** мне, предлагал мне попроявлять, пофиксировать, делать **пробы,** то есть проверять, какая **выдержка** для каждого негатива будет **наилучшей.** Потом мы **глянцевали** карточки, и это тоже была целая поэма.

Сперва требовалось тщательно промыть обыкновенное стекло, потом протереть его раствором вонючего формалина, затем набросать мокрые карточки, укрыть их газетой и специальным резиновым валиком прокатывать их до тех пор, пока с них не исчезнет лишняя вода.

Увеличителя у Борецких не было, поэтому мы напечатали **контактные снимки,** то есть точно такого же размера, как негатив, и наши фотоснимки на фоне школы теперь оказались намертво приплюснутыми к стеклу.

Уф!

Я не ощущал себя в тот вечер, не чувствовал ни рук, ни ног, иногда только, как сквозь какой-то туман, кололо мозоли на руках, и я на секунду мысленно вырывался из-под торжественного света красного фонаря на стальную речную стремнину. Но даже река и страшное дневное приключение тотчас исчезали из памяти — красный мрак фотографического таинства, лица, медленно выступающие на белой бумаге, под жидкостью проявителя, две красные точки во тьме — папироски Витькиных родителей, щелчки выключателей в тишине, шуршание черной бумаги, в которую заворачивали бумагу фотографическую, властвовали мной завораживающе, беспредельно. Я и домой-то шел, механически переставляя ноги в уличном мраке, душой все еще оставаясь на Витькиной барже, в темной комнате.

Дома мне влетело, бабушка и мама уже сбегали в милицию, заявив о моей пропаже, и моему беспутству посвящалась длинная — сперва поодиночке, а потом и вперемежку — женская руготня, которую, надо заметить, я плохо слышал, таинственно улыбаясь в ответ. Еще бы, у Витьки **глянцевались контактные отпечатки** моих первых **экспозиций,** сделанные на **светочувствительной фотобумаге, эмульсия** которой получила определенную **выдержку,** а потом подвергалась **кюветной проявке,** в которой участвовали различные **химические вещества,** в том числе **гидрохинон!** Разве могло со всем этим соперничать какое-то незначительное опоздание домой, поздний приход, бабушкина и мамина проборка — сперва поодиночке, а потом вперемежку! Господи! Да я же сегодня просто Магеллан! Или Колумб! Я открыл для себя неведомую, неповторимую страну, в которой на бумаге ни с того ни с сего появляется вдруг дом, или человеческое лицо, или дерево! И хочу, жадно хочу научиться, как Витька, устанавливать диафрагму и выдержку в зависимости от чувствительности пленки, покачивать кюветку, уметь растворять порошки и вообще уметь фотографировать!

Ведь можно же будет запечатлеть этих шумящих женщин, если, конечно, они спокойны, наш дом, заросли одуванчиков вдоль тротуаров и на пустыре возле школы, стрекоз, неподвижно замерших в воздухе, Вовку Крошкина, Анну Николаевну, дом, где сразу «Райфо», «Райплан» и «Районо», и, наконец, магазин ненаглядных пособий — весь мир можно снять на пленку, оставить на бумаге, запечатлеть наяву — навсегда, навсегда, навсегда!

Где бы только раздобыть «Лилипут» — странное, с блестящим глазком на полированном брюшке существо, способное навсегда запомнить мир?

Я представлял, как иду по улице, меня встречает толпа незнакомых совершенно мальчишек, и кто-то один из них говорит, кивнув на меня:

— Смотрите на этого пацана! Он, знаете, что умеет? Фотографировать!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

А. СТАРИКОВ

Запах хлеба

Он с детских лет мне дорог, запах хлеба
ржаного — рядом был хлебозавод.
Все пахло свежим хлебом: дом и небо,
земля и даже солнечный восход.

И солнце по утрам, роняя искры
и рассыпая теплые лучи,
из-за бугра краюхой золотистой
выкатывалось, словно из печи.

Триумф

Я пробегаю круг за кругом
по стадиону в шесть утра.
Дорожка под ногами туго
пружинит,
а со мной по кругу
неутомима и быстра
бежит,
то чуть отстав,
то снова
немного обогнав меня,
тень.
От соперника такого
пожалуй, не уйдешь.
Готова
она бежать в теченье дня
без устали.
А финиш близок —
полкруга до него.
И вот
рывком,
бросая тени вызов,
вхожу в последний поворот.
Тень отстает,
я снова лидер!
И я бегу
в сиянье дня,
а солнце —
благодарный зритель —
с трибун приветствует меня!

Стрижи

Над самой водою, от щуки вблизи —
голодной, большой и зубастой,
летают отважные птицы — стрижи,
хоть это довольно опасно.

Все может случиться: откажет крыло,
волна остановит в полете...
Но птицы летают стихиям назло,
и их на испуг не возьмете!

За ними с восторгом следит воробей,
кукует кукушка: «Куда вы?!»
А им нужен риск, мир больших скоростей
и, может быть, чуточку славы.

И разве сравнишь теплый воздух полян
с прохладным — над гладью озерной,
где ветер да волны вокруг, а земля
намечена линией черной?!

Самое главное

Вначале берется бумажный лист,
несколько раз сгибается —
и вот по ручью
невелик, но быстр
бумажный кораблик спускается.
Намокнет он скоро, ко дну пойдет.
Но смело плывет он вперед и вперед —
и флаг на корме развевается!

Потом отправляется в дальний путь
другой кораблик — из дерева,
и терпит крушение где-нибудь,
и судно навеки потеряно.
Но гибнет оно в полноводной реке,
в реке! — а не в маленьком ручейке,
и жизнь его днями измерена!

А вот отплывает от берега плот,
качаясь, выходит из гавани —
мальчишек немало чудесного ждет
в их самое первое плаванье.
Прослужит мальчишкам плот месяц и два,
затем он пойдет, может быть, на дрова,
но это не самое главное!..

А самое главное то, что ребят
в дорогу бескрайние дали манят,
что руки у них работящие,
что есть у них цель.
Ну, а плот — не беда...
Они поведут скоро вместо плота
по морю суда настоящие!

Что видит рыба

Что видит рыба из воды?
Как с удочкой приходишь ты,
как наживляешь червяка,
как глаз не сводишь с поплавка,
как целый день поклевки ждешь,
как после удочку берешь
и отправляешься домой,
держа в руке бидон пустой...

Рисунок В. ДУДКИНА.

Твоя земля

Прошлым летом мне повезло — я попал в Целиноград, на Всесоюзный слет трудовых объединений школьников. Там, на слете, были интересные экскурсии, красивые праздники, встречи со знаменитыми людьми. И природа вокруг была необыкновенная — огромные, до горизонта, целинные степи под низким, раскаленным солнцем, висящим в ослепительно синем небе. Но главным для меня было другое. Там, в Целинограде, я встретился с замечательными ребятами. Уже в школе они стали трудолюбивыми, рабочими людьми. Хорошо освоили нужную в хозяйстве родного края профессию. Помогают взрослым выполнять Продовольственную программу. Их сегодня уже можно назвать мастерами. Обо всех встречах не расскажешь. Но о некоторых — стоит обязательно.

Стригаль

Петя Егоров поглядывал на часы.

Сначала меня это несколько удивило: все-таки я старше Пети, да и некуда ему особенно торопиться, мог бы поговорить с корреспондентом.

— Прошлым летом,— степенно сказал Петя,— заработал на костюм и вот... на часы.

И начал рассказывать.

Оказывается, стригаль — сезонная профессия, и сезон этот — лето. Поэтому для Пети работа и отдых крепко связаны: теплые вечера, когда побаливают руки и спина и с речки слышны веселые голоса, кино в клубе, душный запах овечьей шерсти, прозрачный мягкий воздух, научная фантастика, которую в изобилии доставляет сестра-библиотекарша. Заботливые лица родителей, Никиты Ефимовича и Анны Ивановны, когда Петя возвращается домой, выполнив норму.

Стригаль — профессия сложная. Десять овец «без разгиба», как говорит Петя, и вся спина заныла. Работает Петя не один. Их целое звено стригалей — ученическая бригада Демского совхоза Бишбулякского района в Башкирии.

Овец в совхозе много — тридцать тысяч: закройте глаза и попробуйте представить себе такую отару. Полтора месяца — период стрижки — тяжелая ежедневная работа. И стричь овец должны сильные и чуткие руки.

У них, молодых стригалей, вроде получается. Получается — и даже еще силы остаются поиграть в футбол, искупаться, сбегать в клуб. Лето есть лето. А вокруг деревни... Впрочем, как расскажешь про Башкирию, про леса, озера, про ту же речку?

И Петя смотрит на меня карими внимательными глазами: понимаю ли я? Я понимаю. Летом в деревне хорошо.

Дояр

Утром грузовик отвозит на первую дойку. Саша встает рано, вместе с мамой, и тоже забирается в кузов, трясется на скамеечке с доярками и ежится от ветра.

Такая жизнь началась у него после того, как мама устала. Решила уволиться с фермы. Что-то плохо стало со здоровьем. В последний месяц работы она попросила помочь Сашу. Дома-то он тоже ходит за коровами...

Сашу Федосеева в отряде дояров на ферме можно узнать сразу — маленький он. И худенький. Как начал помогать маме, уже три года прошло. Мама с тех пор поправилась, хорошо работает. Саша перешел в девятый класс, а с фермы не уходит. Как-то попался он во время дойки на глаза учительнице труда, которая девчонок учит доить. Та ахнула и сказала: «Талант».

Дело, конечно, не в таланте. Хотя руки у него

умелые: на республиканском конкурсе в Омске в прошлом году Саша Федосеев занял в зональных соревнованиях второе место. Просто он работает с детства. Доит. Носит ведра с молоком. Чинит технику вместе с отцом. А еще у него есть кролики: завел сам и сам ухаживает. А еще — он работает летом в ученической бригаде, на школьном поле, выращивает картофель, капусту...

Есть у Саши мечта: он хочет стать шофером. Быстро ехать по полю, везти доярок на первую дойку, глотать сибирский ветер, держать руль. Впрочем, в выборе профессии он еще твердо не определился.

Твердо определился только с местом жительства: Новосибирская область, Венгеровский район, совхоз «Тартасский», село Заречное.

Просто Петя

Почему я не назвал в заголовке Петину профессию? Об этом — чуть позже.

Петя Удовин из Николаевской области — длинный, улыбчивый, немножко стеснительный парень. О таких обычно говорят: «Нескладеха». А мне такие люди всегда были симпатичны. Я чувствую в таких нескладехах необыкновенную твердость, цельность характера.

Так и на этот раз.

...С детства, когда отец, командир сельской пожарной дружины, брал его с собой в поле ставить большие плакаты «Берегите хлеб от пожара!», Петя понял, что он хочет беречь этот хлеб. И не только от пожара. Но и от засухи, от недорода, от всех напастей.

Плакаты они с отцом ставили рядом с шоссейкой, вынимая по одному из кузова пропыленного грузовика. Потом забивали кольшки в сухую землю и пробовали — не упадет?

Всегда это было летом, в самую жару, в самый ослепительный зной. И отец озабоченно хмурился, глядя на поля.

...Старый учитель приводил в свой сад учеников. Открывал калитку, шел, пригибаясь под ветками, обсыпанными цветами, показывал, как нарождаются яблоки и сливы, как растить саженцы, как ухаживать за огородом. Учил древнему искусству садовника.

Потом свой маленький сад появился и у Пети. Первые саженцы, первые грядки...

Петя перечислил мне сразу несколько сельскохозяйственных профессий, которые он освоил. Садовод, помощник тракториста, пастух, полевод... Перечисление заняло всего одну строку. А сколько за этой строкой Петиной работы?..

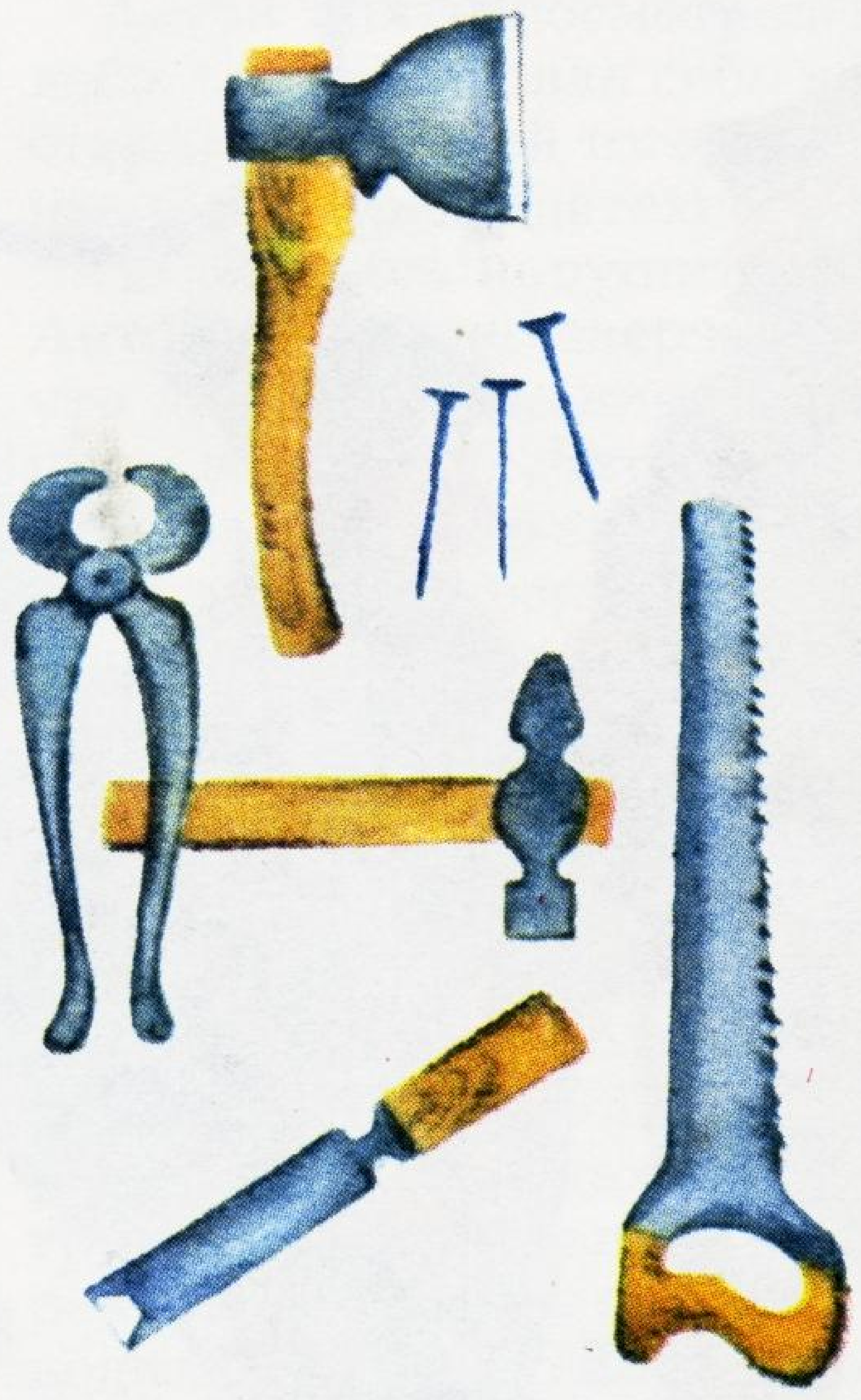
В каждой сельской школе есть уроки профессии, где ребят готовят к сельскому труду. Я слушал Петю и думал: «Одних этих уроков «по программе» мало. Нужны и другие, которые получил Петя от отца и старого учителя. Они передали Пете не только знания, но и свою любовь, мудрость, доброту».

Кстати, тот учитель не был учителем ботаники. И уроки эти не назывались факультативными, не были обязательными ни для учителя, ни для учеников. Они были нужны только тем ребятам, которые сами поняли, что это искусство — выращивать сад — им в жизни необходимо. Для тех, кто решил остаться после окончания школы в родном колхозе.

А для Пети Удовина вопроса — оставаться или не оставаться — никогда и не было.

Таня Казакова завоевала победу на конкурсе штукатуров. Видите, даже краску не успела смыть.

— Табуретку красить нужно умеючи,— считает Сережа Федорченко, участник целиноградского слета.



А теперь — немного о вас самих

Вы познакомились с тремя ребятами. Они уже сейчас знают, где будут работать после школы. Знают, в чем их долг перед землей, перед страной.

...В сельском хозяйстве есть разные профессии. Например, стригаль — редкая профессия. Она существует не везде. Дояр — профессия крайне необходимая селу: сейчас идет громадная перестройка животноводства, и вместо доярок нужны мастера, знакомые со сложными механизмами. Нужны мужские, сильные, ловкие руки. Перестройка перестройкой, а коров доить нужно. Отсюда и дефицит на дояров и доярок.

Механизаторы — это тоже очень нужная профессия на селе.

Есть и другие.

Но какую бы вы ни выбрали, если она связана с землей, с сельским хозяйством,— знайте, что вы выбираете профессию самую благородную, самую мирную, самую важную. «Кормилец» — так называли крестьянина всегда.

Б. МИНАЕВ

Фотографии В. ДУДНИКОВА.

А. АМПЕЛОНОВ **Рисунки А. БОРИСОВА.**

Всего один ГОЛОС

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 4.

Акила, свернувшись клубком, лежал на полу. Если приложить ухо к холодным крашеным доскам, казалось, что под полом кто-то скребется и даже пищит, жалобно, протяжно. Может, мыши?

— Лёх,— окликнул его Шнырик,— ты куда лег? Я же сказал: ближе к двери. Если кто начнет стучать — разбудишь.

Акила не пошевелился, перебираться ему не хотелось — из-под двери тянул сквознячок.

— Акила, ты что, глухой? Что, скажешь, я должен у дверей караулить? — Шнырик вскочил, посмотрел сквозь разрисованное морозом стекло во двор. Там было темным-темно. Поселок словно вымер: ничто не нарушало ночной тишины.

— Думаешь, нас тут найдут? — чиркнув спичкой, спросил Карандаш.

— Не должны,— голос Шнырика дрогнул.— Я ключ у отца не брал. Свой еще летом сделал. А если найдут, мы все равно не откроем, через погреб в сад вылезем.

Шнырик скользнул влево, где чернела дверь на кухню, грохнул крышкой люка.

— Надо к дверям шкаф придвинуть. Акила, что ты разлегся, вставай.

Акила шевельнулся на коврике — делать нечего, придется вставать... Сел по-турецки, тупо посмотрел на оплывший огарок свечи.

Теперь он уже не понимал, отчего согласился бежать вместе с Карандашом и Шныриком на эту пустую, холодную дачу. Шнырик, понятно, обиделся на отца, который решил подстричь его под полубокс. Карандаш убегал из дома уже много раз: для него эти побеги — дело привычное. А он, Акила?

После случайной, в гневе сорвавшейся реплики классной руководительницы, вдруг припомнившей ему старые дела, Акила впал в уныние, вязкое,

тяжелое состояние. Ни управлять собою, ни предвидеть последствия своих поступков он уже не мог. Он случайно оказался в доме у Карандаша, когда туда прибежал злой, лохматый Шнырик и предложил укрыться на даче, пожить без школы, без взрослых, без тревог.

Акила подчинился автоматически. Написал записку матери: «Мама, ты не волнуйся, я убежал потому, что поссорился с учительницей. Хочу пожить один, в милицию не заявляй». Потом сложил в портфель фонарик, спички, два пакета с югославским супом, хлеб и соль в спичечной коробке, немножко бензина в бутылке, чтобы разжечь печь. Собираясь, он чувствовал, что на даче главные заботы лягут на него. Так и вышло. Шнырик-то ни нарезать лучины, ни поколоть дрова не умел, а Карандаш, едва Шнырик отворил дверь, сразу улегся и поднялся только, когда нагрелась печка и вскипел чай.

— Ну, Акила, быстрей толкай!

— Я что, ишак? Давай вместе.

— Не злись, у меня рука болит,— оправдался Шнырик.

— Что, от папаши влетело? — усмехнулся Карандаш, как обычно будто радуясь чужой беде.

— Да Вишняков... Как дурак, после уроков кулаками размахался... Он вообще что-то больно королиться стал. Кому нужен его паршивый портфель? Был бы кейс, как у Гришая...

— А кто его портфель свистнул? — заинтересовался Карандаш, видно, уже сообразив, что Шнырик знает про это больше, чем говорит.

— Я что, Шерлок Холмс?

Шнырик завелся, принялся ругать Вишнякова, переживая, что Карандаш все превращает в шутку и не горит к Вадику такой же неприязнью, какую Шнырик питал сам.

— Ну, заплакал! — Карандаш зевнул.— А журнал кто взял? Тоже ты? — как бы в шутку осведомился он.

— Я? — Шнырик вытаращил глаза.

— Не папа же римский его из учительской увел?

— Ясное дело, но мне-то зачем? У меня там ни одной двоечки нет. Это Акиле смысл есть.

— Долго думал? — Акила нахмурился и обиженно засопел.

Когда они бывали втроем и Карандаш начинал посмеиваться над Шнырикам, тот всегда старался увернуться, перевести его внимание на Акилу. В такие минуты Шнырик был смешон и противен. Но Акила все равно терпел его. Из-за рыбок, наверное, не рвал со Шнырикам, несмотря на обиды.

Рыбки — красные, золотые — неподвижно висели в изумрудной подсвеченной воде аквариума. Волшебные, нежные и невесомые... Огромными черными точками глаз приближались они к прозрачному стеклу аквариума и, едва заметно колыхнув хвостом, скользили вниз на дно...

Шнырик хвастался своими рыбками, переводил каждую из них на рубли — они, должно быть, и в самом деле стоили недешево.

Каждый раз, приближаясь к аквариуму и радуясь чуду, Акила страдал, что живут они с родителями небогато, что аквариум такой он сможет купить себе, наверное, не скоро — когда вырастет и начнет зарабатывать сам.

13

— Антон, понимаешь, надо серьезно поговорить. Сейчас я была у директора...— Маринины глаза будто боялись взглянуть на Антона, а длинные белые руки с розовым лаком на маленьких аккуратных ногтях не находили себе места на зеленом сукне стола.

— Ты знаешь, я всегда поддерживала тебя...

Антон глянул в окно учительской, задержался взглядом на хоккейной коробочке. Мальчишки уже успели согнать к ее бортам снег. По пуховому снежному ковру тянулся змеей резиновый шланг, шестиклассники под руководством физрука заливали на площадке первый лед.

— Что там у вас происходит в отряде? Акимова, Шнырева и Борисычева ищут родители, милиция.— Голос Марины тревожно дрогнул.— Как они могли решиться на такой шаг? Должны же быть причины?

Антон опять посмотрел в окно, на серое низкое небо. Он чувствовал себя неловко: не мог объяснить старшей вожатой того, что он должен был бы, коли назвался председателем, знать сам.

Не решаясь нарушить долгое, тягучее молчание, Антон смущенно заерзал на стуле. Он вдруг понял, что знает об одноклассниках мало, меньше, чем в прошлом году. Что ребята, быть может, стали скрывать от него свои проделки, как дети скрывают свои тайны от взрослых, от учителей. А может, он просто стал меньше бывать с ребятами во дворе? Теперь много времени отнимали уроки. Он не мог позволить себе плохо учиться, стыдился списывать... И ему чаще теперь хотелось побыть одному, разобраться в своих проблемах самостоятельно, без помощи других. С некоторых пор он вдруг заметил, что стал замкнутым, в легкий треп на переменках, какой обожали и Шнырик, и Гришай, вступает все реже... Разговор даже с Акилой начинался вяло и трудно, часто обрывался на первой же фразе, если речь заходила о важном, больном. Да и Акила водился теперь со Шнырикам, быть может, чувствовал себя в его компании проще, вольней?

— Ты, конечно, можешь мне ничего не объяснять, у вас, подростков, своя жизнь, свои проблемы.— Марина вздохнула, должно быть, подумала, что он молчит оттого, что не доверяет ей.

— Но этот странный совет отряда...

— Почему странный? — обиделся Антон.

— Тут нелегко дать ответ...— Марина снова замялась.— Я психолог, оканчиваю заочно университет... И часто задумываюсь вот над чем...

Антон с удивлением разглядывал Марину, ее аккуратную челку, закрывавшую высокий красивый лоб, белую блузку. Он всегда считал, что старшей вожатой лет двадцать, что она только что окончила школу. Как и все подростки, он не чувствовал возраста, определяя его по тому, как человек разговаривает с ним: запросто или свысока, как разговаривает большинство взрослых.

— Как горят глаза малышей, когда им повязывают галстук! — продолжала Марина.— Столько в них в этот миг искренности и надежды. А уже в седьмом, даже в шестом, они прячут галстуки в карман, стесняются. Отчего вдруг то, во что они свято верили, постепенно становится для них несерьезным?

— Потому что в отряде скучно. Макулатура, металлолом... И все решают учителя: какой сбор провести, какую песню спеть.

— Я так и сама думала. Но как сделать, чтобы ваше самоуправление никого не раздражало, было ответственным?

— Но коробочка-то стоит, значит, она была нужна?

— Да, площадку нам с учителем физкультуры

Елена Петровна подошла к парте Вадика совсем близко. Тот заставил себя посмотреть ей в глаза.

удалось отстоять, но... Ты должен понять, что жизнь не течет гладко...— Марина улыбнулась горько и виновато.

— Я, конечно, попытаюсь доказать, что председателя менять не надо...

14

Дверь отворилась, в класс медленно, пряча глаза, вошел Шнырик. Голова его была подстрижена под горшок. Губы дрожали, он кусал их, чтобы не заплакать.

Елисеева прыснула, за нею другие. Шнырик сжался, втянул голову.

— Прекратить смех.— Елена Петровна шире распахнула дверь, чтобы пропустить Карандаша, выглядевшего совсем недурно, посвежевшего, попрежнему ироничного и уверенного в себе. Последним вошел Акила. Безучастным взглядом скользнул по лицам одноклассников, растерянно застыл посреди класса, словно за два дня забыл, за какой партой сидел.

— Быстрее, Акимов,— поторопила Елена Петровна.— Не изображай из себя Иванушку-дурачка.

Акила медленно пошел по проходу к третьей парте, где сидел вместе с Вишняковым.

Вадик потеснился, осторожно подвинув ногой лежавший на полу портфель. Со вчерашнего дня, с того самого момента, как он отыскал портфель на школьном дворе, он мучительно искал случай вернуть журнал назад, в учительскую. Решил, что положит журнал утром, когда нянечка убирает учительскую. Но утром удача не улыбнулась ему: задолго до звонка в школу привели беглецов — Шнырика, Карандаша и Акилу, и попасть в учительскую не удалось.

Оставалось последнее — вернуть журнал честно и открыто. Но стоило Вадику подумать об этом, как перед глазами его вставало лицо Елены Петровны. Она тут же спросит при всех, отчего он не сказал про журнал сразу. А раз молчал — значит, трус. Значит, Шнырик с Карандашом правильно смеялись: трус летчиком быть не может!

Вадик осторожно, краешком глаза, взглянул на Акилу.

Тот был бледен, и только ухо, некрасиво горящее на фоне белой щеки, выдавало, что ему неловко, нехорошо.

Вадик вздохнул и, шевельнув затекшей ногой, толкнул портфель в дальний угол, подальше от Акилы. Его все время преследовал страх, что кто-то может случайно заглянуть в него.

И как он не догадался посмотреть под дощатый настил хоккейной коробки сразу? В тот день он мог вернуть журнал смело, не таясь. Вадику казалось теперь, что на это смелости ему бы достало. А признаться, если нет надежды, что портфель найдется... Вдруг Шнырик со злости выбросил бы портфель в овраг? Что было бы, если бы все: учителя, директор — узнали, что журнал пропал по его, Вадика, вине?

— Теперь, кажется, все на месте? — Елена Петровна обвела класс тяжелым, усталым взглядом.

Она отчего-то не ругала беглецов, не называла их бродягами, как в прошлом году, когда ушел из дома Акила. Может, оттого, что организатором побега был Шнырик? И дача, где они скрывались, принадлежала его отцу?

— Осталось решить последний вопрос. Где находится наш журнал? Что скажешь, Акимов?

Акила вздрогнул.

— Я?

— Ну не я же? Мне брать журнал ни к чему. Куда он мог деться, если Вишняков поставил его на место?

Она подошла к парте Вишнякова совсем близко, разглядывая Вадика в упор. Тот заставил себя посмотреть ей в глаза.

Елена Петровна ушла к окну, где сидели девчонки, методично разглядывая каждого из тридцати учеников, словно пытаясь по глазам прочитать, кто имеет отношение к пропаже журнала.

— Елисеева, куда ты пошла после уроков?

— Я была на музыке, потом...— Ольга смущенно запнулась, гадая, почему вдруг Елена Петровна спрашивает именно ее.— Потом смотрела, как строят площадку.

— Достойное зрелище.— Елена Петровна поморщилась.

— Но вы же не видели? — съязвила Ольга.

— Зато видел директор. Но сейчас меня интересует другое: кто был на площадке?

— Я не помню, там было столько людей!

— Буслаев, ты говорил мне, что Акимов в трудовом подъеме участия не принимал? Я правильно тебя поняла?

— Ну, не принимал.— Бусла неуверенно кивнул, вспоминая, говорил он нечто подобное или нет.

— Где же ты был в это время, Акимов?

Акила, опустив голову, молчал.

— Я тебя спрашиваю, Акимов.

Елена Петровна подошла к парте Акилы. Теперь портфель с журналом лежал почти у ее ног.

15

Звонили требовательно, нудно, как звонят только те, кто уверен, что квартира не может быть пустой. Акила лежал на кушетке лицом вниз. Дверь открывать ему не хотелось: у матери и отца были свои ключи.

Еще в школе им овладело безразличие, все вокруг стало скучным и серым. Он совсем перестал понимать, что происходит... Отчего Елена Петровна с таким упорством требует от него журнал, который он и в руках-то никогда не держал. Но других ее требование вроде бы не удивляло. Все присматривались к нему: девчонки с ужасом, тайным любопытством, парни подмигивали, глупо улыбаясь. Все отчего-то верили, что ему, раз у него по физике три двойки, журнал нужнее, чем остальным.

— Может, кто свой? — Карандаш, сидевший на кушетке у него в ногах, не утерпев, пошел в коридор открывать дверь. Через секунду в прихожей тревожно зазвенел голос Антона:

— Он что, заболел?

Акила, повернув голову набок, смотрел на обои в бессмысленных переплетениях квадратов и треугольников. Никого видеть ему не хотелось, даже Антона. Чем он мог помочь?

— Акила, привет,— Антон шагнул в комнату, озираясь, не сразу заметив в полумраке, где Акила.

Свет, еще пробивавшийся сквозь шторы, уже угасал. Сквозь узкую створку окна тянуло холодом, безнадежностью.

Акила не шевелился.

— Давай включим свет, уже темно.

— Не надо.— Акила приподнял голову, посмотрел на Антона, потом сел.

— Тебя что, Елена прислала? — спросил Карандаш.

У Антона вырвался тяжелый вздох.

— Да, говорит: ищите журнал.

— Пусть сама ищет.— Карандаш засмеялся.

Зазвонил звонок. Три раза, потом еще раз.

— Может, кто из ребят? — Антон шагнул в коридор. Но Карандаш опередил его и, припав к глазку, объявил:

— Акила, к тебе Клячкина пришла!

Акила вздрогнул, потянулся за рубашкой, брошенной комком на стуле.

Клячкина с упорством давила на кнопку звонка.

— Открой, это от классной, а то она сама придет,— сказал Антон.

Акила рванул дверь на себя, Клячкина, испуганно заморгав, попятилась назад. Крупная, с широким женским лицом, она казалась артисткой, надевшей коротенькую юбку, простые чулки и дешевую нейлоновую курточку для того, чтобы сыграть семиклассницу.

— Акимов, где твои родители? У меня записка.

— Нормальные люди сперва здороваются,— сухо сказал Антон.

— С тобой мы, кажется, виделись.— Заметив Антона, Клячкина нахмурилась.

Акилу волновала записка, но Клячкина по-прежнему держала правую руку в кармане. Видно, не хотела, чтобы записку, предназначенную родителям, прочел он.

Клячкина заглянула в комнату, поморщилась:

— Ой, как у вас грязно... И мебели совсем нет.

Акила страдал. Он и сам замечал, что паркет стал грязным, почти черным, оттого что его сразу не покрыли лаком, как другие, родители Антона, например. И обои местами отстали, их надо бы подновить, переклеить... Когда отец пил, он вынес из дома почти все, продал даже часы с кукушкой, от которых теперь на стенке остался пустой гвоздь...

— Ты всегда говоришь вслух все, что думаешь? — спросил Антон Клячкину, побелев от гнева.

— Я говорю правду, не то что некоторые.— Клячкина подошла к этажерке с учебниками, глаза ее тотчас зажглись — взгляд упал на альбом для рисования, чем-то похожий на классный журнал. Схватив альбом в руки, Клячкина уныло вздохнула.

— Ты что, всегда в гостях без разрешения по полкам шаришь?

— Я не в гостях, я по поручению,— отрезала Клячкина, гневно взглянув на Антона.

Акила, все больше волнуясь, не спускал с них глаз, опасаясь, что Антон вспылит и выгонит ее из квартиры раньше, чем он узнает, что же написано в записке.

— Много из себя ставишь, Лобов. Подумаешь, председатель. Тебя вообще хотят переизбрать. Уже и директор согласна. Понял?

— А кого поставят-то? Тебя, что ли? — захохотал Карандаш.

— Совет решит,— скромно парировала Клячкина и уже свысока взглянула на Антона, в оцепенении застывшего посреди комнаты.

16

Урок тянулся к концу. Елена Петровна что-то рассказывала. Шнырик с трудом удерживал на лице гримасу сосредоточенного внимания и украдкой поглядывал в маленькое зеркальце. Ему казалось, что за два дня волосы чуть отросли.

— Тимур, что с тобой происходит? Ты слушаешь меня или нет?

Шнырик вздрогнул, обнаружив перед собой Елену Петровну, в упор изучавшую его сочувственным взглядом.

— Запишите домашнее задание.— Елена Петровна, взглянув на часы, вернулась к учительскому столу.

В коридоре мелодично запел звонок.

— Сегодня в два тридцать совет отряда,— объявила Елена Петровна мягко, устало, все еще не выйдя из настроения, с каким вела урок.— Шныров и Света Клячкина, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Шнырик в недоумении поискал глазами Антона: речь шла о совете, и классная в первую очередь должна была позвать его.

Елена Петровна нетерпеливо поглядывала на дверь, где все еще толпились ребята. Наконец, удостоверившись, что класс пуст, заговорила ласково, доверительно.

— Я оставила вас, чтобы поговорить об очень сложном, но нужном для всех деле. Света, кто у нас в совете?

— Шныров, я, Буслаев, Гришаев, звеньевые и Лобов.

Шнырик отметил, что Клячкина назвала Лобова последним.

— Неудачный, очень неудачный состав.— Елена Петровна поморщилась.— Зря я доверила все старшей вожатой, зря. Но тем не менее ответственности с нас никто не снимает. Во-первых, мы, наконец,

должны заставить признаться Акимова, что журнал взял именно он.

— А почему Акимов? — спросил Шнырик.

— Ну кто же еще? Все в тот день были на площадке, а Акимов? Где он был? Он ведь молчит. Молчит!

— Это Акимов, я уверена,— подхватила Клячкина.— Когда я к нему домой ходила, он не мог говорить, просто от страха дрожал.

— Я думаю, Света, об этом тоже на совете надо сказать. Итак, с Акимовым ясно. Дальше — Лобов...

— Я считаю, его надо переизбрать,— твердо сказала Клячкина.

Шнырик испуганно взглянул на Елену Петровну, пытаясь угадать: придумала Клячкина это сама или говорит то, что заранее намечено Еленой Петровной.

— Я думаю, мы можем поставить вопрос о переизбрании,— кивнула Елена Петровна.— Лобов до сих пор не представил мне план работы, на дворе уже декабрь.

— Я предлагала выставку мягкой игрушки. Он не хочет.

— Вот.

— К смотру строя у нас еще ничего нет.

Елена Петровна удовлетворенно кивала, слушая Клячкину.

— Так смотр же в марте, еще когда будет,— заметил Шнырик.

— Не понимаю, ты что, не видишь недостатков? — Елена Петровна раздраженно пожала плечами.

— Ты, Шныров, можешь сказать на совете про коробочку,— подсказала Клячкина.— Он же не имел права без Елены Петровны...

— А кто же вместо Лобова? — уныло спросил Шнырик.

— Посмотрим.— Елена Петровна взглянула на Клячкину.— Мне кажется, с этой работой справится Света.

— Клячкина? — Шнырик удивленно и одновременно испуганно заморгал глазами.— После Антона...

— Не понимаю,— вспыхнула Елена Петровна,— чем он вам всем так нравится? Есть у нас ребята и посильнее в учебе и поумней.

Шнырик помялся.

— Он справедливый.

— А мы что же, пристрастны? — Елена Петровна всплеснула руками.— Я тебя не понимаю, Тимур, не понимаю. Мы собрались, чтобы подготовить совет. Господи, как вы мне все надоели!

Тут двери приоткрылись, в класс заглянула Марина.

— А, Мариночка, здравствуйте,— увидев вожатую, Елена Петровна тотчас перешла на спокойный, плавный тон.— Заходите, мы как раз обсуждаем пионерские дела.

Марина посмотрела на Шнырика и на Клячкину, которую, должно быть, видела впервые.

— А где же Лобов? Он принес на совет дружины очень интересный план. Я слышала, что у вас сегодня совет отряда?

— Да, директор просила разобраться с журналом... И вообще... Я надеюсь, мы соберемся сегодня?

— Сегодня я не могу.— Марина с сожалением посмотрела на часы.— Вызывают в райком.

— Ну, хорошо, мы постараемся перенести, посоветуемся с директором.— Елена Петровна тонко, дипломатично улыбаясь, довела старшую вожатую до дверей. Потом, вернувшись к столу, с облегчением вздохнула. Шнырик понял: совет, как и назначено, состоится сегодня.

17

— Так, Буслаев, Гришаев, Елисеева.— Елена Петровна тяжелым, оценивающим взглядом изучала пришедших на совет. Бусла с Гришаем сразу оккупировали последнюю парту; Антон, как всегда собранный, открыто и спокойно глядел прямо перед собой; Клячкина по обыкновению сидела вполоборота к классу, сопровождая каждое слово учителя кивком головы. Шнырик, вобрав голову в плечи, нервно ерзал по парте. Чуть сзади, ближе к двери, расположилась Елисеева, но Вадик, как ни старался, не мог заставить себя повернуться к ней. Хотя теперь все было вроде позади. Ему даже не хотелось вспоминать, как он во время матча по минифутболу спрятал журнал в спортзале.

— Так, все на месте? Начнем. Напоминаю, голосуют только члены совета.— Елена Петровна, напряженно вглядываясь в лица ребят, прошлась вдоль доски.

— И Акимов, значит, пришел? — Елена Петровна взглянула на Акилу, и по ее лицу скользнула тень неудовольствия: то ли она полагала, что Акила должен непременно с совета сбежать, то ли ее задело, что он уселся рядом с Антоном.

Вадик вдруг непонятно отчего снова начал волноваться.

Моментами его охватывала тоска. В пятницу он не вышел встречать после рейса отца, спрятался на балконе, специально схватил молоток и стучал, забивая гвоздь, который давно был забит. Стучал долго и отчаянно, пока отец парковал машину, пока медленно, устало шел по двору к подъезду; пока отец, поставив в коридоре чемодан, не вышел на балкон сам.

Он понимал, что тайну журнала во всем свете не знает никто, а значит, никто не может назвать его трусом. Он заставил себя поверить в то, что он вовсе не боится признаться. Просто от его признания не будет теперь пользы, раз журнал нашелся и стоит в учительской...

— Итак, можно начинать. Сегодня у нас два вопроса.

Антон в недоумении посмотрел на Буслу, потом на Елену Петровну, прочно занявшую место за учительским столом. Обычно прежде чем начинать совет, Елена Петровна уступала свое место ему, и повестку объявлял председатель.

— Первый вопрос,— продолжала Елена Петровна — это журнал.

— У нас совет или классный час? — удивленно спросил Бусла.

— Буслаев, я же объявила.

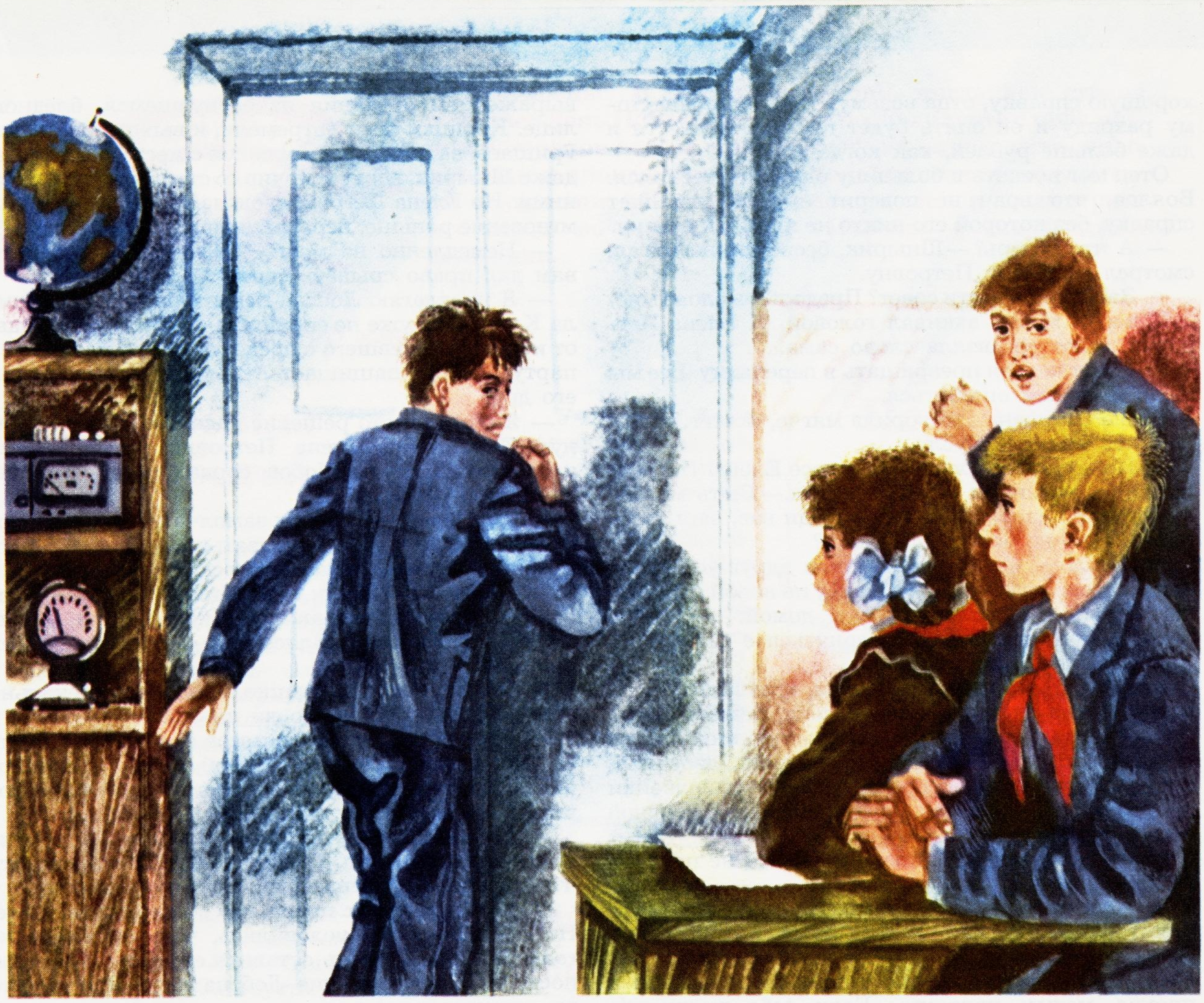
— А почему совет ведете вы, а не Лобов? У вас же нет галстука.

— Елена Петровна, мне кажется, Буслаев прав,— сердито откинув волосы назад, заговорила Елисеева.— Если это совет отряда, мы должны делать все сами.

— Да, но второй вопрос у нас фактически о Лобове. Мы должны разобраться в истории с площадкой. Как в таком случае Лобов может вести совет?

— Тогда должен вести его заместитель или просто член совета,— подсказал Гришаев, взглянув на классную сквозь свои толстые очки.

— Ну хорошо, пусть ведет Шныров, у него есть некоторый опыт.— Елена Петровна встала, освобо-



Акила, не замечая хлынувших по щекам слез, бросился вон из класса.

див председательский стул, жестом приглашая на свое место Шнырика.

— Я? — испуганно переспросил Шнырик.

Ольга, чувствуя, как от волнения полыхают щеки, с благодарностью взглянула на Буслаева. Только он один решился сказать вслух то, что про себя думал каждый. Ни Шнырик, ни Вишняков... Вадик сейчас возмущал Ольгу больше всего. Он спокойно сидел на парте, глядя прямо перед собой, сидел, как гость, человек со стороны, ни словом, ни жестом он не выдавал, за кого же он, как будет голосовать, если вдруг предложат другого председателя, Клячкину, например.

— Первый пункт — журнал, — тихо объявил Шнырик, казавшийся за столом совсем незаметным. Ему вообще хотелось сейчас спрятаться или убежать без оглядки в коридор.

— Итак, журнал, — громко повторила Елена Петровна. — Напомню факты. Журнал пропал во вторник, десятого декабря, после литературы. В тот вечер во дворе кипело строительство «египетских пирамид», я правильно излагаю?

Елена Петровна, вновь обретя спокойствие и уверенность, подошла зачем-то к парте, где сидели Антон с Акилой. В голосе ее прорезались ироничеекие нотки.

— Все очень старались: Буслаев был главным инженером и распорядителем работ, Лобов организовал для утверждения проекта так называемый совет отряда, Шныров водил санные поезда, Вишняков полез на столб. Так все было?

Елена Петровна победоносно взглянула на совет, наслаждаясь тем впечатлением, которое произвела на ребят ее информированность.

Все молчали, как-то приуныв, кроме Клячкиной, которая по-прежнему сопровождала каждое слово учителя кивком головы, словно не понимала, что тем самым выдает себя. Как смогла классная узнать, что происходило на площадке?

— Одним словом, на площадке находились все, кроме Акимова. — Елена Петровна сделала многозначительную паузу.

— Вы хотите сказать, что журнал взял Акила? — Бусла встал.

— Я ничего не хочу сказать, меня волнует только истина. А тебе слово никто не давал.

— Но вы же слова не берете, говорите, когда хотите? — Бусла, уже не замечая, что от волнения говорит громко, почти кричит.

— Не равняй себя со мной!

— Здесь все равны.

— Кто дал тебе право грубить учителям? Я завтра же поставлю вопрос на педсовете!

— Ну и ставьте, — Бусла, махнув рукой, выбежал в коридор.

— Шныров, веди совет, — тихо, успокоившись, сказала Елена Петровна, плотно прикрыв за Буслаевым дверь.

Акила вздрогнул, вновь обнаружив в груди забившееся сердце. Теперь он уже жалел, что не объяснил все сразу. В тот день он ездил с отцом в больницу, где тот проходил лечение в прошлом году. Теперь они ездили взять справку. На заводе сказали: если врач напишет эту важную справку,

хорошую справку, отца возьмут токарем по шестому разряду и он опять будет приносить двести и даже больше рублей, как когда-то...

Отец мог поехать в больницу один, но стеснялся. Боялся, что врач не поверит ему, не напишет справку, без которой его никто не пустит к станку.

— А что теперь? — Шнырик, беспомощно мигая, смотрел на Елену Петровну.

— Забыл, как вести совет? Предоставь слово мне.

Шнырик молча закивал головой. И Елена Петровна, вздохнув, взяла слово сама.

— Совет нельзя превращать в перепалку. Все мы люди и можем ошибаться.

Елена Петровна заговорила мягче, может, пожалев, что выгнала Буслу.

— Но журнал пропал. — В голосе Елены Петровны вновь возникли суровые нотки. — Быть может, это сделал человек, сидящий среди вас, ваш товарищ. Разве не важно это знать?

Воцарилось молчание, и Акила вдруг услышал, как во дворе кричат, гоняя шайбу по новой площадке, малыши. Ему захотелось домой: сейчас, в четыре, отец должен был вернуться с завода...

— Шныров, дай слово!

Клячкина, выскочив в проход, влезла в туфлю, которую она скинула, пока сидела, поджав ногу.

— Я считаю, журнал взял слабый ученик. У нас в поселке был такой случай. Один парень, двоечник, спрятал журнал и переправил себе все свои двойки на тройки. И Акимов про это знал, мы в одной школе учились.

Акила побледнел. Такого случая он не помнил, не знал.

— А учителя что же, ничего не заметили? — усмехнулась Елисеева. — У тебя язык, как помело.

— Без выпадов, Елисеева. — Елена Петровна поспешно поднялась, нервно теребя руки, вышла в проход между партами. — Если тебе неприятна Клячкина, это не повод ее оскорблять. Каждый из нас выбирает подруг по душе. Я не вижу, чтобы Света чем-нибудь уступала тебе. А ее принципиальность...

— Это не принципиальность, а глухота, — вдруг вспыхнув, сказала Елисеева.

— Что за ерунда! — вскрикнула Елена Петровна. — Клячкина говорит, что думает. Разве в ее словах нет логики? Кто еще мог взять журнал?

Поймав резкий, пронизывающий насквозь взгляд классной, Акила прижался к парте, покраснел, ненавидя себя за то, что не может вступить в открытый бой, как Бусла.

— Акимов тут ни при чем, — медленно, встав во весь рост, сказал Антон.

— Кто же «при чем»? Пусть тогда скажет, где он был в тот вечер. Тебе, Лобов, это известно?

Акила тихо заплакал.

— Надо иметь мужество и вести себя по-мужски. Где ты был вечером во вторник? — спросила Елена Петровна.

— Я ходил в больницу, — Акила заговорил, вытирая слезы кулаком, мучаясь тем, что выглядит слабым, жалким. — С отцом...

— В какую больницу?

— Где лечат...

— Что в больнице лечат, известно и без тебя.

— Ну, где лечат от алкоголизма. — Выдавив из себя признание, Акила всхлипнул.

— Что же ты там делал?

— Я был с отцом...

Акила, уже не замечая хлынувших по щекам слез, бросился вон из класса.

Следом за Акилой из класса вылетел Антон с выражением отчаяния на осунувшемся, бледном лице. Крышки парт загремели, к выходу бросился Гришаев, за ним вдруг сорвался с места Вишняков, даже Шнырик, вдруг вскочив со стула, потянулся за ними. Но Елена Петровна, оказавшись у дверей на мгновение раньше, перекрыла путь твердой рукой.

— Немедленно на место! Это неслыханно! Кто вам дал право срывать совет?

— Я предлагаю Лобова переизбрать, — выскочила Клячкина, уже не спрашивая слова у Шнырика, от испуга пересевшего с председательского места за парту. — Лобов защищает Акимова, потому что он его друг.

— Я считаю, это решение давно назрело. — Кивнув Клячкиной, Елена Петровна вновь заняла учительский стул. — Лобов сорвал совет. Как ты считаешь, Шныров?

— Я не знаю. — Шнырик замолчал. Язык не поворачивался, не мог он высказаться ни за Антона, ни против него, чего ждала классная.

— Но вы же обидели, оскорбили Акимова, — волнуясь, стараясь выражаться как можно мягче, точней, заговорила Елисеева, — Антон вынужден был пойти за ним.

— Ой, горе мое, горюшко, — классная печально усмехнулась. — Не много ли вы стали понимать в свои-то тринадцать лет? Акимов просто трус, боится признаться и ревет белугой, чтобы разжалобить... Знает, что за такой проступок, между прочим, исключают из пионеров.

— Мне кажется, Акимов и Лобов ни в чем не виноваты, — заметил Гришаев. Он хотел сказать что-то еще, но Елена Петровна его прервала.

— Каждый имеет право на собственное мнение. Но поскольку мы условились, что звеньевые не голосуют, ты можешь оставить его при себе. Итак, поступило предложение Лобова переизбрать. Кто за — прошу голосовать.

Клячкина бодро вскинула руку вверх, как на уроке, когда хотела урвать пятерку за ответ с места.

— Так кто за? Шныров? — Елена Петровна подошла к Шнырику.

Презирая себя и мучаясь, Шнырик медленно оторвал руку от парты.

— Так, за переизбрание два голоса. Вишняков?

Увидев, что Вадик резко вскочил, весь красный, вспотевший, она удовлетворенно кивнула. Теперь нужен был один, всего один голос...

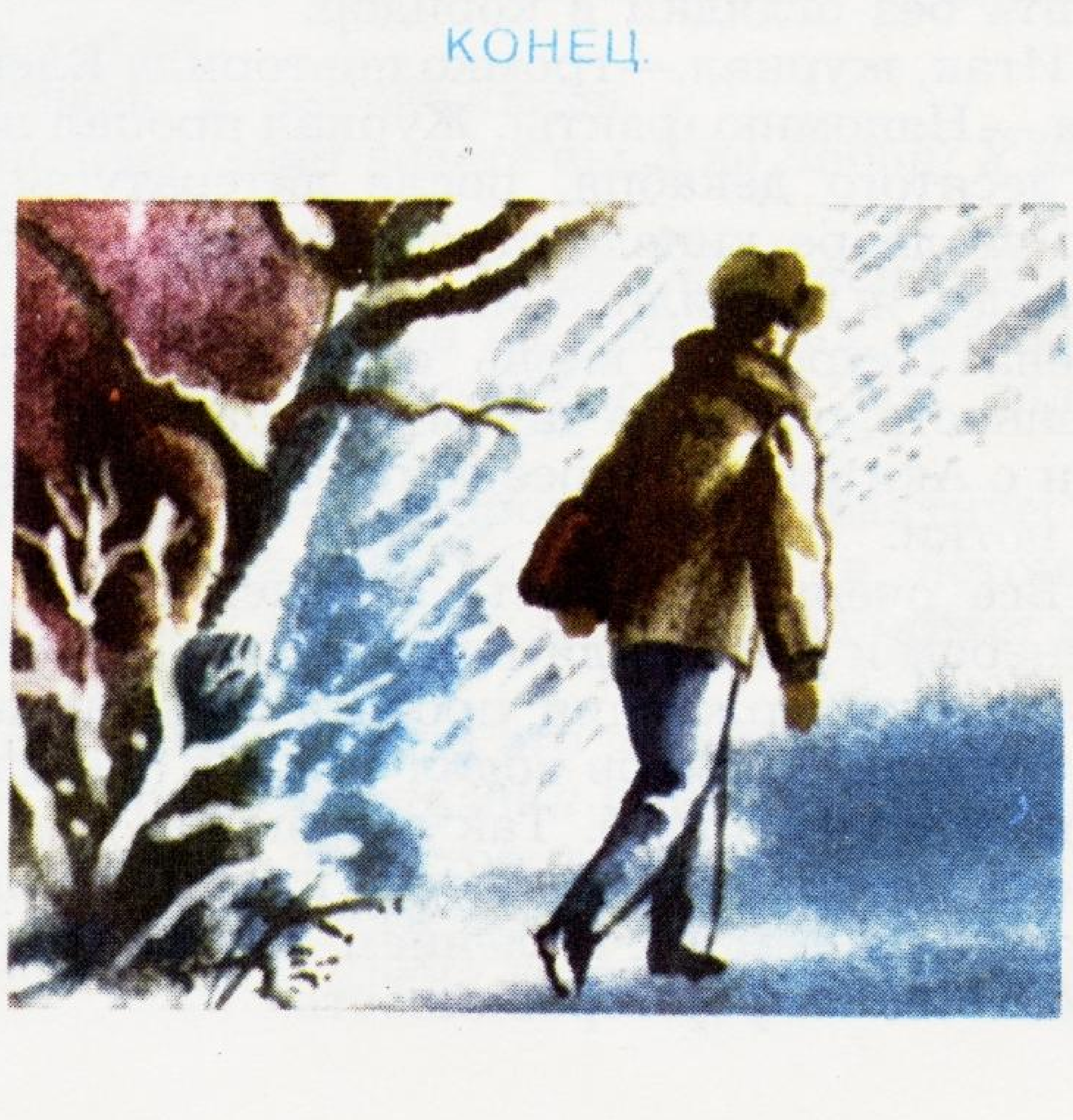
— Вишняков, голосуешь?

— Нет, — силой выдавив из себя глухой, слабый звук, проговорил Вадик. — Я хочу сказать, сказать...

— Ну, говори, — растерялась Елена Петровна.

— Я, — голос Вадика вдруг окреп, — должен сказать, что журнал взял я.

КОНЕЦ.



БОЕВОЙ ЛИСТОК

Тимуровцы! В эти майские дни, когда вся страна отмечает День Победы, когда вы поздравляете с праздником ветеранов войны, приглашаете их на торжественные линейки и пионерские сборы, давайте вместе перелистаем подшивки «Пионера» военных лет и посмотрим, что писал во время войны «Пионер» о тимуровском движении.

ИЗ ИСТОРИИ ТИМУРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Тимуровцы за работой

«Мы решили организовать такую же команду, какая была у Тимура. Один раз мы остались после уроков в классе и обсудили, что будем делать. Условились помогать семьям красноармейцев и собирать металлический лом. В тот же день мы пошли помогать ученику нашего класса Тарасову: у него отец на фронте. За два дня мы ему напилили и накололи четыре кубометра дров. Потом помогали Пасхиной, тоже из нашего класса,— вымыли полы, накололи дров»,— пишет Лева Чезганов из города Златоуста.

На постройку танка «Пионер»

Как молния, по школе пронеслась весть о постройке танка «Пионер». В этот же день был общешкольный митинг. Ребята говорили мало, но по-боевому. Володя Зак особенно горячо выступал. Он говорил:

— Ребята, фашистские гады поганят нашу землю. Там, где сейчас фашисты,— там стоны и крики детей, стариков и женщин. Но Красная Армия не позволит долго гулять этим шакалам по нашей земле. Она скоро уничтожит гитлеровских палачей и бандитов. Давайте, ребята, поможем нашим отцам и старшим братьям и на свои средства выстроим танк, чтобы еще быстрее раздавить гадов фашистов.

Сразу же начался сбор средств. Ученица Женя Вишнякова внесла тридцать рублей, по двадцати пяти рублей внесли Нина Попова, Оля Сафронова, Неля Дуброва и другие ребята. Октябрята Леля Марченко и Ида Петухова, перебивая друг друга, сообщили, что вместе они вносят сорок шесть рублей.

Только за один день, сразу после митинга, собрано больше пятисот рублей на постройку танка «Пионер».

А. ЛЕВИН
г. Чкалов, железнодорожная школа №1

Заячьи шкурки бойцам на рукавицы

Мы всячески стараемся помогать нашей Красной Армии, чтобы она лучше била фашистов. Недавно мы, ученики средней школы, послали на фронт сразу несколько посылок с теплой одеждой, махоркой и папиросами.

Сейчас мы собираем заячьи шкурки на шапки и рукавицы бойцам. Уже многие ребята принесли по нескольку штук, потому что почти каждый из нас охотник, и шкурок у всех много.

Юрий АГАФОНОВ,
В.-Вилюйск, ЯАССР

Получены вести

Тимуровская команда дома № 96/98 по улице Степана Разина в городе Куйбышеве взяла под свой надзор всех малышей дома. По совету товарища Чичериной, у которой тоже двое маленьких ребят, они собирают всех детей у нее на квартире и занимаются до тех пор, пока не придут с работы взрослые. С малышами ребята разучивают песни, стихи, новые игры. Особенно горячо за это взялись Шурик Синев, его сестра Тамара и Шура Пыхтурова.

В Воронеже тимуровки Нина Попова и Роза Леонова помогают одинокой старушке, сын которой на фронте. В письме сыну она пишет: «Я не одинока, мой сын. Со мной славные тимуровцы Нина и Роза. Они помогают мне своим трудом, своей лаской, своим словом утешения переносить разлуку с тобой».

В Алтайский край эвакуировано много ребят, потерявших во время войны родителей. Учащиеся 1-й школы города Барнаула собрали для них 60 рубашек, 80 штанишек, 100 пар чулок, 20 пар ботинок и 50 теплых шапочек.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

ВНИМАНИЕ!
ЗАДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

Ребята! Ждем от всех поисковых групп сообщений о тимуровцах военного времени. На конверте делайте пометку «Штаб Тимура».

НА КРАЮ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Рубежи нашей страны... Каждый день с оружием в руках несут свою вахту пограничники—плывут на кораблях и катерах вдоль морских берегов, пробираются по лесным тропинкам, скачут на конях по горным кручам и жарким пескам...

Мы редко встречаемся с этими людьми, чаще видим их в кино или на экране телевизора. И совсем уж немногие из нас бывали там, где служат пограничники,—у линии границы. Правда, линия эта особая—не прочертишь же ее на горных камнях, на морских и речных волнах, на сыпучих песках пустынь... Поэтому обычно линию границы устанавливают по ясно видимым ориентирам—по сопкам, вершинам гор и горных хребтов, по извилистым руслам рек, озерным берегам. А на море—не по берегу, а немного дальше, где кончаются наши территориальные воды.

Так, не везде видимая глазом, но всегда точно определенная проходит по нашей земле Государственная граница СССР. Все, что касается ее охраны, наших отношений с соседними странами, четко и строго записано в «Законе о Государственной границе СССР», принятом осенью прошлого года.

Давайте и мы с вами попробуем всмотреться в первые приграничные метры нашей земли, побывать на пограничной заставе. А для начала ненадолго заглянем в прошлое...

История не сохранила имен первых русских пограничников. Кто знает, может быть, они были похожи на пушкинских сказочных витязей. Помните, как они выступали из вод во главе с дядькой Черномором, «чтобы остров тот хранить и дозором обходить»? А может быть, это были былинные богатыри во главе с Ильей Муромцем... Но уже в XIV веке, как записано в летописях, на рубежах Руси встали сторожевые посты и станицы, которые назывались «московскими сторóжами», возводились засечные черты и пограничные укрепленные линии. Вскоре появился у пограничников первый документ—«Приговор (уложение) о станичной и сторожевой службе».

Четыреста лет назад охрану границы поручили стрелецкому войску, стрельцам. Со временем им стали помогать драгуны и казаки. В конце прошлого века был сформирован отдельный корпус пограничной стражи, появились пограничные округа. Кстати, сейчас они тоже есть, их десять: Северо-Западный, Прибалтийский, Западный, Закавказский, Среднеазиатский, Восточный, Забайкальский, Дальневосточный, Тихоокеанский, Камчатский.

После победы Великой Октябрьской революции В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны РСФСР. Было это 28 мая 1918 года, и с тех пор этот день стал праздником защитников рубежей нашей Родины—Днем пограничника.

Когда грянула Великая Отечественная война, пограничники первыми вступили в бой против фашистов, защищали заставы, сражались в легендарной Брестской крепости.

Долго гремела война, не все воины дожили до счастливого дня, когда Советская Армия выбросила врага за пределы родной страны и на наших рубежах вновь засияли гербами СССР пограничные знаки—столбы, пирамиды, курганы.

По этим рукотворным знакам тоже можно «прочитать» границу, которая разделяет нашу страну с

соседними. Впрочем, только ли разделяет? Да, пограничники надежно преграждают путь нарушителям, но они же первыми встречают на контрольно-пропускных пунктах туристов и гостей, помогают жителям приграничья в хозяйственных делах, сберегают в морях и реках рыбу, в лесах и степях — животных. А пограничные комиссары встречаются и обсуждают с представителями других стран спорные вопросы.

Расскажу о нескольких таких встречах, недавних. На одном из южных участков, где граница проходит по реке, на чужой стороне шире обычного открыли водозаборное устройство — нужно было много воды, чтобы поливать высохшие поля. Поток воды в реке уменьшился, и наш пограничный комиссар вызвал на встречу представителя соседней страны: наши поля тоже сохнут, воду нужно делить поровну, как договаривались. На другом участке — горном — чужие пастухи повадились выпасать стада на нашей территории. Снова пришлось вмешиваться пограничному комиссару.

Мелочи? Нет, на границе мелочей не бывает. Строгость там не ради строгости. История помнит немало примеров, когда пограничные споры перерастали в конфликты и даже в войны. Пограничники не только охраняют границу, они охраняют и наше доброе соседство с другими странами.

...И все же вернемся к началу нашего разговора. Как выглядит граница, что мы увидим, если попадем однажды в те места, где начинается Родина? Ответить на такой вопрос нелегко: граница нашей страны велика, она намного длиннее, чем самая большая окружность Земли — экватор! Морская граница, кроме того, непохожа на сухопутную — ее прощупывают невидимыми лучами радары, освещают с берега мощные прожекторы, морские километры бороздят пограничные сторожевые корабли. Выберем себе маршрут более привычный, проходящий по земле. Итак, в путь!

Сначала въезжаем в пограничную зону. Воины в зеленых фуражках, с зелеными погонами, на которых

золотятся буквы ПВ (Пограничные войска), проверяют документы, привычно отдают честь, поднимают шлагбаум. Скоро впереди мы видим высокую наблюдательную вышку, беленые аккуратные домики пограничной заставы.

Домиков немного: казарма, гараж, склады, котельная, конюшня, отдельным заборчиком огорожен собачий питомник. Самое удивительное, что маленькая застава имеет почти все, что есть в любом городе, может много дней жить самостоятельно, без связи с внешним миром. И не только жить, но и сражаться с врагом.

Так было летом 1941 года, когда на одном из участков западной границы бойцы, возглавляемые лейтенантом Алексеем Лопатиным, удерживали свой рубеж, свой крохотный пограничный «город» полных одиннадцать суток! Впрочем, сегодняшние заставы надежно поддерживаются необходимыми вооружением и техникой, с которыми пограничники могут не только сдерживать, но и побеждать врага.

В какое бы время мы ни приехали, можно быть уверенным: застава не спит. Воины здесь отдыхают по очереди — кто ночью, кто днем. Впрочем, день и ночь у них тоже особые, сутки начинаются не в полночь, как везде, а вечером и называются «пограничными сутками» — это удобнее для организации службы. Перед началом своих суток застава выстраивается на боевой расчет и начальник заставы объявляет, кто с кем и когда выходит охранять границу. Давайте и мы пристроимся к одному из таких дозоров.

Вот пограничники взяли свои автоматы, фонари, телефонные трубки (их можно подключать в пути к специальным гнездам), вожатый служебной собаки вывел на поводке своего Рекса или свою Альму, открылись ворота заставы — и начались долгие часы трудной службы, когда отвечаешь за безопасность не только своего участка, но и всей страны.

Конечно, есть на границе инженерные заграждения, сигнальные системы, которые приостановят любого нарушителя, дадут о нем знать на заставу, но задержать нарушителя могут только люди, без них никакая техника этого не сделает.

...Ночь, каждый шорох кажется подозрительным, каждый куст — живым. А вот и в самом деле живое: взлетела из травы тяжелая птица, проскулил шакал, метнулся из зарослей клыкастый кабан. Но такими встречами пограничников не удивишь. Определив по звуку, кто есть кто, они снова вглядываются в ровные бороздки вспаханной земли. Это контрольно-следовая полоса, и на ней нарушитель обязательно «отметится», оставит свой след на мягкой, свежевспаханной земле. Главное, чтобы пограничник был внимателен, знал все ухищрения и «секреты» нарушителей, умел читать любые следы.

Вспоминаю свой самый первый выход с дозором. Я сильно волновался тогда, нелегко было представить, как два или три пограничника могут прикрыть от нарушителей не такой уж маленький участок, где проходит их дозорная тропа.

Конечно, воинам помогает умная и надежная техника. Но гораздо важнее, что им помогает весь наш народ, и в первую очередь жители приграничья. А среди них немало ребят, пионеров, объединенных в отряды юных друзей пограничников. Не раз мальчишки и девчонки участвовали в задержании нарушителей. Мне вспоминаются несколько недавних случаев.

Пятиклассник из Армении Мгер Мгерян живет в маленьком приграничном селе. Как-то по дороге из школы он встретил незнакомого человека. В разговоре незнакомец часто оглядывался на дорогу, нервничал, повторял, что сбился с пути. Мальчик сказал ему, что торопится, и знакомой тропинкой побежал на заставу. Через несколько минут пограничники нашли и задержали «заблудившегося». Он оказался опасным преступником, хотел уйти за границу.

...По проселочной дороге шел человек. Увидев приближающуюся автомашину, он резко свернул к обочине, спрыгнул и укрылся в большой трубе, проложенной под дорогой. Все это видела школьница Полина Раваева. Заметила она это случайно, а дальше действовала по правилам: позвонила на заставу, продолжая наблюдать за странным человеком. Вскоре он был задержан пограничниками.

Шестиклассники Алеша Мухин и Саша Нефедов, семиклассник Аркадий Молокоедов живут на Сахалине. С обрывистого берега они разглядели водолаза, подплывающего к мелководью. Двое остались наблюдать, третий помчался на заставу. Не успел водолаз выйти из воды, его уже ждали воины в зеленых фуражках. Правда, скоро выяснилось, что на этот раз задержали нарушителя... правил подводной охоты (под водой нельзя охотиться в водолазном снаряжении). Но пионеры действовали так быстро, четко и решительно, что настоящий нарушитель тоже от них не ушел бы. Недаром они награждены «взрослой» пограничной наградой — знаками «Отличник погранвойск» II степени.

...Вот такая идет жизнь на самых первых метрах нашей земли — то спокойная, то тревожная. Но нарушителям на нашу землю пути нет и не будет.

Виктор ВЕРСТАКОВ,
лауреат премии Бориса Полевого.

В. ЛЕБЕДЕВ

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Встреча

РАССКАЗ

Теплоход «Латвия», совершавший круиз, стоял в порту города Кадиса, прижавшись бортом к кромке пристани. Туристы разбрелись по каютам, готовясь к ужину. Ласково, нежарко светило солнце.

Александр Федорович, грузный седой человек лет пятидесяти, директор одного из московских научно-исследовательских институтов, гулял по пристани, наслаждаясь теплом после плавания в Балтийском море, туманном и холодном в эту пору начинающегося лета. До отхода теплохода оставалось чуть меньше часа.

В конце пирса играл мальчик. Он подходил к причальной тумбе боком, мелкими шажками, вытянув вперед левую руку с красным платочком, и, приблизившись, делал правой рукой выпад. Какой испанский мальчик, тем более в такой близости от Севильи, не мечтает стать известным тореадором, поражать быка с одного удара и под восхищенные взгляды почитателей получать бычьи хвост, уши и ногу!

Александр Федорович, подойдя ближе, встал в сторонке.

Мальчику было лет восемь. Черноголовый, большеглазый, худой, он очень напоминал Александру Федоровичу его самого — первоклассника Шурея, глядящего со старых фотографий.

Тогда, в 1938 году, его дразнили «испанцем». Газеты пестрели сообщениями с фронтов Испании. Печатались карты с названиями городов, где шли бои с фашистами. Этими фотографиями была увешана вся стена в комнате Шурея. Республиканцы проявляли чудеса героизма. Они ловили гранаты, которые бросали фашисты, и разили ими врагов, подбивали танки. Булавки, отмечавшие линию фронта на картах Шурея, тем не менее все ближе перемещались к Мадриду. И тогда он решился проситься на фронт в Испанию. Но предварительно испробовать свою способность быть истребителем танков.

Была весна. На Средней Переяславке скалывали лед. Шурей выглянул из ворот, схватил подходящий по весу кусок и, затаившись за углом, стал ждать. К его досаде, первым появился не грузовик, а блестевший лаком ЗИС-101, легковой автомобиль высшего класса. Но рассуждать было некогда. Автомобиль, качаясь на рессорах, уже поравнялся с воротами. Шурей выскочил на тротуар и, размахнувшись, бросил свою «взрывчатку» под переднее колесо. «Танк» встал. Шурей торжествовал. Но ликование длилось недолго. Из машины выскочил шофер и, увидев Шурея, бросился за ним.

За несколько секунд Шурей взлетел на третий этаж и, проскочив мимо матери, спрятался под кровать. Через минуту раздался стук в дверь.

С замиранием сердца Шурей прислушивался к ругани своего преследователя и голосу матери. Мама доказывала, что гражданин перепутал квартиру: ее мальчик не мог совершить такого поступка — он всего лишь первый год пошел в школу и уже староста класса. Водитель пригрозил, что все равно выследит этого «старосту» и нарвет ему уши.

Шофер ушел, мама вытащила Шурея из-под кровати. Чтобы ее сына не сочли за хулигана, она потом долго объясняла соседям мотивы его поступка. Вот тогда-то и прозвали его во дворе «испанцем». Целую неделю мама повязывала ему на голову платок, маскируя под девочку, и провожала в школу, опасаясь разгневанного шофера. Шурею стыдно было ходить в платке, но чего бы он не выдержал ради убеждений!

Мальчик на пирсе наконец заметил Александра Федоровича. Спрятал в карман платочек и искоса поглядывал на незнакомца, гадая, видел тот его игру или нет. Александр Федорович порылся в карманах, нашел значок с изображением голубя. Настороженность в глазах «тореадора» сменилась благодарностью.

— Grasias[1],— сказал мальчик.

— Проводи меня,— попросил Александр Федорович и показал рукой на теплоход.

— Ruso[2]? — спросил мальчик и доверчиво зашагал рядом.

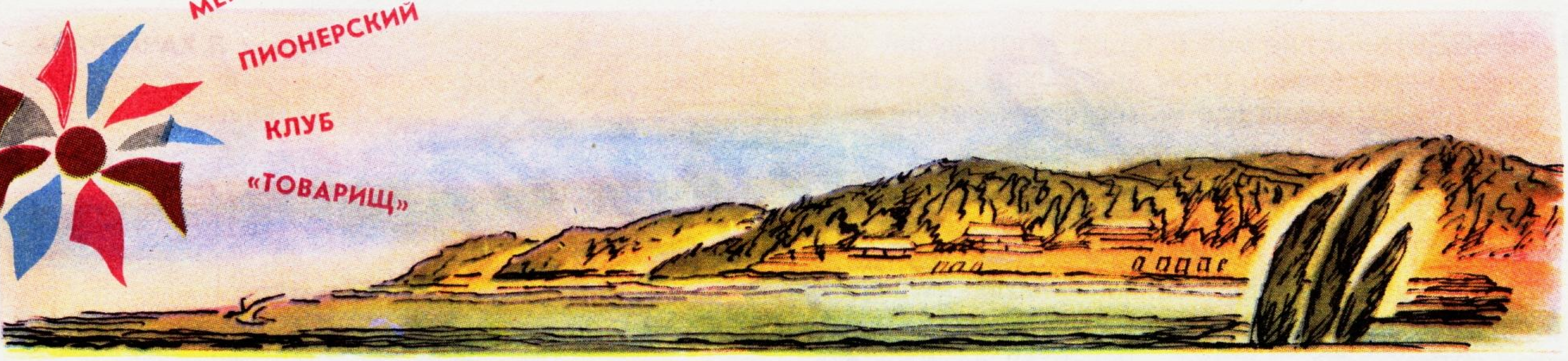
Александр Федорович украдкой посматривал на него. Сколько людей, думал он, погибло, чтобы вот этот маленький испанец мог играть в свои игры, а не в войну. И надо сделать так, чтобы ее никогда не было.

Теплоход уже отчалил от берега и набирал ход, а мальчик все стоял на берегу и махал ему рукой.

---

[1] Спасибо.
[2] Русский.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»



А. ЖУРАВЛЕВ

ЮНЫЕ БОЙЦЫ СВАПО

Много лет народ Намибии ведет борьбу за освобождение своей родины от колонизаторов. В этой борьбе участвуют и дети. Они помогают ухаживать за ранеными, выступают с концертами перед бойцами Народно-освободительной армии Намибии, выращивают для них овощи.

В 1980 году у намибийских ребят появилась пионерская организация. Называется она **«Пионерское движение СВАПО»**.

В прошлом году делегация пионеров Намибии отдыхала в пионерском лагере «Артек». Руководил делегацией двадцатисемилетний Лемми Хауфику. Открытое лицо, высокий лоб, живые глаза. Лемми — бывший артиллерист, воевал против южноафриканских оккупантов. На левой руке у него глубокий шрам — след осколка снаряда. Полгода провел он в госпитале. Тяжелое ранение не позволило Лемми остаться в армии. Тогда и решил он посвятить свою жизнь детям, стать пионервожатым.

По традиции в первый артековский вечер ребята знакомятся друг с другом. Вечер так и называется — «Давайте знакомиться!»

Вот что рассказали намибийские пионеры.

В делегации шесть пионеров: три девочки и три мальчика. Девочек зовут Селма Исаак, Анна Джон и Альбертина Шоомбе. Им по четырнадцать лет. Мальчикам Арону Мушимбе и Томсону Комбойну по тринадцать, а Закарии Наменголве — одиннадцать лет. Преследования расистов ЮАР заставили их семьи покинуть Намибию. Сейчас они живут в Анголе, в лагерях беженцев. С болью в голосе рассказывала Альбертина о том, как ее семья оказалась в таком лагере. Отец Альбертины — учитель. Он был связан с подпольщиками. Когда стало известно, что ему грозит арест, отец бежал из Намибии. Следом скрылись жена и дети. Каратели не пощадили бы их.

Пионерская организация Намибии молода. Сегодня в ее рядах восемь тысяч мальчиков и девочек. В организации «Пионерское движение СВАПО» есть младшие и старшие пионеры. Младшие — в возрасте от шести до десяти лет — носят синий галстук. Старшие — от десяти до пятнадцати лет — красный галстук.

В пятнадцать лет пионеры вступают в Молодежную лигу СВАПО — намибийский комсомол. Многие из них становятся бойцами Народно-освободительной армии и сражаются с колонизаторами.

Быстро освоились намибийские пионеры в «Артеке». Вместе с советскими ребятами они дежурили по лагерю, трудились, вместе купались, ходили в походы, сидели у пионерского костра, поднимались на вершину Аю-Дага.

«Кем вы хотите быть?» — спросила однажды Оля Шутова своих новых друзей, когда они сидели у костра. Самый бойкий, Арон, сказал: «Я хочу быть учителем». «А я — врачом,— призналась Альбертина.— А он,— девочка показала на Томсона,— будет инженером. Анна хочет стать санитаркой, Селма — летчицей».

Только самый младший, Закария, пока не решил, кем быть.

С восхищением рассматривали намибийские ребята экспонаты артековского музея космонавтики. Музей этот уникальный. В нем собраны интереснейшие фотографии, скафандры космонавтов, модели космических кораблей. Здесь же можно увидеть аппараты для тренировки космонавтов. И не только увидеть, но и опробовать их.

Очень хотелось Селме испытать себя хотя бы на одном из тренажеров — она же мечтает стать летчицей. Девочка выбрала аппарат, воспроизводящий космические перегрузки. Под веселый смех проходил «эксперимент». Когда Селма вышла из тренажера, ее пришлось посадить на стул — кружилась голова. «Ничего,— успокоили друзья.— Привыкнешь. В лётном деле нужно много тренироваться».

Как знать, может, голубой простор над свободной Намибией будет бороздить самолет Селмы Исаак...

Завершается смена. На освещенной прожекторами Костровой площади сменяют друг друга певцы и танцоры из разных стран.

Вышли ребята из Намибии. Запели. Далеко разносятся звонкие детские голоса: «Мы — партизаны, партизаны СВАПО...»

На мачте за спинами ребят полощется на ветру намибийский флаг: вверху — полоса синяя, как воды омывающего страну океана, внизу — зеленая — символ природных богатств Намибии. Между ними красная — знак вооруженной борьбы.

Под флагом стоит Лемми Хауфику, смотрит вдаль. Там, за морем, за тысячи километров от Крыма — Намибия...

Эхом отдаются в сердце слова пионерской песни:

Мы — юные бойцы!
Мы — партизаны СВАПО!
Намибия будет свободной!

Пионерский марш мира

Дорогие ребята!

В № 12 за 1981 год мы объявили смотр-конкурс девизов и эмблем клубов интернациональной дружбы. В № 7 были подведены первые итоги и напечатаны лучшие эмблемы. Сегодня мы публикуем наиболее интересные девизы кидовцев. Наш смотр-конкурс продолжается.

Мы живем не для войны, люди дружбою сильны!
КИД «Дети Земли», Копанищенская восьмилетняя школа Воронежской области.

Всегда и во всем быть интернационалистом!
КИД имени Георгия Димитрова, школа № 122, г. Куйбышев.

Для дружбы нет преград!
КИД имени Фрица Вайнека, школа № 89, г. Уфа.

Дружба всего дороже, дружба — это знамя молодежи!
КИД «Глобус» имени Георгия Димитрова, г. Куйбышев.

Смелость, решительность, дружба, задор, каждый по искорке — вместе костер!
КИД «Искорка», школа № 3, г. Тула.

Как лучи солнца, собранные линзой, дают огонь, так мы, сплоченные дружбой, утверждаем мир.
КИД «Аврора-Гранма» Дворца пионеров и школьников г. Бердянска.

За мир и дружбу на планете, за счастье всех людей на свете!
КИД «Луч» школы № 143 г. Куйбышева.

Чтобы земля родная стала яркой и красивой, чтобы смеялись дети на земле счастливой!
КИД «Улыбка», село Краснотуранское, Красноярский край.

Возьмемся крепче за руки, прочнее будет мир!
КИД «Чайка», Беломорский районный Дом пионеров, Карельская АССР.

Каждый, кто честен, встань с нами вместе против огня войны!
КИД «Дружба», школа № 3, г. Новый Уренгой.

У нас друзья на всей планете,
Законы дружбы святы!
За мир, за дружбу. мы в ответе,
Советские ребята!
КИД «Красная гвоздика» Дома пионеров города Горняк Алтайского края.

Мы победим войну!
КИД «Голубь» Первомайской восьмилетней школы Вологодской области.

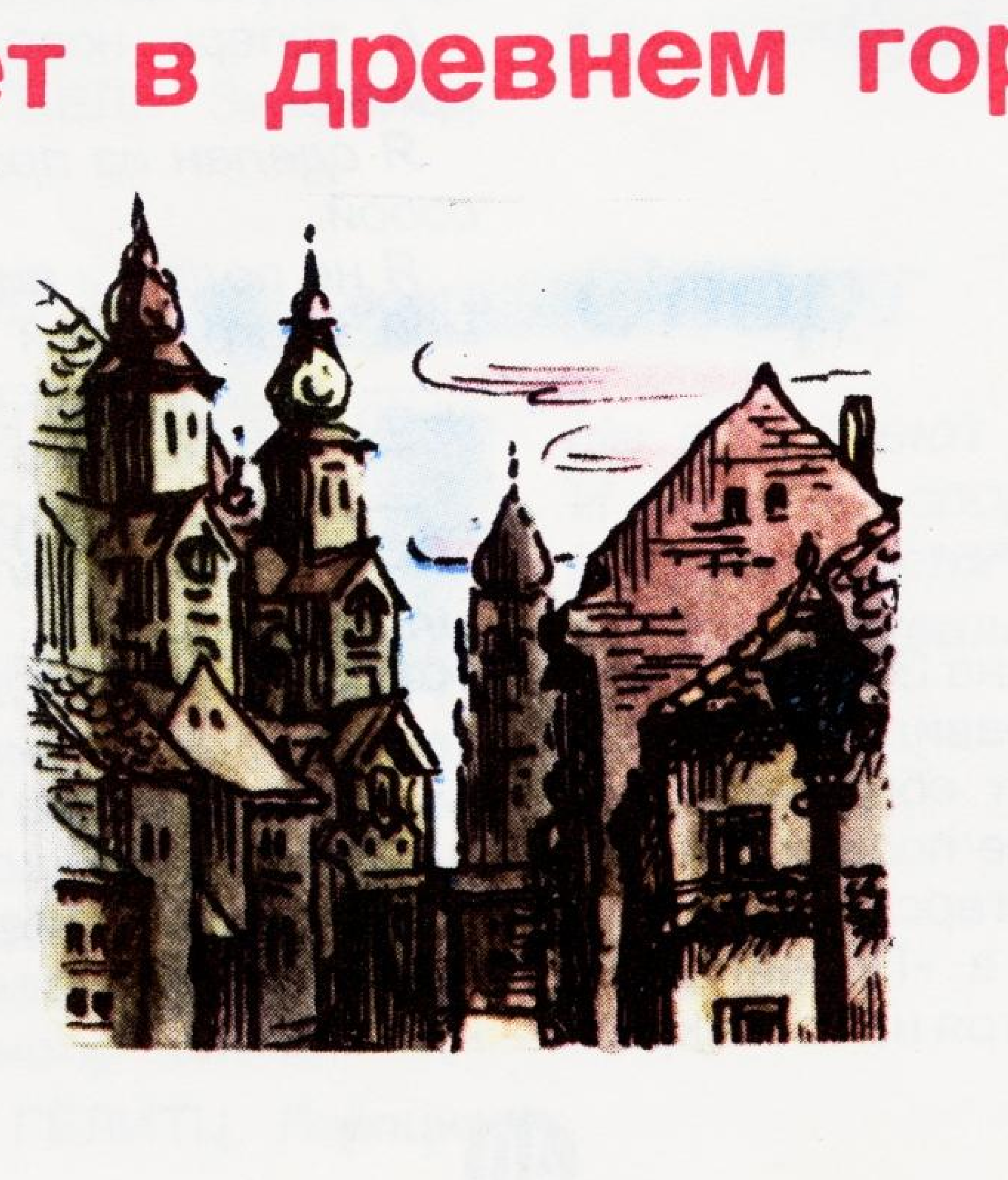
Мы с разным цветом кожи,
Мы с разным цветом глаз,
Но мир всего дороже
Для каждого из нас!
КИД имени Эрнста Тельмана Дворца пионеров г. Владимира.

Слет в древнем городе

В августе прошлого года пионеры Германской Демократической Республики собрались на свой VII слет в Дрездене.

К слету готовились старательно: каждый год более полутора миллионов пионеров-тельмановцев отправлялись по маршрутам «Экспедиции пионерских дел».

Один из таких маршрутов — операция «Большой поиск — миллионы для республики!». «Большой поиск» — это тысячи тонн металлолома, макулатуры и другого вторичного сырья, собранного ребятами. ГДР не очень богата природными ресурсами, и тонны пионерского металла очень нужны стране. В прошлом учебном году пионеры ГДР сдали на приемные пункты вторсырья тысячи банок и бутылок. Специалисты подсчитали, что на их производство потребовалось бы 12,6 миллиона кило-



ватт-часов электроэнергии, 10,5 миллиона кубометров газа, 4200 тонн соды!

За год до начала слета в Доме пионеров города Цвиккау собрались 200 ребят — активистов операции «Большой поиск». Они предложили: давайте соберем деньги на проведение слета в Дрездене! Вскоре в Берлинском банке был открыт специальный счет: 7199-59-1982. На этот счет ребята перечисляли деньги, заработанные ими на маршрутах «Большого поиска».

А у пионеров 23-й школы берлинского района Панков родилась вот какая идея. Они дружат с экипажем теплохода, который возит грузы из ГДР в разные страны. Бывает теплоход и во Вьетнаме. Накануне слета пионеры 23-й школы обратились ко всем школьникам Панкова с призывом собрать и отправить во Вьетнам целый корабль с игрушками.

На этот призыв откликнулись все пионеры ГДР. Вскоре судно загрузили ящиками, мешками, коробками с игрушками, и оно взяло курс на вьетнамский порт Хайфон.

VII слет показал, как много доброго и полезного сделали для своей страны юные тельмановцы, наметил новые пионерские маршруты.

Старшие пионеры ГДР носят красный галстук, а младшие — синий. В красках августовского Дрездена синий и красный цвета были самыми заметными.

О. СОКОЛОВСКАЯ

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Дорогая редакция!
Я знаю, что у наших друзей, пионеров из зарубежных стран, тоже есть свои журналы. Не могли бы вы рассказать, о чем они пишут.

Галя Стюхина, 7-й класс,
с. Каменки Загорского района
Московской области.

Выполняя просьбу Гали и многих других ребят, мы публикуем сегодня несколько заметок из журналов «Пайташ» (Венгрия) и «Фрёзи» (ГДР).

Первое слово — журналу венгерских пионеров „Пайташу"

Ты читал...

...«Сиюминутные новеллы» Иштвана Эркеня? Если еще не читал, то, может быть, «Правила пользования», которыми писатель открывает сборник смешных историй, вызовут у тебя желание познакомиться с творчеством этого известного венгерского писателя. Вот что пишет Иштван Эркень в «Правилах»:

«...Предлагаемые новеллы, несмотря на свою краткость, — совершенно самостоятельные произведения. Их преимущество в том, что они берегут время читателя, не отнимают его внимание на долгие недели и месяцы. Пока варится яйцо всмятку, пока занят номер телефона, вы всегда успеете прочитать одну-две новеллы. Не беда, если вы себя даже плохо чувствуете или утомлены. Вы можете читать их сидя и стоя, и в ветреную погоду, и в дождь, и по дороге в битком набитом автобусе.

Если вам что-то непонятно в новелле, прочтите ее еще раз. Если и опять не поймете, значит, не удалась новелла.

Нет глупых читателей, есть плохие «сиюминутки»!»

А теперь новелла. Называется она «Профессионал».

Я сделан из прочного материала. Я умею владеть собой.

Я не подал и виду, хотя на карту были поставлены мой многолетний труд, мой талант, мое будущее.

— Я занимаюсь животными, — сказал я.

— Что вы умеете? — спросил директор.

— Я подражаю голосам птиц.

— Очень сожалею, — вздохнул директор, — это вышло из моды.

— Как так? А воркование горлицы? А чириканье воробья? А свиристенье перепела? А крик чайки? А пение жаворонка?

— Все в прошлом, — уныло ответил директор.

Мне было обидно, но я даже и виду не подал.

— До свидания, — вежливо попрощался я и выпорхнул в окно.

Фестиваль в Бекешчабе

Позванька, Инвитате, Айнладунг, Позивница...— на словацком, румынском, немецком, сербском языках приглашали юных танцоров организаторы Пятого фестиваля народного танца, который проходил в Бекешчабе. По традиции этот город уже много лет принимает у себя многоцветный хоровод самодеятельных танцоров. Двести ребят демонстрируют ежегодно свое мастерство. Кроме танцоров, выступают и музыкальные группы. Большой успех на фестивале выпал словацким танцорам из Тоткомлоша и Шаторальяуйхея и немецким танцорам из Боньхадя. Бурными аплодисментами наградили зрители оркестр из словацкого города Сарваша.

Подготовила Н. ВАСИЛЬЕВА

А теперь слово „Фрёзи", журналу пионеров-тельмановцев

Операция «Хворост»

Мы, пионеры 4 «А» класса школы имени Карла Киттельмана в Лауххамере, начали новую пионерскую операцию под названием «Хворост». Раздобыв три ручные тележки, мы собираем по окрестным лесам сухие сучья. Хворост отвозим одиноким пенсионерам. Они так радуются этой неожиданной помощи! Радуемся и мы. Мы счастливы, что можем помочь людям.

Катрин ТАЙНЦЕ. Лауххамер.

Уголок острот

По дороге домой Петер рассказывает своему другу Максу, что недавно упал с десятиметровой лестницы. Макс удивлен:

— И ты не разбился? Не поранился?

— Нет, я ведь стоял на самой нижней ступеньке.

Катрин ДИТЦЕЛЬ. Заафельд.

Вне себя от гнева отец листает тетрадь своего сына.

— Одиннадцать ошибок в одном маленьком сочинении! Как такое могло быть?

— Это учитель виноват,— отвечает сын.— Он же их специально ищет.

Яна УКЕРМАНН. Шлатков.

Петер: «Вот досада! Ни одна хлопушка из тех, что я купил к Новому году, не работает!»

Хайнц: «Странно. Я же перепробовал их все до одной. Они работали замечательно!»

Катрин ГЁЛИТЦ. Лейпциг.

Каникулы

Собирай рюкзак скорее,
Завтра мы идем в поход.
Свежий ветер, солнце греет.
Ну, скорее, полный ход!

Реки, лес, поля и горы,
Все увидим мы с тобой.
Всю страну увидим скоро,
Как прекрасен край родной!

Маргит УТЕХ, 14 лет.

Спорт

Не все умеют побеждать,
И нелегко спортсменом стать,
Но даже если ты не лучший,
То тренируешься все лучше.

Эльке МЮЛЛЕР, 12 лет.

Подготовила С. БЕДЕНКО

Фотографии В. КРУПСКОГО.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

С Леной МЕХОВОЙ, семиклассницей из города Витебска, «Кораблик» познакомился, когда приплывал в «Артек», в гости к юнкорам. На борту «Кораблика» Лена оставила одно свое стихотворение.

Первомайский поход

С рюкзаками за плечами
Мы идем, идем в поход.
И полями, и лесами
Вокруг озера в обход.

Ветерок бежит за нами —
Очень рады мы ему,
Солнце греет нас лучами,
Любим мы свою страну!

Вике НЕСТЕРЕНКО 13 лет. Она живет в Донецке, учится в 7-м классе. Вика любит сочинять — она пишет и стихи, и рассказы.

Полевая наука

Закинув голову на руки,
Лежу одна я на лугу,
Лежу и полевой наукой
Овладеваю, как могу.

Вон там, как ниточка
на прялке,
Висит, качается фиалка.
Там зонтиком белеет
кашка,
Там улыбается ромашка.

Там колокольчики звенят,
Там голубеет незабудка...
Казалось, луг был
очень рад,
Что я зашла хоть
на минутку.

*

Наташе ЛЕСКОВОЙ 13 лет, живет она в городе Калининграде Московской области.

Мечта

Я думаю, будет когда-нибудь так:
Ракету иметь будет просто пустяк.
У каждого будет ракета своя:
У нас, и у вас, у тебя, у меня.

Мы будем до Марса летать, до Луны,
Как ездим сейчас от Мытищ до Москвы.
Загадочно звезды нам будут сверкать
И ласково в даль свою нас приглашать!

*

Ира ЗЕЛЕНСКАЯ — киевлянка, ученица 8-го класса.

Память

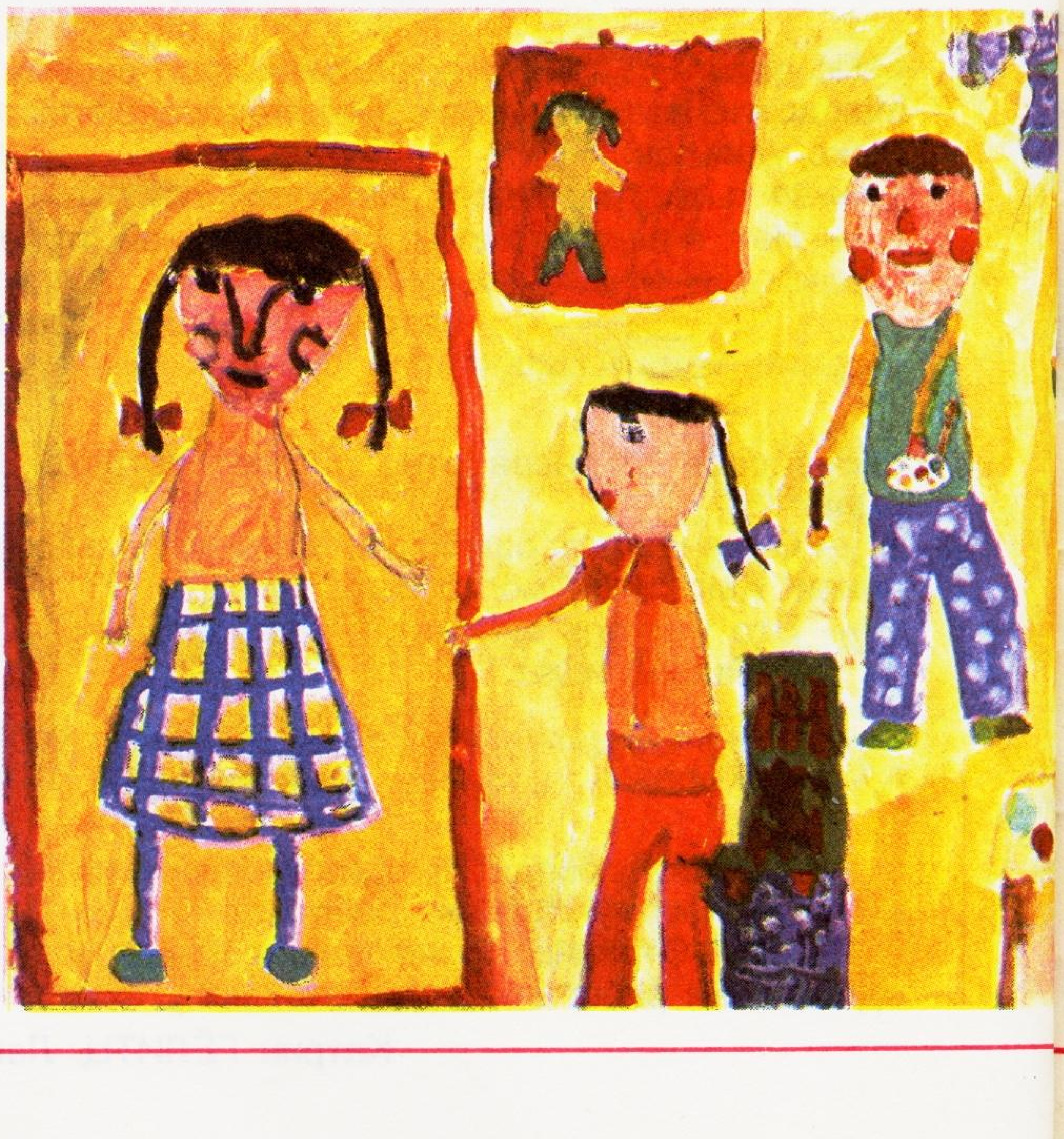
Нам землянка — не мать, нам окоп — не обитель.
Мы не шли на врага в темно-сизом дыму.
Не умели бросать мы в пике истребитель,
Не брели наугад сквозь кромешную тьму.

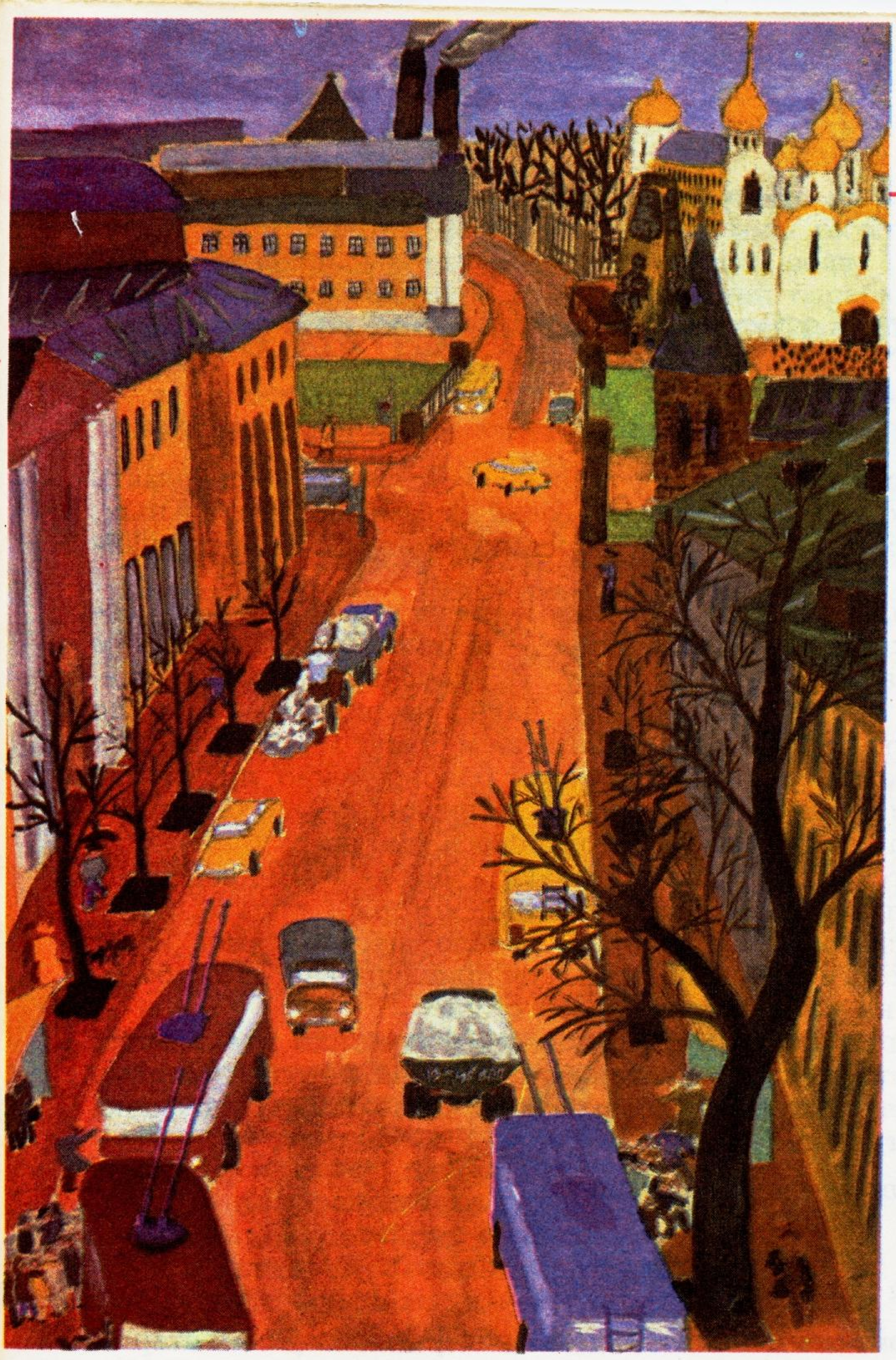
Мы в землянке сырой до рассвета не пели
Под охрипшую в битвах родную гармонь
И бесстрашно на доты врагов не глядели,
Лишь на миг побледнев после крика «Огонь!»

В наших юных сердцах — энергичных, горячих,
В нашей памяти светлой потомков земных
Вы, герои, бессмертны, как вечность, а значит,
Не допустим на свете мы войн никаких!

За героев Хатыни, закованных в камень,
За страдалицу-мать над могильным холмом
Мы живою стеною вкруг Родины встанем
И за мир, если надо, сражаться пойдем!

«НАША СЕМЬЯ»
Света ЕГОРОВА, 6 лет.





«ВЕСНА»
Дима НОСОВ, 11 лет.

*

Наташе КАТАСОНОВОЙ
10 лет, живет она в г. Дрезна, Московской области, учится в 4-м классе.

Урок музыки

В маленькой комнате двое сидят,
Двое внимательно в ноты глядят:
Строгая девушка учит играть,
Учит меня красоту постигать.

Раз и два и... Прямо сиди!
Раз и два и... В ноты смотри!
Раз и два и... Ровно считай!
Раз и два и... Ноты читай!

Медленно тянется музыки нить,
Рвется под пальцами тонкая нить,
Рвется и рвется тонкая нить,
Двое стараются нить починить.

Раз и два и... Кистью сними!
Раз и два и... Снова начни!
Ох, нелегко красоту постигать!
Приходится в малом вершин достигать.

Радослав ШИШОВ — восьмиклассник из Москвы — прислал в «Кораблик» свой фельетон.

Подвели...

Из пионерской Андрей вышел хмурый. Ему, человеку, без чьей заметки не обходится ни один номер школьной газеты «Еж», ему, кто выходил на районный конкурс юнкоров, дали пустяковое задание: написать репортаж о сборе шестиклассников.

Ну разве это дело?

На сбор Андрей не пошел. Да и зачем? По телевизору — решающий хоккейный матч. А «шестаков», как их называют в школе, он знал хорошо.

Знал, что Лида Сергеева сочинила к сбору стихи. Она их прочтет как вступление. Раз! Вожатая Наташа произнесет речь о значении металлолома в хозяйстве страны. Два! А о том, что девочки подготовили театрализованную сценку, Андрею рассказал его друг Ваня Пахомов из того же 6 «А». Три!

Еще несколько маленьких деталей об энтузиазме участников и... раздался свисток судьи. Матч начался.

Наскоро, но аккуратно переписав на чистый лист бумаги свою заметку, Андрей прильнул к телевизору.

...На следующее утро, прибежав раньше всех в школу, он направился к газете. Пустовала только предназначенная для его заметки колонка. Аккуратно вклеив статью и придирчиво осмотрев плод своих трудов, Андрей отошел в сторону и как бы невзначай стал ожидать реакции читателей.

Через некоторое время у газеты собралась кучка ребят, с интересом рассматривающих и читающих статьи и рассказы.

Андрей удивился, услышав вдруг непонятные для него смешки. «Чего это они?» — подумал автор репортажа, вспомнив, что юмор давался в газете только по четным номерам, а сегодня висел нечетный, тринадцатый. Постепенно смешки у «Ежа» перешли в откровенный смех, который привлекал к газете все новую и новую ребятню. Смех переходил в хохот.

Увидев среди ребят своего друга из шестого «А», Андрей вытащил его из толпы и, притоптывая от нетерпения, поинтересовался, почему все смеются.

— Тю-тю! Наташа заболела, сбора не было вообще! — ответил Ваня, захлебываясь от смеха.

...Всем своим видом Андрей изобразил... нет, не растерянность, просто глубокомысленную задумчивость.

— Ну и организация у этих «шестаков»! Без вожатой сбор провести не могут! — наконец недовольно пробурчал он и, отвернувшись, углубился в газетный отчет о вчерашнем хоккейном матче.

Наталья БАНК

Из чего растут стихи?..

Среди разных искусств, существующих на свете, способность думать и говорить о мире, о человеке стихами — одна из самых удивительных.

А для меня стихи часто звучат голосами дорогих людей, друзей-поэтов.

Однажды я нашла в почтовом ящике конверт с необычным письмом — новыми стихами Михаила Дудина. «Ты бежишь за вчерашним днем...» — прочитала я первую строчку. И вдруг вспомнила серый, сырой денек. Мы идем по Ленинграду. Давно не виделись, тем для разговора накопилось много, и мы не замечаем брызг от пролетающих машин. Лишь изредка, подняв глаза, мы одновременно видим над мокрыми крышами в голубых окошках среди низких туч высокое небо. По календарю зима, но что-то уже заголубелось там, вверху. Внезапно нить беседы теряется. Я не сразу понимаю, в чем дело. Но, вероятно, что-то в сегодняшнем дне, в порыве ветра, которым обдало, когда сворачивали с Невского на улицу Марата, задело моего спутника. И вот уже Дудин отвечает на вопросы невпопад, он прислушивается к себе, он смотрит на город, на встречных — сквозь стихи.

Стихи, пришедшие по почте, неуловимо напомнили тот зимний мокрый денек. Напомнили не пейзажем (описания погоды, улицы в стихотворении и нет), а строем чувств, раздумьями, которые, очевидно, могли родиться тогда.

Ты бежишь за вчерашним днем,
А его уже больше нет.
Он сгорел голубым огнем,
И от дыма растаял след.

Вам еще предстоит это испытать, а пока поверьте поэту: чем старше мы становимся, тем быстрее мчится время и тем сильнее хочется замедлить его бег, задержать лучшее, что было в прошлом.

Легким выдохом растопи
На стекле ледяной обман.
Не твои ли следы в степи
Заметает седой буран?

Кто из нас в детстве не любил продышать дырочку в намерзшем на окне слое льда! Поэт тоже был мальчишкой и хорошо это помнит, но знает он и другое: как нарастает с годами на человеческой душе лед усталости, разочарований, обид («ледяной обман»). Растопить бы его, отыскать под снежной поземкой в жизни-степи свои же молодые следы! Трудно это сделать самому — хорошо, если на помощь придет близкий. Только помощь должна быть ненавязчивой. Не правда ли, как осторожна строка-полушепот «Легким выдохом растопи...»? К внутреннему миру человека прикасаются лишь очень бережно, деликатно, иначе все можно разбить, испортить — от грубого прикосновения намерзнет лед, который уже не растопить...

Из чего и как растут стихи? Это тема огромная. Я начала с рассказа о возникновении одного лирического стихотворения. В лирике поэту нельзя притвориться, казаться лучше, чем он есть: этот жанр непременно выдаст неискренность, фальшь. Думаю, хорошим лириком не может быть человек сухой, мелочный, равнодушный, скупец. Лирика — это талант сочувствия, траты сердца, щедрой раздачи доброты, тепла...

Как приходят к поэту стихи? Ученые именуют это таинство «творческим процессом», «поэтической лабораторией». Сами поэты говорят о сочинении стихов по-разному, но чаще — очень прозаично, словно стесняются назвать свое возвышенное занятие красивыми словами. В 60—70-е годы я много переписывалась с Павлом Григорьевичем Антокольским. Замечательный мастер советской поэзии, он иногда говорил, что «ковыряет» стихи, что у него появился «неизлечимый зуд в пальцах правой руки»...

Да, в повседневности, в обычных разговорах поэты иной раз прикрывают шуткой, анекдотом мучения своего труда. Поэтическое вдохновение действительно множится на труд, и на какой тяжкий! Трудится ум, трудится душа — она «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь», как писал Николай Заболоцкий. Поэту не положено ни

отпусков, ни отдыха. Стоит расслабиться, разлениться, забыть о тревогах и заботах человечества — и стихи опустеют, в их окошках погаснет добрый огонь, на который идут люди.

Есть поэты, у которых стадия сомнений, борьбы со словом, поисков наилучшего решения темы проходит скрыто, «в себе». Стихи ложатся в тетрадь или в блокнот уже готовыми, почти без помарок. А у других белый лист становится ареной настоящих сражений — за наиболее яркий, впечатляющий образ, точный эпитет... Потом в бумагах поэта мы находим следы яростных баталий.

Если говорить о поэтах, хорошо мне знакомых, то Ольга Берггольц и Павел Антокольский дают пример различной работы над стихами.

В архиве Ольги Берггольц варианты одного и того же стихотворения встречаются редко. Стихотворение записано рукой автора от первой до последней строфы таким, каким его знают по сборникам, каким слушали по радио в чтении самой Ольги Федоровны. Например, вот это, «Первое письмо на Каму», адресованное матери — своей, единственной — и тысячам других матерей, оказавшихся в эвакуации, чьи взрослые дети остались в Ленинграде оборонять его от врага. Над стихотворением стоит необычный эпиграф — несколько скупых фраз, объясняющих обстановку: «Сентябрь 1941 года. Враг у ворот Ленинграда. Непрерывные бомбежки и обстрелы. Хлебная норма резко уменьшена». Само время мобилизовывало, диктовало слова точные, ясные. Обращение к матери определяло тон стихов — сердечный, искренний. Но это было не просто частное письмо, а клятва защитников Ленинграда старшим — сохранить достоинство и честь:

Не бойся, мама, я не струшу,
не отступлю, не побегу.
Взращенную тобою душу
непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
еще надолго хватит сил:
победоносному терпенью
недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама,— я с друзьями,
а ты люби моих друзей...

А дальше как бы заметки на полях письма или примечания к нему: «Я не пищу,— и так вернее,— что старый дом разрушен наш, что ранен брат, что я старею, что мало хлеба, мало сна...» Что это — ложь? Нет, настоящий гуманизм, умение щадить близких. А еще способность видеть будущее, жить верой в преодоление бед:

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям!
Пишите им о том, что будет.
Не жалуйтесь, что трудно нам..

Вижу эти стихи, написанные аккуратным, четким почерком Ольги Берггольц фиолетовыми чернилами на тетрадных листах в линейку. Серая, шершавая, в заусеницах бумага военного времени. Много раз держала в руках драгоценные эти листки дома у Ольги Федоровны Берггольц на улице Рубинштейна, когда писала дипломную работу, а потом книгу о ее творчестве. Ольга Федоровна говорила мне о лирике и поэмах военных лет: «Я ничего не исправляю в этих стихах. Тогда они шли мгновенно... и такими, по-моему, должны остаться: ведь это документ времени».

Но бывает и по-другому. Поэт вновь и вновь обращается к одному и тому же стихотворению, совершенствует его, случается, изменяет текст чуть ли не до неузнаваемости. Недавно мне было поручено составить том стихотворений и поэм Павла Антокольского в Большой серии «Библиотеки поэта» (есть такое издание, основанное еще Горьким, издание строго научное, требующее проверки каждого стихотворения по рукописям, если они, конечно, уцелели). Много дней я провела в кабинете Антокольского в районе старого Арбата, на улице Щукина в Москве, внимательно перелистывала десятки тетрадочек, самим поэтом переплетенных, затейливо оформленных, в которых он записывал стихи. И вот в ранней, еще студенческой тетради П. Антокольского мое внимание остановила коротенькая поэтическая зарисовка весенней Москвы. В таком виде она как будто бы не печаталась, но чем-то знакома мне. Да ведь это зернышко, из которого выросло стихотворение, вошедшее в последнюю книгу поэта «Конец века»! Видимо, было так: Антокольский нашел давнее, забытое стихотворение, и оно вдруг ожило, дало зеленые ростки — новые строчки: поэт увидел Москву

глазами своего далекого детства и захотел подарить этот пейзаж маленькому москвичу, правнуку Денису. В итоге получилось, по существу, новое стихотворение.

Оказывается, у стихов, как у людей, есть биография. Только у человека дата рождения одна, а стихотворение иногда имеет и две даты. Например, это стихотворение П. Антокольского. Под ним в книге, которая недавно вышла в «Библиотеке поэта», вы можете увидеть цифры «1918» и «1975» — годы, когда стихотворение было написано и когда оно получило новую, вторую жизнь.

И все-таки как стихи появляются на свет? Послушайте, что писала Анна Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Ахматова, которая в глазах читателей воплощает саму красоту и высокое совершенство поэзии, сравнивает рост стихов с простенькими цветами и травами! Не странно ли это? Если задуматься, не странно, а мудро. В строках Ахматовой — мысль о естественной необходимости появления стихов, которые созрели в душе поэта и просятся наружу, к людям. Настоящие, выстраданные, выношенные стихи прорастут непременно, несмотря на трудные, даже неблагоприятные условия работы поэта. Прорастут, как — в засуху ли, в проливной ли дождь — без жалоб и капризов каждый год появляются одуванчики, лопухи и лебеда, без которых нет родного пейзажа. Почва стихов не какая-то особенная, специально возделанная, не грядка или клумба. Это просто земля, на которой поэт живет, радуется и печалится рядом с другими людьми. Только поэт особым образом, острее эту жизнь переживает.

Чтобы стихи затеплились в душе, пробились к свету, бывает нужен толчок, импульс, впечатление внешнего мира. Это может быть звук — какая-то нота, задевшая воображение («Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, молодеет душа...» — так начинается стихотворение Александра Блока, воспоминание о юности, о первой любви). Может быть запах, о чем-то напомнивший: воспоминания, оказывается, пахнут дымом костра, морем, горячим асфальтом, парным молоком, краюшкой теплого хлеба...

У каждого поэта есть время дня и время года, когда ему особенно хорошо пишется. Я никогда не спрашивала моего доброго приятеля Глеба Горбовского, в какой сезон к нему приходят стихи, но заключила по самим стихам, что, вероятно, осенью. С каждой осенью все глубже, все мучительнее и сладостнее тревожит поэта окружающий мир:

Листок последний на березе...
Выходит лето из игры.
Последний луч бросает в осень
из-за горы, из-за горы...

Сил не хватает для улыбки.
Возьму у дождика струну,
сыграю что-нибудь на скрипке
про ту весну, про ту весну...

Вы, верно, чувствуете, как вплетаются в мелодию стиха (недаром эти стихи положены на музыку и поются) тонкие паутинки печали, подобно золотым нитям в косах осеннего леса.

А вот стихам Михаила Дудина, особенно в последние годы, все нужнее лето. Июль в Михайловском, куда поэт уезжает, вырвавшись из круга своих бесконечных обязанностей, дел, забот, под сень пушкинских рощ, словно разогревает воспоминания, смягчает душу. И то, что пережито, перечувствовано, задумано долгими зимними ночами, просится на бумагу. Идут стихи (поэты действительно так иногда говорят про стихи, что они «идут!»). Душа освобождается от них с такой же неизбежностью и внутренней необходимостью, с какой проливается дождем туча или набухшая на дереве почка раскрывается клейким листком. И о чем бы поэт ни писал — о связи времен, братстве, любви и верности, о судьбе Земли в наш тревожный век, в стихах, горяча авторскую речь, незримо присутствует благословенная летняя пора, которая помогла стихам вырасти. И бывает, лето прикасается к строчкам буквально: «...мне в тетрадь мою садится на место рифмы стрекоза!»

Лирика издавна дружит с природой. Проходят века, но этот источник вдохновения остается. Стоит довериться природе — и она «продиктует»

стихи, будто поэт ни при чем! Хорошо сказал об этом, стихами же, один из старейших наших поэтов, Арсений Тарковский:

Искать поэзию не надо
Ни у других, ни в словарях,
Она сама придет из сада
С цветами влажными в руках.

Кому, как не поэту, читать книгу природы, переводить на язык стихов ее страницы!

Часто задаюсь вопросом, как выросло стихотворение Ярослава Смелякова «Если я заболею...»: природа ли, момент особенной близости к ней, повергла поэта в раздумья о быстротекущей жизни или чувства, которые давно отстоялись в душе, поэт «вышил» по канве природы? Перечитываю стихотворение и склоняюсь к тому, что это она, русская ширь, навеяла строки завораживающей силы и красоты:

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я с сожалением обрываю цитату, но и по этим срочкам вы, наверное, чувствуете, что природа проявляет в поэте, дает выход самым сокровенным чувствам. Перед нами нежное признание в любви Родине, без которой немыслима жизнь.

Написала эти слова «признание в любви» и подумала: а может быть, лирика—это и есть одно, бескрайнее, как море, веками длящееся объяснение в любви всему прекрасному, что неискоренимо в мире?!

Да, лирика всегда росла и продолжает расти из любви. И в нашем тревожном двадцатом столетии, таком деловом, рациональном, технически оснащенном, по-прежнему помогает вдохнуть в стихи теплоту, нежность, доверчивость женщина.

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги,—
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

Так начинается стихотворение Бориса Пастернака «Свидание». Женский образ—в каждой клеточке стиха: ее волнение, смущение, порыв, незащищенность, рождающие ответную нежность, желание защитить, сберечь, рождающие, как сказано в другом стихотворении Пастернака, «сердца мужеского сжатье»...

Разнообразны источники поэтического воодушевления. Их не перечислить, не классифицировать, не составить их список. У каждого поэта свои родники, питающие лирику. Есть и общие для всех. Однако, взявшие влагу из одного родника по имени любовь, или братство, или память, верность, стихи разных поэтов вырастают совсем непохожими, и в этом неповторимом индивидуальном своеобразии, «необщем выраженье лица» их прелесть и долговечность.

Мы с вами немного приблизились к разгадыванию тайны «произрастания» стихов. Как бы мы ни пытались проникнуть в «технологию» этого процесса, он окружен тайной. Она прекрасна и велика. Радостно жить, доверившись ей и поклоняясь.

Рисунки В. ДОНСКОВА.

Про и

Как идут дела на селе? Как выполняется Продовольственная программа? — эти вопросы сейчас волнуют каждого советского человека. И все мы, советские люди, где бы ни работали, стараемся помочь труженикам сельского хозяйства — участвуем в уборке урожая, заготовке кормов, выращиваем овощи и фрукты. Но, конечно, главную работу выполняют наши колхозы и совхозы, животноводческие фермы и... заводы. Да, в сельском хозяйстве есть и заводы, причем заводы большие и знаменитые. Мы расскажем сегодня об одном из них — подмосковном ордена Ленина Госплемзаводе «Заря коммунизма» и о том, как он помогает нашему общему делу — выполнять Продовольственную программу.

Тридцать три заботы

— «Забава»? Я — «Забава-17». Механика на ферму.

— Сейчас будет.

— «Забава»? Говорит «Забава-3». Нам еще две машины нужны. Столько картошки нынче, машин не хватает. Пришлете?

— Еще две? Вышлю.

«Забава» положила трубку, повернулась к нам и сказала:

— Это у нас такие позывные: «Забава-1», «Забава-2»... Тридцать три «забавы» всего — это все тридцать три наши службы.

По рации снова послышался требовательный голос:

— Говорит «Забава-12». Соедините с директором. У нас представители из Грузии. Нужно подписать документы о продаже элитных телят.

„золотого" телёнка доброе слово

В комнату вошли двое мужчин и наперебой заговорили с Тамарой Николаевной Беляничевой («Забавой»), диспетчером хозяйства. Оказывается, приехали ученые из Тимирязевской академии.

Вот как много забот у одного только хозяйства! Правда, хозяйство это особенное, называется оно Государственный племенной завод «Заря коммунизма».

Госплемзавод на своих фермах выращивает отборный скот — породистых коров, которые молока дают в два раза больше, чем обычные буренки. Этих замечательных животных Госплемзавод продает другим хозяйствам, чтобы и там от каждой коровы получали больше молока. Так «Заря коммунизма» выполняет Продовольственную программу.

За свои успехи в разведении породистого молочного скота хозяйство и награждено орденом Ленина, другими правительственными наградами...

Родословная

На Госплемзаводе выращивают крупный рогатый скот, главным образом одной породы — черно-пестрой.

Рядом с обыкновенными буренками черно-пестрые коровы выглядят более крупными и молока дают — как мы уже говорили — гораздо больше. Сейчас в заводском стаде более семи тысяч таких животных. Почти все они отнесены к классу «Элита» и «Элита-рекорд». Восемьсот коров записаны в особую — Государственную племенную книгу...

И для всех, кто работает на заводе, главная задача — сохранить замечательные качества породы у потомства, добиваться, чтобы высокие удои не падали, а надежно передавались из поколения в поколение.

А это не так просто...

Казалось бы, всем хороша черно-пестрая порода, но и эту породу можно улучшить путем скрещивания с голштино-фризской. Голштино-фризская порода тоже из знаменитых, а по молоку даже превосходит черно-пеструю (правда, молоко это не такое жирное).

Что же дает скрещивание?

Жирность молока сохраняется, а удои увеличиваются за счет достоинств голштино-фризских коров...

Так путем скрещивания и отбора лучших животных на заводе улучшают черно-пеструю породу, закрепляют ее лучшие качества в новых поколениях.

Как видите, это не простое дело, необходима сложная и кропотливая работа селекционеров. И в этой кропотливой работе приходится учитывать не только особенности породы, но и индивидуальные качества каждого животного.

Все знают, как часто дети не похожи на родителей.

Так бывает иногда и у животных. Скажем, дочка коровы-рекордистки может ничем особенным не отличаться. А вот достоинства «бабушки» у нее могут быть выражены даже сильнее, чем материнские. И специалисты изучают родословную каждого теленка, собирают сведения обо всех его близких родственниках и бережно их хранят.

На каждое животное здесь заведено что-то вроде медицинской карточки, куда записывают практически все: год и место рождения, кличку животного, размеры, номер, все сведения о его родителях. Даже «бабушка» и «дедушка» упоминаются в этой карточке. Она все время пополняется новыми сведениями: как растет наследница знаменитых родителей, прибавляется ли у нее молоко, достаточной ли оно жирности.

Смотрят специалисты на такую карточку и видят, что передалось по наследству, а что потеряно, станет ли теленок «золотым» или лучшие качества породы перестанут проявляться...

И еще одно условие важно для каждого будущего «золотого» теленка.

У колыбели

Известно, что драгоценные качества породы в полной мере передаются по наследству при одном условии: если ко́рма у молодняка вдоволь и если корм этот первоклассный — питательный и богатый витаминами.

Вот почему на Госплемзаводе, где телята и коровы отборные, элитные, и корма для них должны быть хорошие. Поля и пастбища здесь засевают только первоклассными семенами и собирают из года в год рекордные урожаи кормовых культур.

Летом стада пасутся на прекрасных «культурных» пастбищах. Их называют так потому, что за

ними ухаживают как за полем или садом. Зато они и дают богатый урожай свежих луговых трав не один раз в год. Скажем, как только на одном специально огороженном участке-загоне трава съедена начисто, стадо переводят на другое место, а этот участок поливают и удобряют. Не пройдет и месяца, как здесь снова поднимется свежая, сочная зелень, и стадо вернется сюда. А на освободившийся участок придет отряд полеводов, чтобы, не теряя времени, заботливо возродить пастбище...

Зимой животные переходят на «консервы». Их не надо привозить издалека — брикеты сухой травы с добавками витаминов, комбикорм, сочный силос — все это вовремя заготавливается здесь же, в цехах маленького заводика. Ведь именно от того, какие корма получит корова, зависит, каким будет у нее молоко. Известно, что оно состоит из многих компонентов, и почти все белки, жиры, витамины, микроэлементы животное получает вместе с кормами...

Мы побывали на фермах и в телятниках, полюбовались на новорожденных малышей. Они высовывали свои черно-пестрые мордочки из деревянных «кроваток» и тыкались теплыми носами в наши руки. Что и говорить, неуютно им без мам.

Но ничего не поделаешь. Это завод, большое хозяйство. И по правилам санитарии малышей сразу же после рождения отделяют от мам — они будут содержаться в разных условиях. И питание у них будет разное, и уход, и лечение. Большинству малышей предстоит дальний путь в новые края, а мамы останутся здесь — продолжать род, передавать свои драгоценные качества потомству.

Нина Максимовна Кудимова, бригадир и наш провожатый, знает всех обитателей телятника в «лицо». А вот по имени назвать их не может — нет у телят кличек. Опять же — завод, большое производство, приходится переходить на цифры и номера.

У каждого теленка «ушки на макушке», а в ушках пластмассовые номерки с четырехзначными цифрами.

Огромное стадо в хозяйстве, и без четкой организации, без машин и механизмов не обойтись. Мы видели: машины здесь и доят коров, и корм выдают, и воду доставляют. Но еще нет и не будет, наверное, никогда такой машины, которая бы заменила добрые руки доярки, ласковый ее голос, внимание к животному.

Нина Максимовна поправила белую косынку: «Однажды была у меня на практике девятиклассница Катя, не буду называть фамилии. Я ей как-то говорю: «Вон той красавице дай-ка корма. Разве не видишь, мало ей, голодная». А Катя в ответ: «Вот еще! Подумаешь, божья коровка! Хватит ей». Даже не повернулась. Двадцать лет работаю, а такое не то что вслух, даже про себя не говорила никогда. А Катя все твердит: «Устала я от них». И что вы думаете? Корова та стала меньше молока давать, обиделась...»

Это вовсе не преувеличение. Ученые доказали, что не только корма и происхождение влияют на количество и качество молока. Отношение к животному, условия, в которых оно содержится, — тоже не последнее дело.

Пойдет ли Катя на ферму?

Помните наш разговор с диспетчером Тамарой Николаевной? Тогда, в шуме срочных звонков и неотложных забот, нам трудно было разобраться, какие из этих забот самые главные. Сейчас, побывав на молочной ферме и в телятнике, мы поняли, что заботы об элитном стаде, о выращивании чистопородного потомства — главное дело для всех, кто здесь трудится. Все службы этого большого хозяйства — помощники животноводов, помощники дружные и надежные.

Мы ходили по агрогороду, где живут работники завода, рассматривали кварталы современных жилых зданий, торговый центр, больницу, школу, радовались хорошей жизни людей. А из головы не выходил разговор о Кате. Задела нас эта история. Как же так? Кругом такая жизнь кипит, заботы у людей большие, государственные, а она в стороне...

Вот бы встретиться с ней, поговорить. Но на ферме ни Кати, ни ее подруг не было видно. И вообще молодежи здесь мало.

Побывали мы и в школе. Как раз попали на урок животноводства. Мальчишки с увлечением разбирали и собирали аппарат для машинного доения. А девочки, видно, скучали. Техника их не очень привлекала, а больше ничего интересного им не предлагали.

— Да, мальчики у нас после школы охотно остаются работать, — говорил нам преподаватель Василий Прокофьевич Закурдаев. — Мы им хорошие профессии даем — водителей, трактористов, комбайнеров. Машины у нас первоклассные, автобаза отличная. Девочек пока еще на фермах маловато, хотя они-то как раз нам и нужны. Как этому помочь? И зарплата у доярок высокая сейчас, и работа по сменам — не больше семи часов. Развлечений тоже хватает...

— Для вас, Василий Прокофьевич, может, все и хорошо, — вмешалась решительная девочка. — А я пошла бы дояркой работать, если бы уборку навоза полностью механизировали. Ведь это можно и у нас сделать — я такую ферму недалеко видела, в Можайске. И еще я читала о ребятах, которые после школы всем классом остались в своем совхозе! Вот бы и нам так! Потом можно и в институт поступить, а на ферме рядом со своими веселее работать.

— А я бы и так осталась, — прозвучал негромкий голос. — Мама на ферме долго работала, и я с пятого класса ей помогаю. Привыкла уже.

Вот, оказывается, какая еще забота у хозяйства — больше молодежи привлечь к общему делу, создать такие условия, чтобы молодым было интересно и почетно работать на родном заводе.

А будущее знаменитого хозяйства зависит и от того, пойдут ли Катя и ее подруги работать на фермы...

А. АРХАРОВА,
Л. МАКАРОВА.

Рисунки Д. БАРАБАША.

Как всегда, в конце учебного года «Переменка» подводит итоги конкурса «Невыдуманные диалоги». Жюри конкурса в составе: режиссер Ролан Быков, артист Андрей Миронов, писатели Григорий Горин, Александр Курляндский, Эдуард Успенский — определило имена победителей.

Вот они:

Галя ПОЗДЕЕВА, пос. Жукатау, Челябинская область.

Лена ДЕРЕВЯНКИНА, село Новопетровка, Амурская область.

Лариса НЕКИПЕЛОВА, пос. Огоджа, Амурская область.

Алла и Жанна ПЛАСТИНИНЫ, г. Ярославль.

Олег УМИРОВ, г. Чарджоу, Туркменская ССР.

Вместе с членами жюри «Переменка» сердечно поздравляет победителей конкурса и благодарит за участие в конкурсе всех ребят!

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. К какому виду растений относится дикая редька?

Ученица. К дикому.

И. Пелагина,
пос. Жирнов,
Ростовская область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Кто такой Емельян Пугачев?

Ученик. Емельян Пугачев назвал себя сыном Михайло Ломоносова.

Игорь Гнездилов,
Алтайский край.

* * *

Учительница. Что ты знаешь о Древнем Риме?

Ученица. В Древнем Риме римляне одевались, только когда уходили на войну.

Илья П.,
г. Ленинград.

* * *

Учительница. Что такое сфинкс?

Ученица. Это столица Древнего Египта.

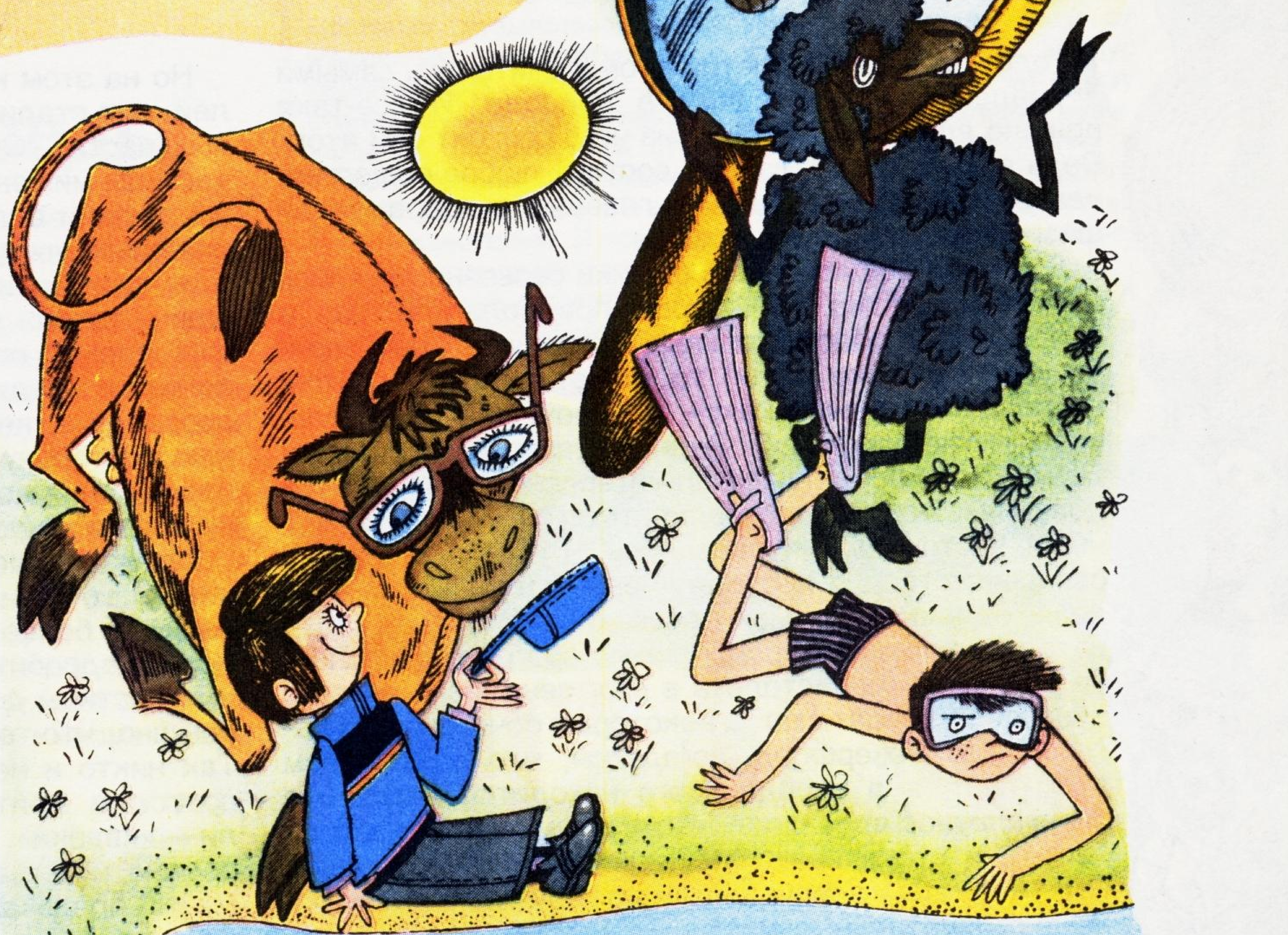
Евгений Николаев,
г. Томск.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Назови какое-нибудь маленькое животное...

Ученица. Комар.

Марина Шадина,
Красноярский край.



Из школьных сочинений

«Вот проехал автобус, увозя за собой пассажиров».

«Она одевалась со всех ног».

«За ним бежал зверь, который стоял и злобно смотрел на Петра».

«Мальчик боялся глубины и поэтому плавал на берегу».

«Собака бежала вприпрыжку, обгоняя зайца с севера и юга».

«Гринев хочет заслужить Машу честным путем, а Швабрин нечестным».

«Один овец поднял голову и хотел что-то сказать».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Раздел ведет В. НИКИТИНА

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

МАТРЕШКИ МИКРОМИРА

Более двух тысячелетий атомы считались самыми маленькими частицами в природе. И все-таки пришло время выяснить, а из чего состоит сам атом. Ведь вопрос о том, из чего состоит любое вещество, как оно устроено, один из главных в современной физике да и в науке вообще.

В конце прошлого века физики серьезно занялись изучением атома. Некоторые предполагали: раз в природе есть положительные и отрицательные заряды (а об этом уже знали), то, может быть, атом похож на положительный «кекс», начиненный отрицательными «изюминками»? Великий английский физик Эрнст Резерфорд придумал интересный метод исследования. Он стал обстреливать атомы положительными частичками, и оказалось, что тысячи частиц беспрепятственно проходят через атомы насквозь и лишь единицы из тысяч отскакивают назад, будто наталкиваясь на непреодолимую преграду. Ну, словно стреляют из пистолета в стог сена: большинство пуль пронизывает стог, а некоторые почему-то отбрасываются. Резерфорд догадался, что в основном атом пуст, а в середине его находится массивное сверхплотное ядро с положительным зарядом, вот от него-то и отскакивают частички-пули. Вокруг ядра, как планеты вокруг Солнца, крутятся электроны — отрицательные частицы.

Через десять лет исследований физики установили, что в ядре есть частицы, заряженные положительно, и частицы нейтральные, не имеющие заряда. Положительные частицы назвали протонами — от греческого слова «первый», а нейтральные частицы — нейтронами. Нейтроны, протоны, электроны стали называть элементарными частицами, потому что тогда казалось, что нет ничего проще этих частиц.

Но на этом не унялось любопытство исследователей, они стали изучать устройство самих элементарных частиц. Опять тем же способом: обстреливали частицы-мишени частицами-пулями. Вы спросите, как же физики видели эти элементарные частицы, если их нельзя увидеть даже в самый сильный микроскоп. Для этого придумали несколько хитрых способов. Один такой: ставят на пути частиц толстенную фотопленку, покрытую фотоэмульсией. После проявления на ней виден след движения частиц. Так можно проследить, как «пуля» налетела на «мишень» и в какую сторону отскочила после столкновения. Эти наблюдения могут многое рассказать опытному физику о самих частицах.

При стрельбе по частицам бывало, что пули отскакивали от мишени, будто натыкались в них на какие-то более мелкие детали. Но если атомы удавалось раздробить на составные части, то элементарные частицы делиться не хотели. Как в погремушке: слышно, что-то в ней гремит, а что, увидеть нельзя. Так никто и не увидел частиц, из которых состоит протон и нейтрон, но название им все-таки дали — «кварки». «Кварк» — так кричали птицы в одном романе, который любил перечитывать физик М. Гелл-Манн, предсказавший в 1964 году существование кварков.

Итак, сегодня ученые не сомневаются, что вещество состоит из атомов, атомы — из ядра и электронов, вращающихся вокруг него, ядро — из частиц, протонов и нейтронов, а частицы — из кварков. (Электрон не удалось пока разложить на более мелкие части.) Физики будто разбирают матрешку, извлекая из одной куклы другую: изучая устройство вещества, они открывают все новые его составные части.

Мы здесь упомянули лишь о протоне и нейтроне, а всего сегодня известно более трех сотен элементарных частиц. У них разные массы, заряды и прочие свойства. Все это многообразное семейство называют в науке микромиром. И оказывается, что построить его можно всего лишь из шести деталей-кварков.

Представьте, что у вас есть шесть кубиков: плоский, квадратный, вытянутый, ну и еще какие-нибудь.

Вы собираете из них домики, прикладывая один кубик к другому. Сколько разных домиков у вас получится, сразу и не сосчитаешь. Так и физики, мысленно комбинируя кварки друг с другом то так, то эдак, слепили из них все известные элементарные частицы со всеми их свойствами. Для удобства можно было бы просто пронумеровать кварки цифрами от одного до шести, но физики — народ с выдумкой и назвали кварки так: «верхний», «нижний», «странный», «очарованный», «красивый» и «истинный». Кроме того, чтобы отличить кварки один от другого, их еще и покрасили — в красный, синий и желтый цвета, хотя на самом деле говорить об окраске элементарных частиц, конечно, бессмысленно, очень уж они маленькие и их никто не видел.

Ну и что, спросите вы, успокоились, наконец, ученые, добравшись до самой маленькой частицы материи? Нет, конечно. Уже находятся смельчаки, которые пытаются заглянуть внутрь самой маленькой матрешки микромира. А вдруг и там есть что-нибудь?

А. СЕМЕНОВ

Зачем и почему?

СПИЧКА И СКРИПКА

«Почему спичка, когда горит, изгибается в разные стороны?»

Ирина Корта, г. Днепропетровск.

Изгибаются, когда горят, не только спички, но и бумажки, листья, прутья. Толстые поленья в огне потрескивают и лопаются. Потому-то так весело смотреть на огонь: и сам он пляшет, как живой, и мертвое топливо оживляет.

Горящие поленья потрескивают, потому что оставшаяся в них влага закипает и пар разрывает древесину. Иногда очень сырые поленья прямо-таки взрываются, выбрасывая из печки на пол раскаленные уголья. Но почему корчатся в огне сухие и тонкие листья, прутики, спички?

Дело в том, что совершенно сухой древесины не бывает. Не бывает древесина и однородной: в ней встречаются большие и малые сучки, волокна имеют разную толщину. И когда в огне древесина сохнет, прежде чем вспыхнуть, волокна обезвоживаются с разной скоростью и с разной скоростью изменяют свою длину и толщину. Вот спичка и изгибается в разные стороны.

Это свойство древесины доставляет немало хлопот мастерам музыкальных инструментов. Скажем, если от изменения температуры или влажности воздуха корпус скрипки хоть немного деформируется, инструмент сразу станет звучать фальшиво. Поэтому для изготовления музыкальных инструментов стараются выбирать древесину с самыми тонкими и ровными волокнами. Тщательно и долго (порой годами) сушат ее и, наконец, пропитывают водостойкими веществами. И то готовую скрипку приходится оберегать от изменений температуры и влажности.

Но скрипки служат долго, порой десятки и сотни лет. А спичка что? Чиркнул ею о коробок, зажег плиту — и выбросил...

М. БАТАРЦЕВ

Самый-самый!

ПТИЧЬИ РЕКОРДЫ

Из всех птиц, живущих сейчас на Земле, самые большие — страусы: ростом они до двух с половиной метров, а весят больше центнера. Еще крупнее были их вымершие родичи — австралийские птицы моа. Рост — четыре метра, вес — до 300 килограммов.

Но моа, как и страусы, летать не умели. Летающие птицы всегда были меньше. Среди них чемпион — альбатрос с размахом крыльев до 4,5 метра.

Рекорд по дальности беспосадочных перелетов принадлежит куличкам-ржанкам. Направляясь на зимовку с Алеутских островов на Гавайи, они пролетают над Тихим океаном больше четырех тысяч километров, и на всем этом пути нет ни одного островка, где они могли бы присесть и передохнуть. Занимает такой перелет двое-трое суток, и средняя скорость получается не меньше шестидесяти километров в час, как у автомобиля.

А. ДМИТРИЕВ

Знаешь?

Вселенная не только расширяется, но еще и вращается, делая один полный оборот за 60 тысяч миллиардов лет.

* * *

На ступне человека обнаружены четыре точки, чувствительные к действию магнитного поля.

* * *

Четыре миллиарда лет назад на Венере существовали обширные моря.

КТО ЧТО ИЗОБРЕЛ

Когда часы не умели тикать...

Не так уж давно это произошло, тысячи лет еще нет... В один прекрасный день 996 года жители немецкого городка Магдебурга увидели на башне круг, разделенный на 24 части, а на нем одну-единственную стрелку, которая непостижимым образом показывала время.

Люди X века охотно верили в чудеса, боялись ведьм и дурного глаза, так что колдун, подчинивший себе божье время, запросто мог угодить под стражу как пособник дьявола. Однако тот, кто построил первые в Европе (а может быть, и в мире) часы со стрелкой, стоял выше подозрений, потому что сам был архиепископом. К тому же Герберт из Аурилака был еще и учителем, наставником и ближайшим советником юного императора Оттона III.

В средние века редко случалось, чтобы всемирная слава доставалась сыну обыкновенного крестьянина. Но с Гербертом получилось именно так. Француз родом из Оверни, он с детства тянулся к грамоте. Грамотных людей в тогдашней Западной Европе насчитывалось от силы несколько тысяч, и почти все они были священниками или монахами. Вот и пошел Герберт в монахи. Выучился грамоте, превзошел все нехитрые науки, которые тогда знали европейцы. А потом сумел устроить так, чтобы послали его учиться к врагам христианства — арабам. Ведь в христианской Европе еще не было ни одного университета, а в Испании, которой владели арабы, были. Многому выучился Герберт у иноверцев, научился их уважать и сам стал за свои таланты человеком почитаемым.

Вернувшись в Европу, Герберт оказался самым просвещенным ее жителем, знатоком всех наук.

И немудрено, что столь искушенного монаха пригласили в учителя к мальчику Оттону, который рано осиротел и с трехлетнего возраста носил громкий титул императора...

Ну, а теперь о часах. Устройства для измерения времени были, конечно, известны задолго до Герберта. Еще древние египтяне и римляне знали часы солнечные, часы водяные, а также огненные и песочные. Все эти приборы были не так уж удобны. Солнечные работали только днем и в ясную погоду, а песочные умели лишь отмерять какой-то отрезок времени, но не могли ответить на привычный для нас вопрос: «Который час?»

Герберт, как рассказывают, начал с того, что пытался усовершенствовать древнегреческие водяные часы — клепсидры, в которых равномерно вытекающая из сосуда вода вращала указатель, отсчитывающий время. А потом, видимо, сообразил, что связываться с водой вовсе не обязательно. Ведь груз, подвешенный на веревке, тоже может опускаться медленно и равномерно. Ну, а вращение указателю — стрелке — можно передавать с помощью колес с зубчиками, делать их тогда уже умели. Так и устроил он свои громадные башенные часы. Веревку с гирей на конце наматывали на вал, потом гиря опускалась, потихоньку вращая через зубчатую передачу часовую стрелку. Минутной, а тем более секундной еще не было и в помине. Куда спешить? На дворе — не забывайте — X век!

Часы Герберта еще не умели тикать. Ведь привычное для нас «тик-так» — это звук качающегося маятника, призванного регулировать равномерность опускания гири или раскручивания пружины. А маятник появился в часах лишь с XVII века. И еще одна особенность была у первых часов: около них приходилось постоянно дежурить слуге, который «заводил» их, едва веревка раскрутится.

Часы не были единственным подарком, который преподнес своим современникам Герберт из Аурилака. Именно он начал приучать европейцев к десятичной системе счета (до того французы или германцы считали так же, как это иногда до сих пор делают на деревенских базарах, — на пятки или на дюжины); он же то ли изобрел, то ли привез с Востока первую «счетную машину» — абак, дальний предок тех картонок с прорезями, по которым теперь учатся считать первоклассники.

Был, видимо, Герберт человеком наблюдательным и остроумным, а на окружавших его вельмож и священников — суеверных, чванливых, чуждых не то что наукам, но даже обычаю хоть изредка умываться — смотрел как на дикарей и при случае весело их дурачил.

В 999 году Герберт стал римским папой. В этот год Европа была охвачена паникой из-за предсказанного монахами «конца света». Верили, что конец наступит с новым, 1000 годом. А Герберт, надо думать, прекрасно понимал, что ничего такого страшного не случится. Конечно, стать папой он стремился всерьез, потому что поддерживал Оттона III в его хвастливых планах воскресить великую Римскую империю (мечтал, видимо, ученый о возрождении погибшей древнеримской культуры). Но не помогло ли Герберту то, что именно в 999 году мало кто рвался с ним соперничать?

Папский престол он занял под именем Сильвестра II. Пробыл на нем недолго: захворал и умер. Умер и его ученик император, не дожив до 22 лет. Но остались от великого ученого загадочные легенды да еще часы на городской башне Магдебурга.

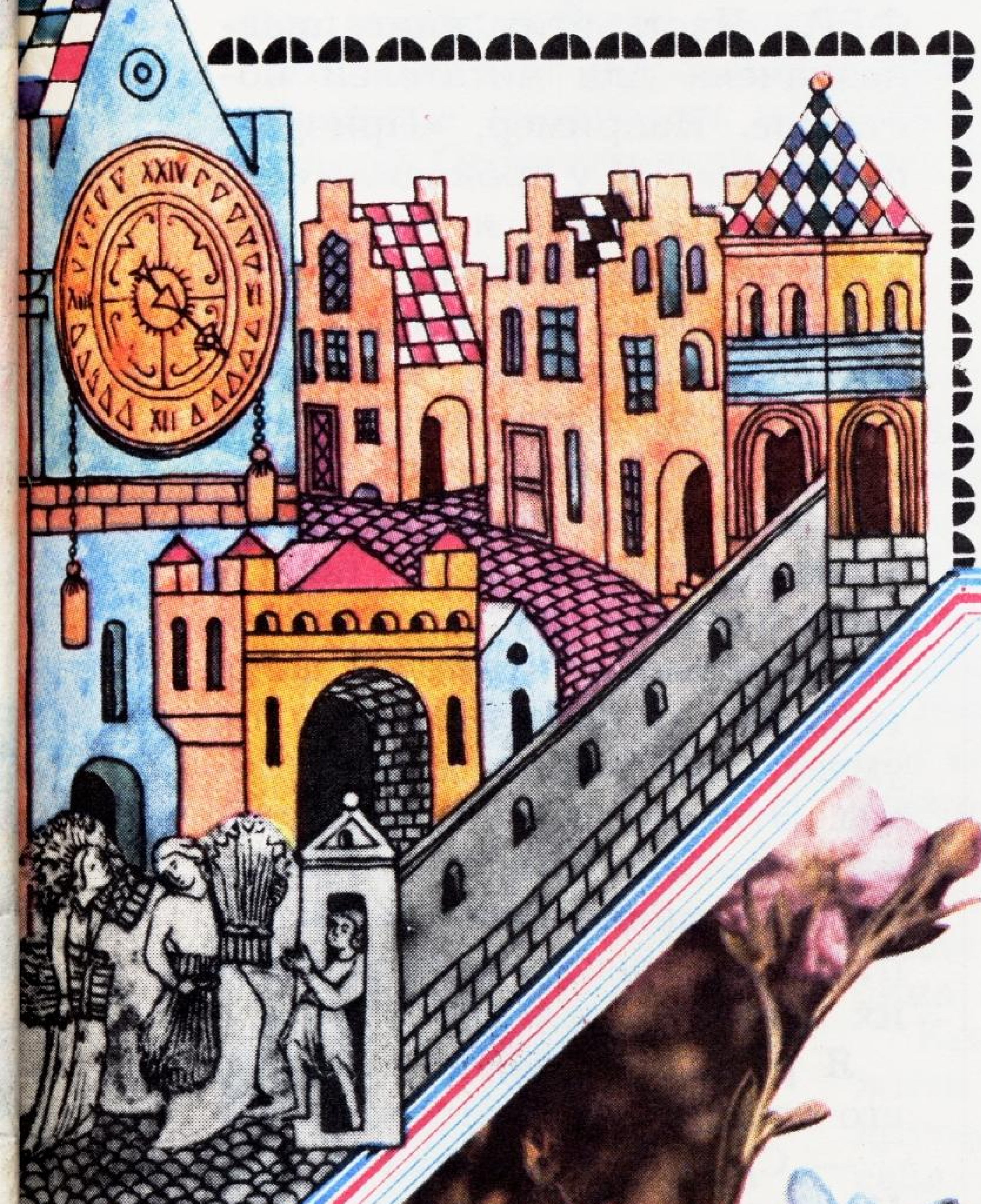
В. ИНОХОДЦЕВ.

В шутку и всерьез

ПРО «СТАИ» ТРАМВАЕВ

Кто из горожан не попадал в такую историю? Утро. Все спешат — кто на работу, кто в школу. А трамвая (или автобуса) нет и нет. Люди нервничают, смотрят на часы, на остановке собирается изрядная толпа. И наконец показывается трамвай, да не один, а сразу три или четыре.

Почему так получается? Среди пассажиров ходит анекдот о том, что на конечной остановке водители садятся играть в домино. И трогаются, мол, только закончив партию, — вот и приходится ехать компанией. Этот анекдот несправедлив. Водители — люди дисциплинированные, в маршрут отправляются по графику. В «стаю» же трамваи собираются уже в пути совершенно по другой причине.



Вы замечали: днем, когда пассажиров немного, трамваи ходят как положено. «Стаи» же возникают утром или к концу рабочего дня, когда едет сразу весь город. Понятно, в такой момент стоит любому трамваю по любой причине запоздать хоть на полминуты, на остановку набежит очень много народа. Садиться в вагон здесь уже будут дольше, чем обычно, опоздание еще немного увеличится. На следующей остановке наберется толпа еще больше. Вагон задержится, и так далее, до тех пор, пока его не нагонит следующий.

Другая картина, тоже всем знакомая. В ларьке полным-полно арбузов, но у ларька почему-то очередь. Не знаю, кто как, а я стоять в очереди ненавижу. Пока она ползет, я чувствую, что живу зря. А может быть, и вовсе не живу. Но откуда же очередь взялась, если арбузов много, на всех хватит? А вот откуда. Каждый арбуз продавец вытаскивает из кучи, взвешивает, получает деньги, отсчитывает сдачу... И выходит, что стоим мы вовсе не за арбузами, а за услугами продавца. Если бы арбузы сами скатывались по желобу, были бы заранее взвешены, не теряли бы время десятки людей.

Ну, а теперь посмотрим на эту арбузную историю по-другому. Физик сказал бы, что нечто похожее происходит, когда вы наливаете в ведро воду из крана. Сколько бы ее там ни было, в баке или в водопроводе, скорость наполнения ведра определяется тем, сильно или слабо открыт кран, узкое место всей системы, состоящей из бака, крана и ведра. Улавливаете? Там — арбузы, продавец, покупатель, здесь — бак, кран, ведро. И химик припомнил бы что-то сходное. Так же и с трамваями. Медленной стадией оказывается вовсе не движение вагонов, а посадка пассажиров. Совершенно разные события — покупка арбуза, наливание воды в ведро, химическая реакция — описываются не только сходными словами, но и одинаковыми уравнениями. Применяя эти уравнения, придуманные для описания очень сложных процессов, к вещам обыденным, можно найти «узкое место», тормозящее все дело. А найдя, «расширить». Подсчитать, сколько трамваев надо выпускать на линию, чтобы пассажиры не томились на остановке; сколько нужно ларьков с арбузами, чтобы нам не скучать в очереди; сколько воды подавать в водопровод, чтобы ее хватило, когда мы утром все бросаемся умываться.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

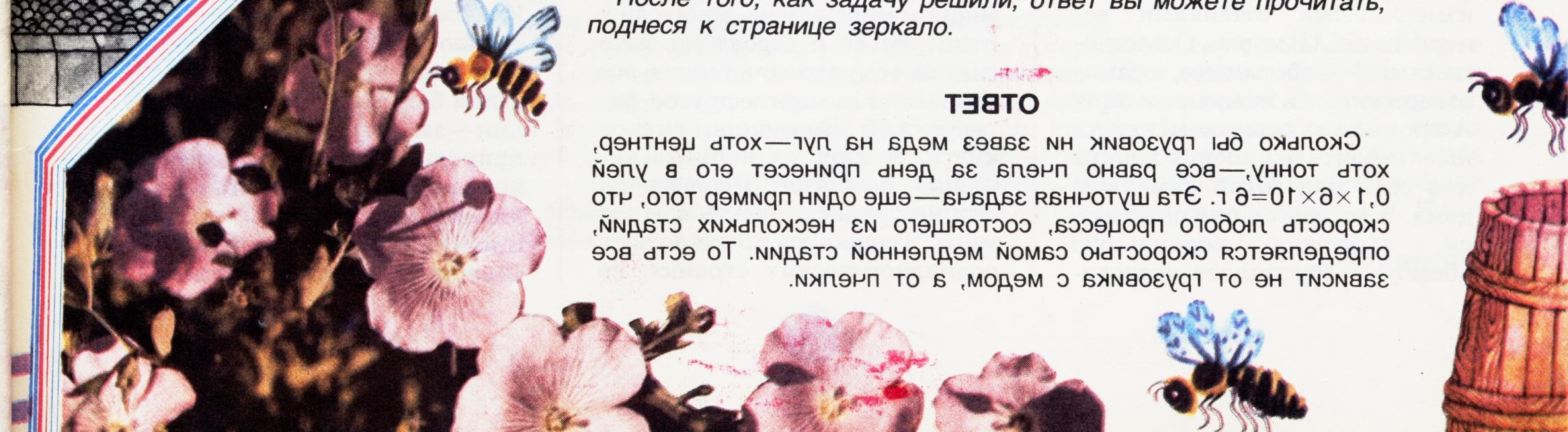
Пчела и мед

Пчела, летая на луг, каждые 10 минут приносит в улей 0,1 г меда. Работает пчела 10 часов в день. Сколько добычи она может натаскать в тот день, когда на луг приехал грузовик и оставил бочку с центнером меда?

После того, как задачу решили, ответ вы можете прочитать, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Сколько бы грузовик ни завез меда на луг — хоть центнер, хоть тонну, — все равно пчела за день принесет его в улей $0,1 \times 6 \times 10 = 6$ г. Эта шуточная задача — еще один пример того, что скорость любого процесса, состоящего из нескольких стадий, определяется скоростью самой медленной стадии. То есть все зависит не от грузовика с медом, а от пчелки.



Что нам читать?

Два миллиона чудес

В одной из своих книг писатель Игорь Акимушкин утверждает, что на свете по меньшей мере два миллиона чудес. Почему? Да потому, что на свете полтора миллиона видов животных и полмиллиона видов растений. А каждый вид — это чудо! Каждый без исключения.

Тем, кто читал книги И. Акимушкина, не надо этого доказывать. А тем, кто не успел прочитать, стоит, наверное, рассказать... ну, хотя бы об осьминоге.

Не чудо он, этот осьминог, а чудо-юдо. Как представишь, зажмуриться хочется, скажут некоторые. Но нет, осьминог красив, и глаза его так похожи на человеческие... А цвета, в которые осьминог умеет окрашиваться (он ведь способен как угодно менять свой цвет!), можно сравнить с прекрасными и изменчивыми оттенками вечернего неба и моря... Осьминоги-самки — заботливые, самоотверженные и нежные матери. А кроме того, осьминоги искусные строители, сооружающие для себя под водой каменные дома. А от врагов они спасаются, выпуская чернильную «бомбу»... Восхищает исследователей и редкостная сообразительность этих животных.

Об осьминогах и их родственниках, кальмарах и каракатицах, И. Акимушкин написал целую книгу — «Приматы моря».

Другую, не менее увлекательную книгу И. Акимушкин написал о пауках. Да-да, о пауках, которых почти никто не любит. Оказывается, мы их не любим потому, что ничего о них не знаем. А не мешало бы знать, что именно пауки защищают нас от непомерного размножения мух и комаров, что они древнейшие жители Земли. Книгу о них писатель так и назвал — «Первопоселенцы суши».

Тем, кто хочет знать, играют ли рыбы в мяч и какой попугай самый разговорчивый, пахнет ли лисица фиалками и есть ли в Черном море акулы, много ли у птиц перьев и строят ли змеи гнезда, тем, кто хочет знать все это и многое-многое другое, адресует И. Акимушкин свои книги. А книг он написал немало — пятьдесят. Переведены они на тридцать шесть языков мира, издавались почти во всех социалистических странах, во Франции, в Англии, Японии, ФРГ... Часть этих книг предназначена для читателей постарше. Например, «Причуды природы», «И у крокодила есть друзья», «Куда? и как?». И, конечно, знаменитый шеститомник «Мир животных», известный, наверное, в нашей стране всем. А книги «С утра до вечера», «С вечера до утра», «Животные морские и речные», «Чем кролик на зайца не похож» и многие другие адресованы маленьким читателям, даже тем, кто и читать-то еще не умеет, кому читают папы и мамы. Эти книги учат малышей наблюдать и удивляться, радоваться маленьким радостям птиц и зверьков и огорчаться их неприятностям...

Я расспрашивал писателя о его собственном детстве.

— Сразу, — сказал Игорь Иванович Акимушкин, — вспоминаю КЮБЗ — кружок юных биологов зоопарка. Руководителем был Петр Петрович Смолин — замечательный знаток природы. Много времени мы проводили в лесу, обычно с биноклями: узнавали по внешнему виду птиц, а потом запоминали их песни. Различали

голоса всех почти подмосковных пернатых. Наблюдали и за другими животными. Тогда же, в детстве, я полюбил лошадей и много лет потом занимался конным спортом. Что еще? Разводил собак, бывал судьей на собачьих состязаниях...

В молодости И. Акимушкин учился в университете, а потом работал в научном институте, много путешествовал. И одновременно писал книги. «Следы невиданных зверей» и «Тропою легенд» — вот первые книги И. Акимушкина. Они сразу понравились читателям. Еще бы! Ведь это были рассказы о драконах и летающих тарелках, о шестом чувстве и птицах ростом со слона, о муравьях-кочевниках и секретах кукушки...

Да, книги И. Акимушкина увлекательны. Начнешь читать с любой страницы, с любого абзаца — и не сможешь оторваться, как будто в руках у тебя не книга о природе, а захватывающий детектив. Может быть, в книгах Акимушкина это главное?

Нет, главное то, что скрыто за этой увлекательностью, притягивающей и удерживающей, как магнит. А скрыта за ней важнейшая мысль: приглядитесь, прислушайтесь — мир природы, такой многокрасочный, многозвучный, очень хрупок, уязвим, в нем нет существ, недостойных нашего внимания. Но нет (или почти нет) и существ, которые не нуждались бы в нашей заботе, в бережном отношении. Книги Игоря Акимушкина говорят: чудесный мир природы должен быть сохранен, спасен! И все его чудеса должны радовать людей и через сто лет, как радуют сейчас. Все два миллиона чудес. Все без исключения.

А. ПЛЕШАКОВ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

На могиле неизвестного солдата написали фамилию и имя. Ее открыли красные следопыты. Родные, которые много лет не знали о судьбе не вернувшегося с войны солдата, смогли поехать на его могилу. Адрес сообщили пионеры.

Нет в нашей стране дружины, где не было бы поискового отряда. А где появились первые отряды, как начиналось движение красных следопытов?

Об этом рассказывает вышедшая в Ленинграде в издательстве «Детская литература» книга очерков **«Это в сердце было моем».**

Эта книга об уникальных музеях, где хранятся собранные пионерами материалы об участниках Великой Отечественной войны. Город Ленинград, школа № 235. Здесь создан музей «Музы не молчали», рассказывающий о деятелях искусств блокадного города. Среди экспонатов музея палочка дирижера, листовка, составленная австрийским антифашистом Фрицем Фуксом, афиши выступлений. Город Сланцы и село Купянка под Воронежем, город Киркач и село Маньковка на Украине — вот лишь некоторые вехи пути гвардейского Висленского авиаполка, боевая история которого прослежена следопытами школы № 387 города Москвы.

И еще эта книга о становлении характера мальчишек и девчонок, посвятивших себя благородному поиску.

Г. ВАСИЛЬЕВА

Испытание на гордость

Кеше Казарину жилось нелегко. Во-первых, шла война и Кеше пришлось уехать далеко от родного дома, в интернат. Во-вторых, его отношения с ребятами сложились неудачно. Он был одинок и унижен.

Унижение и одиночество начались с того дня, когда Кеша вместе с Ларисой Беляковой заблудились в лесу. В тот день вредный шепелявый Гыра впервые назвал Кешку Рализой.

Наверное, если бы тогда Кешка не промолчал, не втянул голову в плечи, вся его жизнь в интернате сложилась бы по-другому. Но Кешка решил не обращать на Гыру внимания. С тех пор он ни на кого не обижался — не имел права. Он не обижался, когда видел на стенах, столах, просто на земле издевательские надписи «Кеша + Лариса = Любовь». Не обижался, когда не звали играть в футбол, когда заставляли перебираться с уютной кровати у окна в угол.

Кешку больше не уважали. И он начал понимать, как одиноко и тяжело жить человеку, потерявшему достоинство... «Зло — когда человек унижает другого, но не меньшее зло, когда человек позволяет другому унижать себя» — так пишет **Георгий Семенов** в книге **«К зиме, минуя осень».** (Она вышла в издательстве «Детская литература».)

Эту книгу читать непросто. И не из-за того, что она скучно написана или в ней рассказывается о вещах, тебе непонятных или неизвестных. Эту книгу читать непросто, потому что она не делает скидок на возраст. Если ты думал, что быть принципиальным нужно потом, когда станешь взрослым,— книга разубедит тебя. Если ты думал, что быть мужчиной и защищать слабых тебе придется когда-то в будущем,— ты поймешь, что ошибался. А если ты вообще никогда не думал о себе всерьез, то, прочитав книгу, ты задумаешься. И это главное.

А. ДРУЯНОВА

В. БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава шестая

Речка Соня

Плоскодонка виляла туда-сюда по затерявшейся среди лесов и пригорков Соне. К осени снулая эта реченька местами мелела, показывая всему миру песчаные, с краснинкой, плешины. Они были похожи на рваные, разбросанные небрежно овчинки.

По весне же светлые воды Сони расхлестывались широко, вольготно, затопляя и левобережную низину с буйно разросшимся вербовником, и молодой березняк, доверчиво сбегавший к речке с крутого увала правой стороны.

Монотонно скрипели уключины. В веслах сидел длинноносый Мишка Михляев, сын лесника—давнего приятеля Валеркиного деда. Сельские ребята звали Мишку Вихляевым за его разболтанную походку и неуживчивый характер.

Валерка с дружком своим Петькой пристроились на корме, тесно прижавшись друг к другу. Они все еще недоумевали, с чего это вдруг подобрел несносный Мишка, пригласив их в столь захватывающее путешествие по зачарованной майским солнцем кроткой Соне.

Отвертел шею Валерка, глядя то вправо, то влево. Ничего не хотелось упустить.

Всюду гомонила птичья братия.

Низко над водой носились стремительные трясогузки, в кустарнике верещали дрозды. А где-то далеко-далеко в непролазных болотистых зарослях драл глотку коростель.

Вот лодка поравнялась с сестрицей тополя—осиной. Не было в это время в лесу краше дерева. Оделась осинка в бахрому пышных сережек. Издали похорошевшее деревцо похоже было на сиреневое облако, чудом опустившееся на воду.

А березы? Окутал березы легкий зеленый дымок. Как-то в один вечер распустились крошечные клейкие листики. Вот тогда-то и появился в лесу этот—вначале неуловимо призрачный—пахучий дымок.

То и дело попадались не затопленные водой суглинисто-рыжие островки и бугорки. На одном бугре, вздыбленном лохматой папахой, прожорливая большеголовая ворона расправлялась с мышонком.

— Утки слышь как надрываются,— прошептал Петька.

— Я в сей миг могу направить корабль во-он к той заструге!—сказал Мишка.—Хотите? Там гнездо кряквы. Сам тятятка показывал. Авось и яички появились. Сойдут вместо второго завтрака!

Засопел сердито Валерка. Но сказал сдержанно:

— А тятятка за уши не отдерет тебя за такое злодейство?

— Х-ха-ха!—усмехнулся нахально Мишка.—Он не узнает!

Внезапно Валерка вскочил. Лодка резко накренилась набок. Если бы не Петька, схвативший вовремя приятеля за локоть, тот непременно ухнулся бы за борт.

— Ты, шальной!—взбеленился Мишка.

— Глядите, глядите!—Валерка выбросил вперед правую руку.—Вся речка... все берега в снегу!

Мишка сплюнул за борт.

— Ты умывался? Вернемся обратно—еще поплещись. Не снег это, а черемуховый цвет.

Смутился Валерка, осторожно опускаясь на сиденье.

Вскоре лодка поравнялась с царством буйно цветущей черемухи. В этом месте медлительную Соню теснили крутые берега. Пышные гроздья нависали над ее гладью, сплошь усеянной пронзительно белыми лепестками. Лишь за кормой тянулся сверкающе стеклянный след. Густым дурманящим настоем был напоен воздух.

Громко запел зяблик, словно бы приглашая ребят разделить его радость. А радовался неутомимый певец и благодатно ясному солнцу, и живительно теплому деньку.

И тотчас, будто собираясь вступить в состязание с искусным певцом, заквакали лягушки.

— Уррод! Уррод!—надрывалась одна из них. Большая, чуть ли не с чайное блюдце, вся в черных кляксах, должно быть, самая старая в речной пойме, она вольготно восседала на сыром пеньке, пыжась и раздуваясь от чванства.

Ей вторила другая лягушка:

— Сама как-кова? Сама как-кова?

— Подавитесь, кикиморы!—Мишка вскинул весло и шлепнул изо всей силы по воде.

Светлые студеные брызги гривенниками осыпали не только Валерку с Петькой, но и самого Мишку. И тот совсем вышел из себя.

— Была б моя воля, всех лягв на костре изжарил!

— Тятятка тебе не сказывал, какая от лягушек польза на земле?—снова занозисто спросил Валерка.—Они вредных букашек видимо-невидимо уничтожают.

— Тоже мне ученый-моченый! Можно подумать, это не я, а ты в седьмом учишься!—процедил сквозь зубы Михляев-Вихляев. Он собирался еще что-то сказать, да не успел.

Из прибрежного краснотала молнией выкатился бурый комок и с ходу прыгнул в проплывавшую мимо лодку.

Валерка схватил из-под ног дрожащий комочек. В тот же миг из кустов вынырнула лиса с азартно горящими раскосыми глазами. Линяла лисонька: клочьями висела на ее впалых боках такая роскошная в зимнюю пору шубка.

— Уходи!—замахнулся на облезлую кумушку Валерка.

Лиса неслышно скрылась. А перепуганного насмерть зайчонка, расстегнув куртку, Валерка сунул за пазуху.

— Покажи,—попросил Петька, ластясь к приятелю.

— Попозже... Пусть успокоится,—сказал рассудительно Валерка.—У него с перепугу душа в пятки ушла.

Валерка с дружком своим Петькой пристроились на корме, тесно прижавшись друг к другу.

Где-то неподалеку в кустах плакучей ивы безнадежно уныло простонал дрозд-холостяк: «Приюти! Приюти!»

Полчаса спустя Мишка повернул лодку обратно, опустив весла вдоль бортов. Нужды в них теперь не было, и Мишка принялся в бинокль разглядывать берега.

— У меня задание,— проговорил он, важничая.— Проследить, до какой отметки поднялась вода.

— А мы без твоего бинокля все до капельки видим! — засмеялся Петька.— Слышите, кукушка подает голос?

И сноровисто поймал пролетавшего мимо майского жука. Несильно зажал его в кулаке, поднес к уху. Жук скребся лапами, шуршал жесткими, шоколадного цвета надкрыльями.

Валерка молчал. Ему мнилось, когда плыли встречь течения, берега Сони не зеленели так сочно от упруго щетинившейся травки, как сейчас — часа два спустя. И кустики медуницы с розоватыми и синими лепестками не глазели по берегам, и колечки папоротников не тянулись торчмя к небу. Или в начале плавания Валерка просто-напросто их не приметил?

С каждым часом солнечный майский денек охорашивал добрую землю. Так раньше в народе говаривали: май лес наряжает, лето в гости ожидает!

Проплывали мимо захламленной валежником косы.

— На, подержи, да и выпустим зайку,— сказал Валерка приятелю, выуживая из-за пазухи невесомый теплый комочек.

Едва Петька протянул растопыренные пальцы, как остроухий вырвался из Валеркиных рук, прыгнул на уродливую корягу, свисавшую над водой страшным пауком-великаном.

Мишка залился смехом.

— Косой лапой на прощанье махнул!

На борт лодки опустилась синица с клочком шерсти в клюве. Она так распушилась, что сразу нельзя было понять: где у птахи голова, а где хвост?

Но вот синица вытянулась вся в струнку, оглядела мальчишек любопытными пуговками и протяжно цвинькнула. А потом вспорхнула, пролетая стремительно над головой Михляева-Вихляева, так что тот даже пригнулся.

Забыв про шустрого зайчонка, Петька с Валеркой дружно расхохотались.

— Непутевый ты герой! — протянул назидательно Петька.— Синицы испугался!

Где-то совсем-совсем рядом — не то в черемуховой благодати слева, не то в ивняке справа — рассыпались звоны-перезвоны.

Думалось: кто-то доставал со дна Сони мелкую гальку. Перебирал лениво в руке, а с нее стекали так же лениво хрустальные капельки... Вдруг ради озорства этот кто-то бросал камешки все разом в воду, и по реке проплывала переливчатая дробь.

Нечаянно подняв глаза на Михляева-Вихляева, Валерка не узнал его.

Кислое, вечно недовольное Мишкино лицо сейчас преобразилось! Напротив сидел другой мальчишка — кроткий, добрый, уступчивый.

«Если б он всегдашеньки таким был!» — мелькнуло в голове у Валерки, и он тотчас обо всем забыл — зачарованный, как и Мишка с Петькой, и лихими разбойничьими посвистами соловья, и его страстными ликующими трелями.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Снова перед тобой странички, где ты найдешь новости про птиц и зверей, рассказы об интересных событиях из жизни меньших наших братьев. Учись и ты видеть интересное в природе. Знаешь ли ты птиц, которые появились в ваших краях в эти весенние дни? Заметил ли, как ожил весной лес, кого из его обитателей тебе удалось увидеть на ближней опушке, за околицей? Узнавай имена этих птиц, зверьков, насекомых, старайся осторожно еще и еще раз увидеть их, наблюдай за их весенними повадками.

ПОД ОХРАНОЙ КРАСНОЙ КНИГИ

Амурский тигр

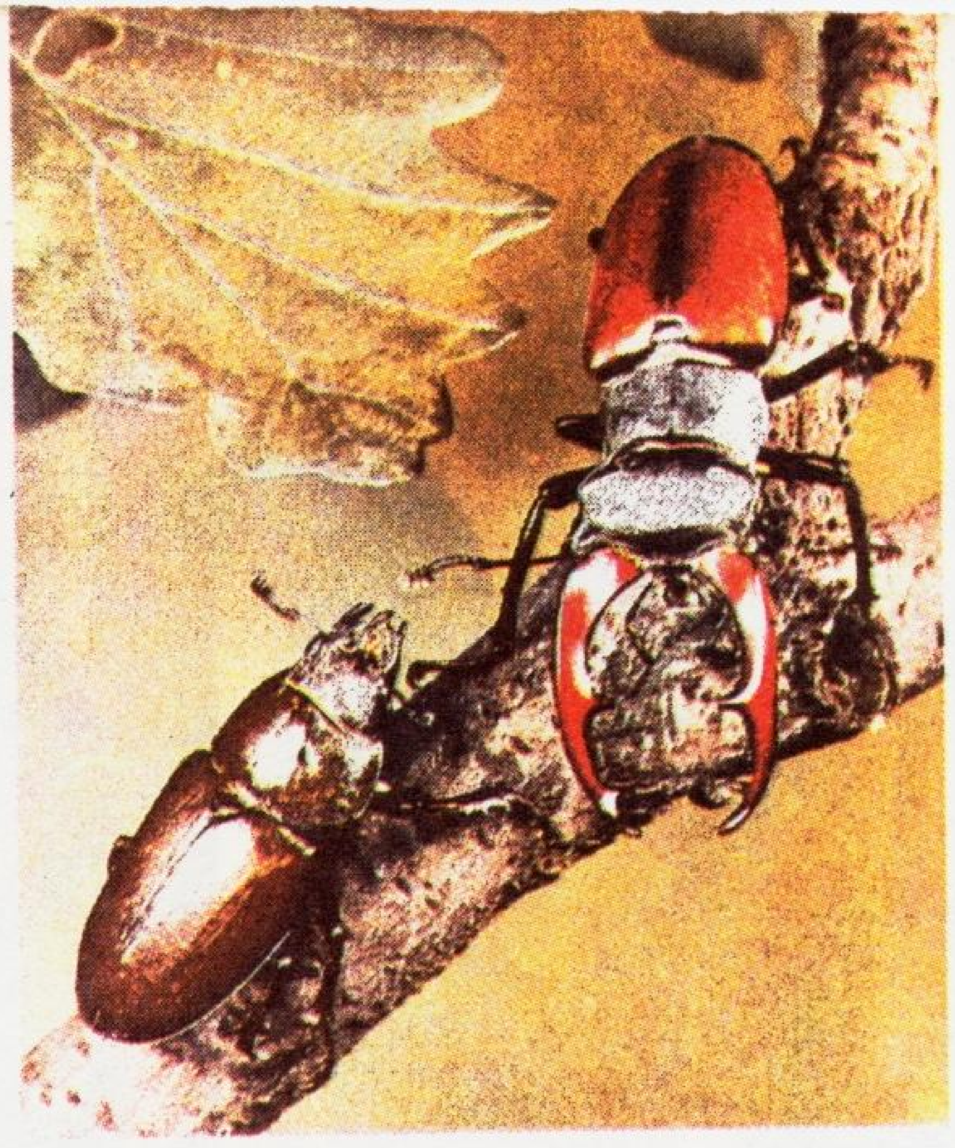
Много недобрых имен дал человек тигру: и «лютый зверь», и «разбойник», и «самый кровожадный из хищников»... Встретить тигра в дальневосточной тайге люди всегда боялись пуще огня. А вот зоологи утверждают: такие встречи в тайге бывают, и довольно часто, причем люди о них даже не подозревают.

Откуда-нибудь из густых зарослей, спрятавшись за поваленным деревом, за скалой, внимательно смотрит зверь на человека, следит за ним. Бывает, даже неслышно идет следом по тайге, но на глаза не показывается. Что это, любопытство? Возможно. Во всяком случае, сейчас, по мнению ученых, врагом своим тигр человека не считает. Не нападает на него! За длительное время не было описано ни одного такого случая (если не считать, конечно, встреч с больным или раненым зверем). Тигр не нападает на человека, даже встретившись с ним лицом к лицу. Уходит, не проявляя враждебности. Такой уж он, этот редкий и прекрасный зверь. Видно, не только осанка у него благородная, но и характер...

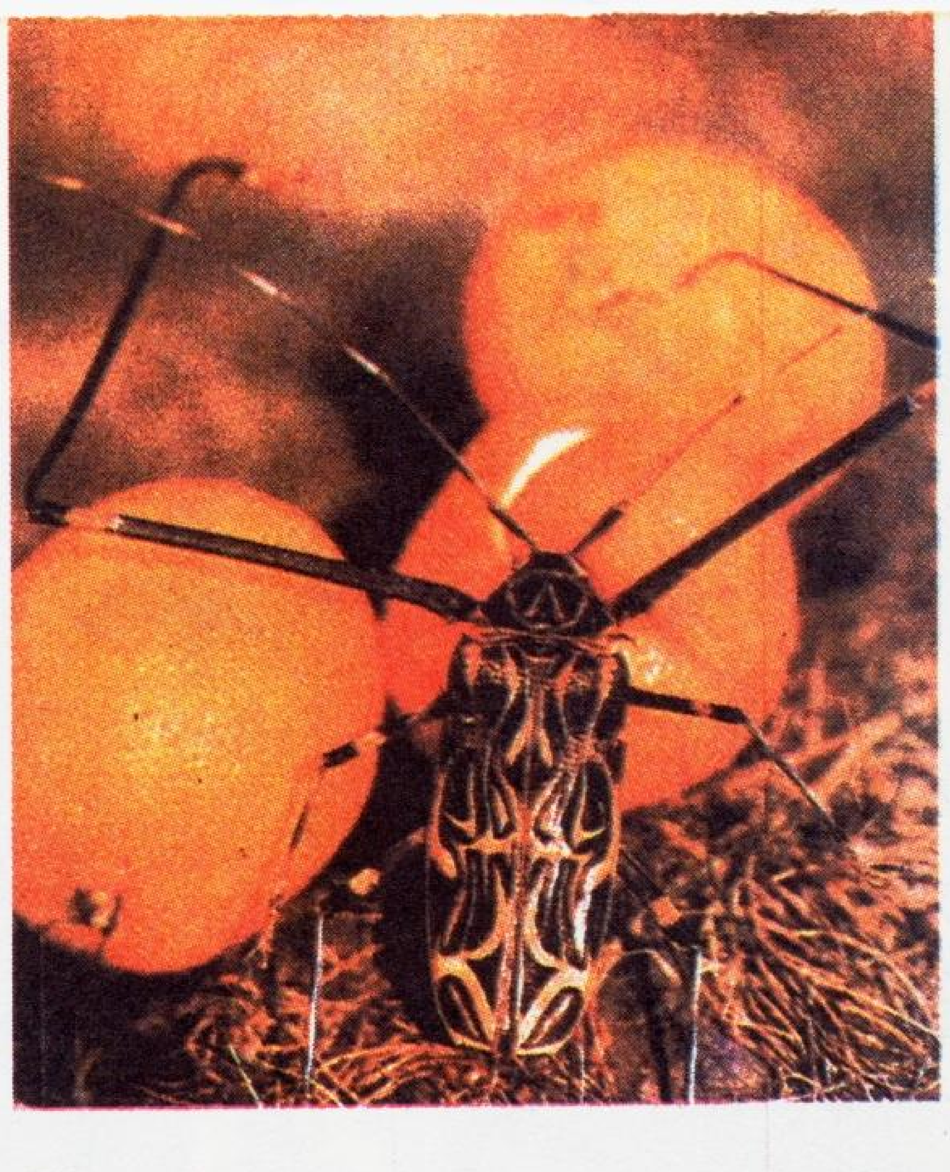
К сожалению, бывало, что люди оказывались более жестокими. Не от клыков хищника, а от руки браконьера погиб в тайге на Дальнем Востоке Лев Капланов — замечательный советский зоолог, много лет изучавший тигров. Это он первым поднял голос — еще в 30-х годах! — в защиту амурского тигра, боролся с его истреблением браконьерами. По подсчетам Капланова, тигров на Дальнем Востоке тогда оставалось всего 20 или 30...

Много сделали ученые для спасения этого зверя. На весну 1982 года у нас насчитывалось 186 амурских тигров. Много их сейчас в зоопарках мира — раз в пять больше, чем в природе. В зоопарках они и потомство приносят. Сегодня можно твердо сказать, что этот прекрасный зверь будет жить на земле!

Фотография И. БАБЫКИНА.



Парад жуков



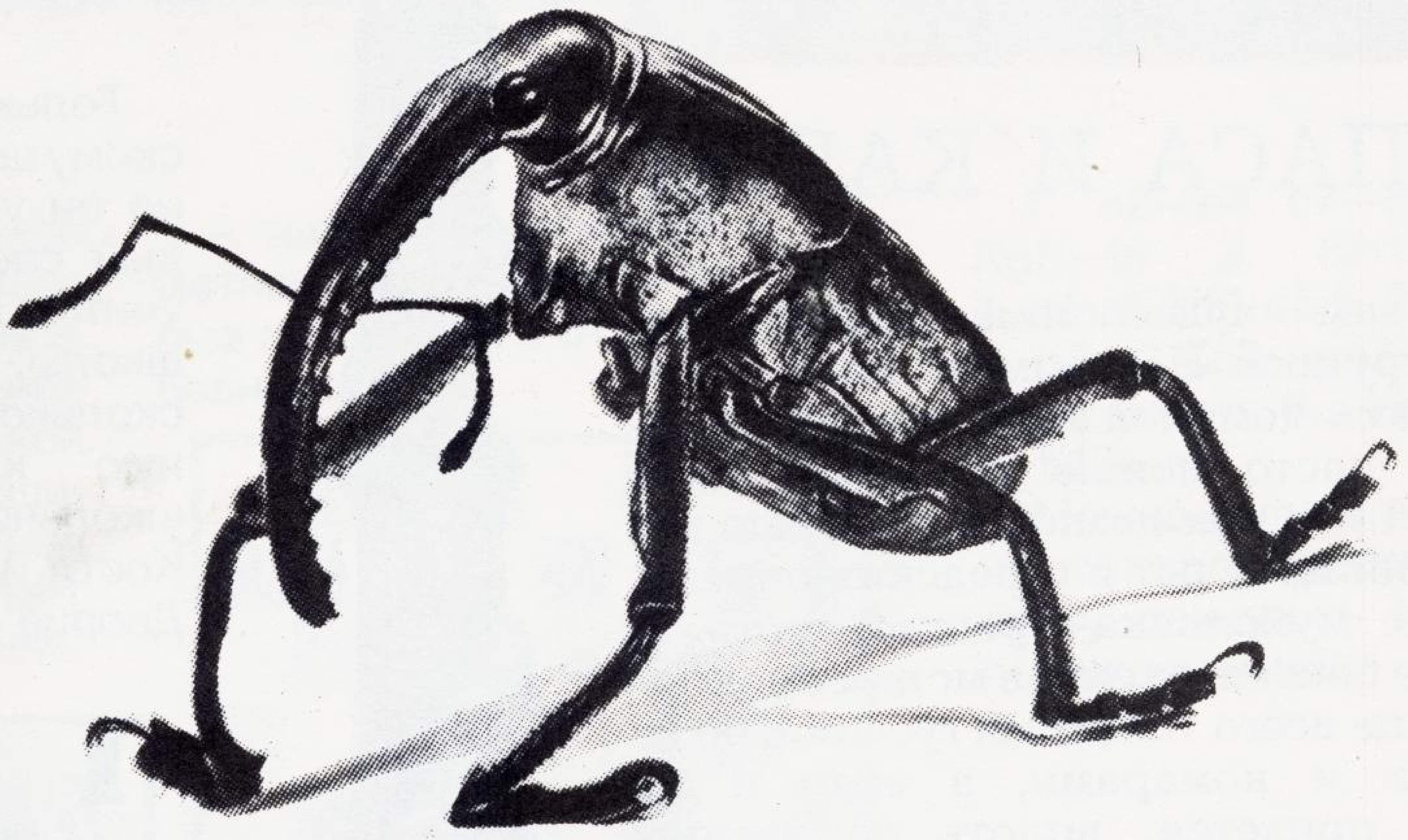
Жук-олень

Жук-арлекин

Жук-слоник

Жужелица-мантикора

Жук-голиаф



Сколько на свете зверей? Примерно 4500 видов. Кажется, что это очень много! Но птиц еще больше! Около 8600 видов!

И все же эти солидные цифры покажутся совсем скромными, если сравнить их с числом видов... жуков только в одном отряде! Да, жуков на свете больше, чем многих других живых существ,— 250 тысяч! (Конечно, мы все время говорим о числе **видов** птиц или насекомых.)

Некоторые ученые даже считают, что жуков еще больше — 300 тысяч видов! Перед тобой снимки — настоящий парад жуков. Они очень разные: самые большие еле умещаются на ладони, самые крохотные в 500 раз мельче этих великанов. Жуки на снимках такие причудливые, необычные, что кажутся игрушками, сделанными чудесным мастером. В основном большие и яркие жуки — жители тропиков. Но в нашей стране тоже есть удивительные жуки. Один из них — жук-олень.

Живет он в дубравах. Личинки, похожие на толстых белых червяков, развиваются в гниющей древесине. А сами жуки, как и многие другие насекомые, питаются соком, который течет из трещин и ранок на стволах деревьев.

Жуки-олени сказочно красивы, без них обеднеют наши старые дубравы...

Красивые жуки во многих странах охраняются законом, из-за коллекционеров они давно уже стали редкими. Наш шестиногий олень внесен в Красную книгу СССР. Этих жуков становится все меньше еще и потому, что из-за вырубок сокращается площадь дубрав...

Запомните это и не ловите жука, если встретите. Попытайтесь рассмотреть его получше. Какие у него рога! Как у настоящего оленя.

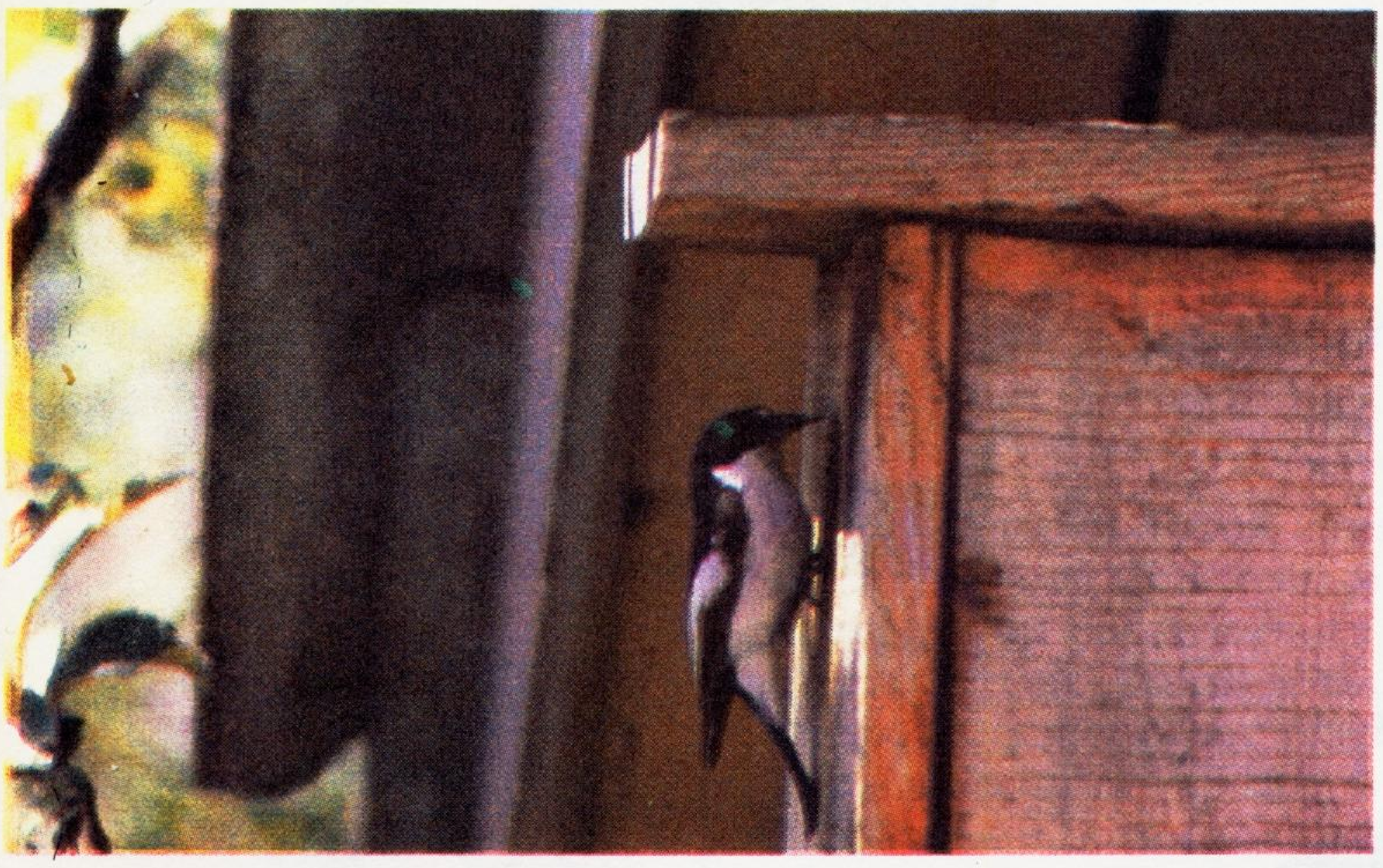
ОТГАДАЙ-КА

БАБОЧКИ-ПОДСНЕЖНИКИ

Весной эта бабочка появляется очень рано. Еще снег не везде сошел, а она уже порхает вдоль лесных опушек, в парках над дорожками.

Откуда она взялась в такую рань? Как ее имя? Если вы ее встречали, то где, когда? Каких еще бабочек вы видели в первые весенние дни?

Фотография Ю. АРАКЧЕЕВА.



БЕЗ КОМПАСА И КАРТЫ

Хочу рассказать вам о чудесной маленькой птичке, мухоловке-пеструшке. Недаром ей дали такое имя — она прямо-таки чемпион по поеданию насекомых. В лесу ее часто можно увидеть — очень любит она селиться и в тех домиках, которые мы развешиваем для синиц. А вот в городских парках, в садах, на огороде мухоловка — редкий гость. А жаль! Людей она не боится, птенцов может прокормить и в городе: чаще всего тащит им гусениц, но не брезгует и мухами и комарами, а если и их нет — кормит, чем придется, вплоть до лесных клопов и жуков, считающихся ядовитыми.

Чтобы помочь мухоловкам обжить парк или садовый участок, сделайте им гнездовье. Очень важны размеры домика (дно — 10×10 сантиметров, расстояние от низа летка до дна — 10—12 сантиметров, общая высота домика 20 сантиметров).

Расстояние между домиками в парке не меньше 25—30 метров. Чтобы воробьи не захватили домики раньше мухоловки, сделайте леток не больше 30 миллиметров. Воробей крупней и в такой леток не протиснется.

Гнездятся пеструшки поздно, даже в мае еще заселяют гнездовья. А улетают на юг рано, к концу лета.

Поздней осенью встречали окольцованных мухоловок в Испании. Оказалось, у них сложный маршрут. Они пересекают Гибралтарский пролив, летят вдоль берегов Африки, в районе Гвинейского залива поворачивают на восток, а достигнув Нила,— на север. Затем они огибают Средиземное море с востока и через Турцию и Балканский полуостров возвращаются домой. За десять месяцев пеструшки пролетают над тремя континентами, видят под крылом более тридцати государств мира.

Проследите по карте их путь, и вы проникнитесь уважением к маленькому черно-белому, сорочьей окраски путешественнику. Ведь это настоящее чудо — он вернулся к прошлогоднему своему синичнику, облетев полмира без компаса и карты, нашел его и вот уже распевает, призывая самочку, свою негромкую, приятную песенку: «Три-три-три-крути-крути» или «три-три-три-четыре-четыре», кому как слышится.

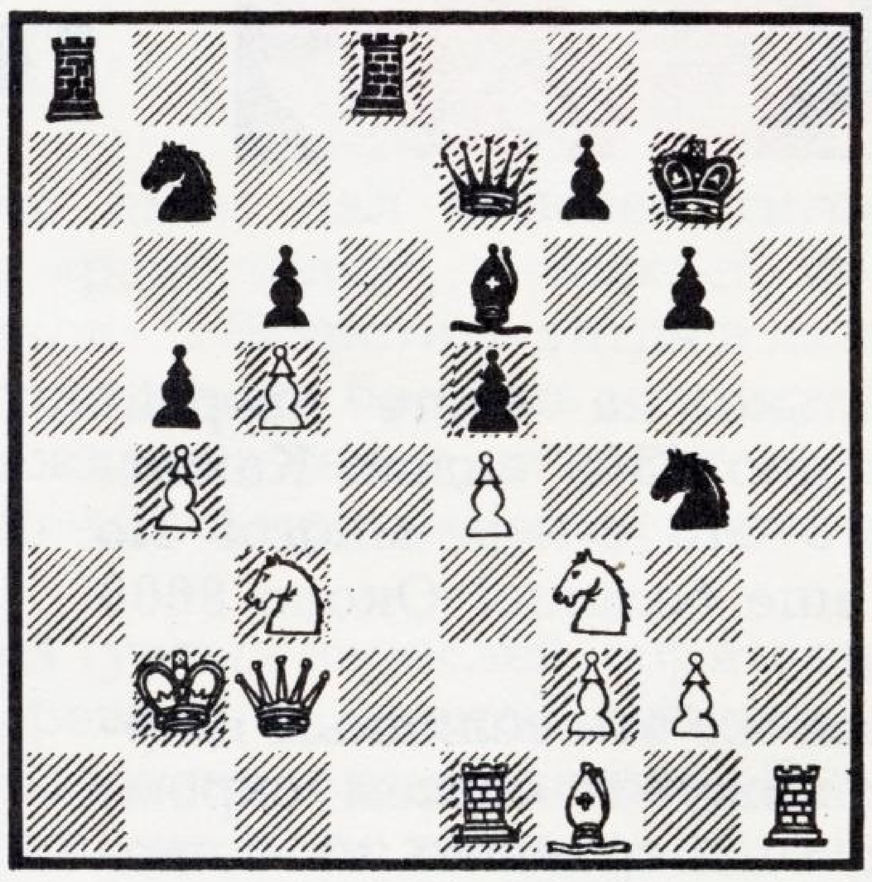
К. БЛАГОСКЛОНОВ.

Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант — доктор биологических наук профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

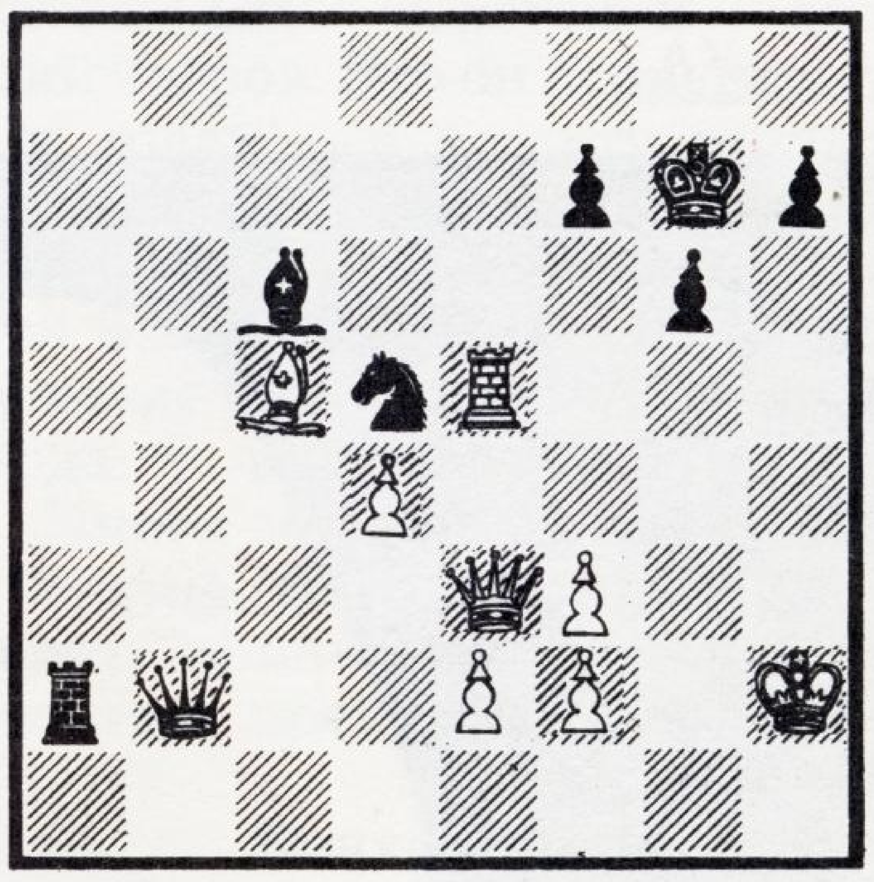
Из творчества юных шахматистов

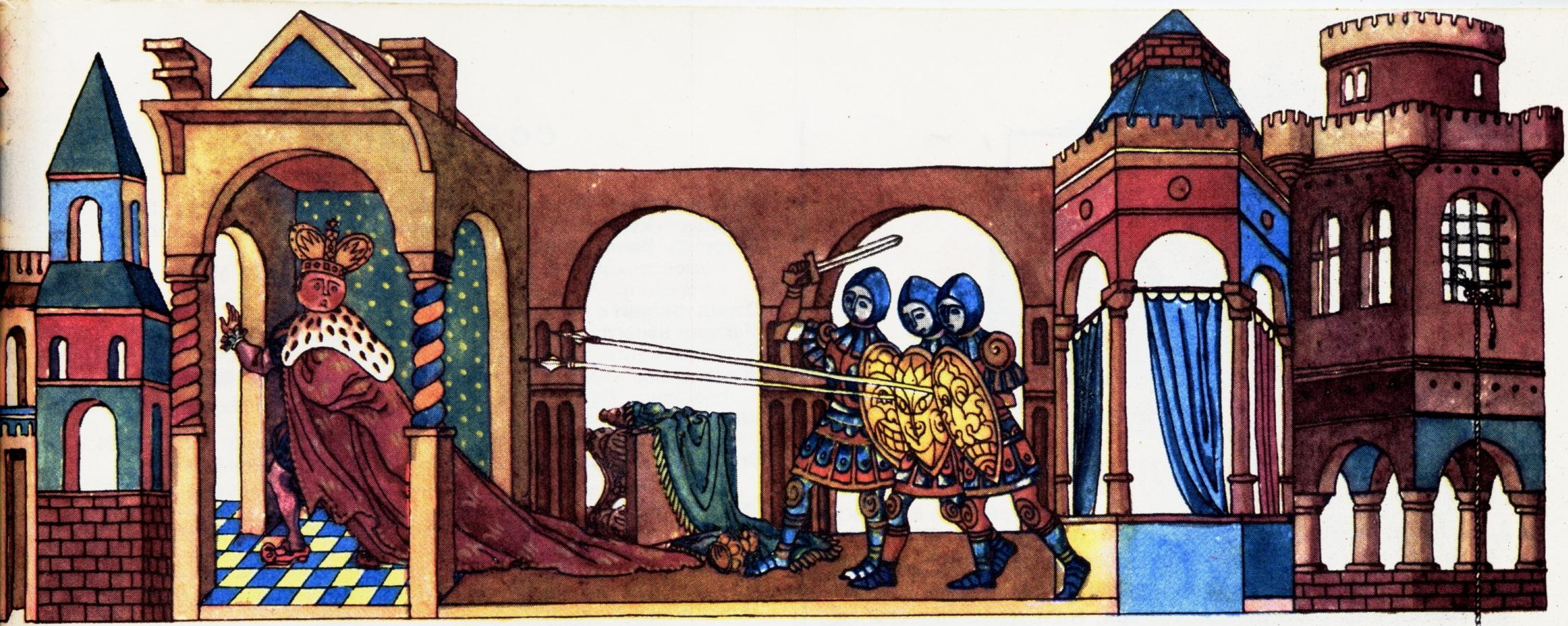
Только восемь лет ленинградскому школьнику Косте Сакаеву, но он уже сумел получить первый спортивный разряд. Костя учится во втором классе 236-й школы. Юный шахматист несколько раз выступал за сборную команду ленинградских школьников. Шахматную теорию Костя изучает в Ленинградском Дворце пионеров.



К этой позиции пришла партия **Кости Сакаева,** игравшего черными с шахматистом первого разряда Сапожниковым. Костя смелой комбинацией завершил атаку:

23... Лd8—d4! 24. Кс3—d5 (Или 24. К:d4 ed, и конь с3 не может отступать из-за шаха на а2) 24... Сe6:d5! 25. e4:d5 Лd4:b4+ 26. Крb2—c1 Кb7:c5. Белые сдались. Атака черных неотразима.





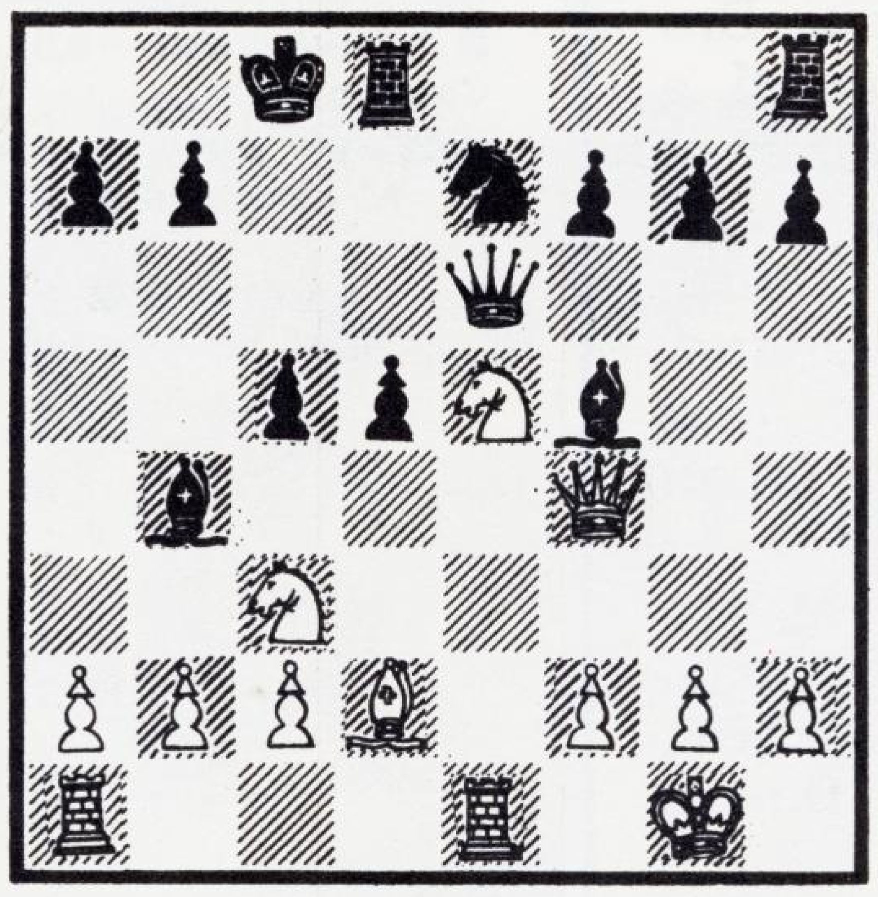
Эту позицию из сыгранной партии прислал ученик пятого класса **Вадим Емельянов** (г. Белгород). У черных лишняя фигура, но они увлеклись атакой и оставили без надежной защиты своего короля. Вадим нашел отличную комбинацию и дал мат в три хода королю противника. Каким образом?

Верно говорят: смелость города берет! Костя Сакаев учится во втором классе 236-й ленинградской школы, но он уже опытный шахматный полководец.

На приз газеты «Комсомольская правда»

Десятки тысяч ребят привлекают соревнования команд Дворцов пионеров, оспаривающих почетный приз газеты «Комсомольская правда». По всей стране проходили отборочные матчи этих команд, а в марте в столице Литовской ССР Вильнюсе разыгрывались финальные поединки. О них мы расскажем в следующих номерах журнала.

А теперь два примера из шахматного творчества ребят, которые выступали в отборочных соревнованиях.



К этому положению пришла партия между **Наташей Харамзиной,** ученицей четвертого класса школы № 4 г. Салехарда, и **Юлей Мельниковой** из Петропавловска-на-Камчатке.

Юля сделала естественный, но ошибочный ход 15... Ке7—g6? (необходимо было 15... Фf6), и это привело к быстрому разгрому.

16. Ke5:g6 Фe6:g6 17. Kc3—b5! Фg6—b6 (не спасает и 17... Лd7 18. K:a7+ и 19. Фb8—мат) 18. Фf4:f5+, и через несколько ходов черные сдались.

О том, как опасно делать естественные, казалось бы, сами собой разумеющиеся ходы, говорит и следующая партия, сыгранная в матче команд Дворцов пионеров г. Читы и г. Барнаула.

Сицилианская защита

Белые — **Миша Панько** (Чита), черные — **Дима Тимофеев** (Барнаул).

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 Kg8—f6 3. Kb1—c3 d7—d5 4. e4:d5 Kf6:d5 5. Cf1—c4 Kd5:c3 6. b2:c3 Cc8—g4? (черным надо было играть 6... Кс6 или 6... e6) 7. Kf3—e5!

Можно было и взять пешку f7, но этот ход еще сильнее. Черным сразу пришлось признать себя побежденными.

Только одна задача

Да, только одна занятная задача входит в наш конкурс решений. Пятнадцать победителей получат сборник шахматных правил. В нем рассказано еще и о том, как надо проводить соревнования на получение спортивного разряда.

В этой задаче король, ладья белых и шесть пешек атакуют черного короля. Они начинают игру и дают мат в восемь ходов.

Решения задачи отправляйте не позднее чем через месяц после того, как вы получите журнал.

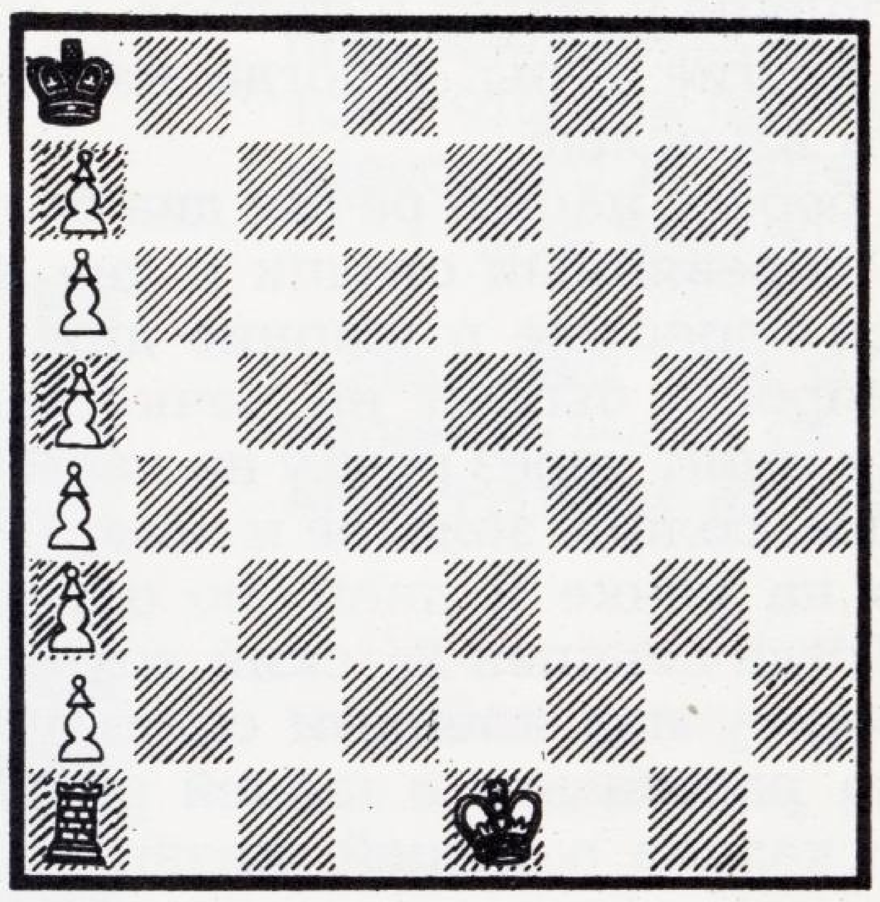


Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Как жили партизаны

Наша учительница пришла в класс и сказала: «Сегодня мы поедем в катакомбы за город. Там в годы войны скрывались партизаны».

Когда мы сошли с автобуса, нам дали свечки, и мы пошли в катакомбы. Свечки нам дали для того, чтобы мы почувствовали, как тут, под землей, жили люди.

Сначала мы увидели рисунки и надписи: «Кровь за кровь», «Умрем, но не сдадимся». «Товарищи,— писал кто-то,— когда я умру, вы отомстите за меня. Смерть фашистским захватчикам!»

Потом экскурсовод показала колодец связи. Его использовали так: фашисты стояли у катакомб, а какая-нибудь старушка приходила к колодцу с ведрами за водой. Одно из ведер с двойным дном. Вот и передавали письма и задания партизанам.

Были в катакомбах солдатская кухня, тир, баня. А в конце экскурсии, перед самым выходом, мы увидели школу для ребят. Вместо парт у них были большие камни.

Мы приехали домой и много думали над тем, что увидели. Непросто давалась нашему народу Победа.

Юра ПОЛАТОВ,
г. Одесса.

Наша речка

Наша речка, как и городок, называется Хоби. Речка небольшая. Ее нельзя сравнить с Днепром или Волгой, но в ней очень хорошо купаться, загорать и отдыхать. Свое начало она берет в горах и впадает в Черное море.

Мой дом стоит на берегу этой речки, да так близко, что достаточно перепрыгнуть через забор — и сразу очутишься на ее берегу.

У нас часто летом идут дожди, иногда они длятся неделями. Тогда вода в нашей речке поднимается и затопляет поляну и некоторые дворы. После дождей вода уходит, а на речке образуется грязь.

Мальчишки с ближних дворов часто играют на большой поляне у речки в футбол, а мы, девчонки, в разные другие игры. Иногда на игру приходят посмотреть взрослые.

Есть на берегу нашей речки два больших клена. Под ними деревянный столик и две лавочки. Там собираются взрослые в жаркие дни.

Очень хорошо бывает на речке ранним утром, когда люди гонят через речку на пастбище коров, а небо голубое, солнце золотое и поют в небе птицы.

Хорошо на речке и днем, но особенно здорово вечером. Тогда слышен детский хохот, летят брызги, а на берегу под кленами сидят взрослые.

Я хотела рассказать о нашей речке, а получилось — рассказала о нашей жизни.

Н. ЕРЕМАДЗЕ,
г. Хоби, Грузинская ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

41-й километр.— Стихи О. Беликова .... II обл.
Дедушкин курган.— Стихи А. Шлыгина .... II обл.
Летопись Великой Отечественной
Самое секретное оружие.— А. Левина. Рисунки М. Лисогорского 1
Отряд говорит с отрядом 7
Магазин ненаглядных пособий.— Повесть А. Лиханова. Рисунки А. Дугина 10
Запах хлеба. Триумф. Стрижи. Что видит рыба. Самое главное.— Стихи А. Старикова. Рисунки В. Дудкина 22
Школа умелых хозяев
Твоя земля.— Б. Минаев. Фотографии В. Дудникова 24
Всего один голос.— Повесть А. Ампелонова. Рисунки А. Борисова 26
Боевой листок 33
На краю родной земли.— В. Верстаков. Рисунки М. Петрова 34
Встреча.— Рассказ В. Лебедева. Рисунок Л. Хачатряна 37
Международный пионерский клуб «Товарищ» 38
«Кораблик» 42
Из чего растут стихи?..— Н. Банк. Рисунки В. Донскова 44
На рубежах пятилетки
Про «золотого» теленка и доброе слово.— А. Архарова, Л. Макарова. Рисунки Д. Барабаша 48
Переменка .... 51, III обл.
На научной волне.— Ведет В. Никитина 52
Что нам читать? 56
Валеркин календарь.— Повесть В. Баныкина. Рисунок М. Петрова 58
Про птиц и зверей.— Ведет А. Плешаков 60
В стране шаха — владыки черных и белых полей 62
Сами о себе 64
Дружат дети на планете.— Музыка Ю. Чичкова. Стихи М. Пляцковского. Рисунок Л. Хачатряна .... IV обл.

На обложке:
Мир! Труд! Май!— Рисунок В. Дудкина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, С. Л. МАКЕЕВ** (ответственный секретарь), **М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.03.83.
Подписано к печати 21.03.83. А 02658. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 882. Заказ № 333.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

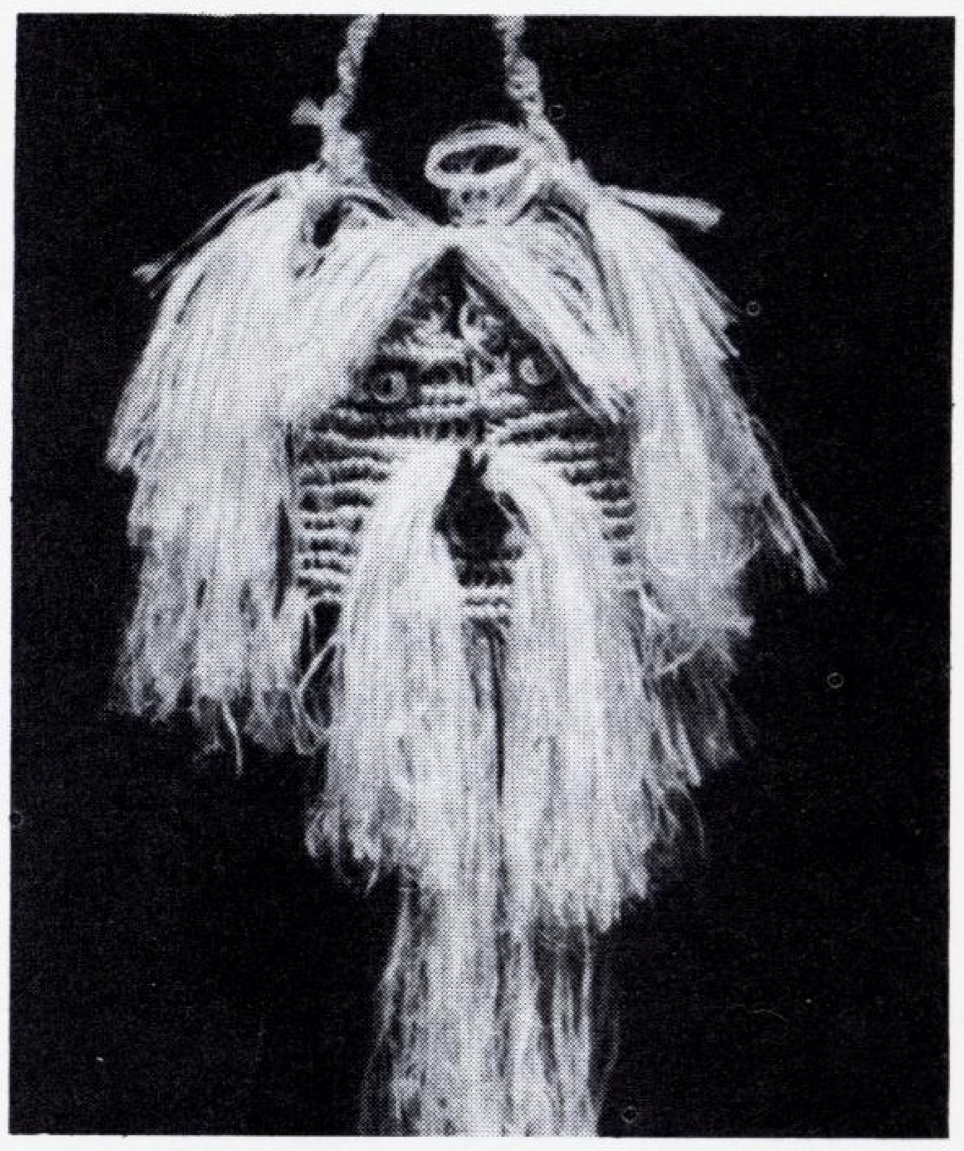
ПЕРЕМЕНКА

«Переменка» благодарит всех, кто попытался доказать, что умеет ВИДЕТЬ смешное. Некоторые из вас, ребята, присылают фотографии не просто в раздел «Подсмотрелинки», а на КОНКУРС «Подсмотрелинки». Звучит серьезно! И мы пригласили в «Переменку» специалиста в вопросах фотожурналистики **Людмилу БУРОВУ.** Она, как вы помните, открывала этот новый раздел.

— Ну что ж, конкурс так конкурс! Это значит, что ребята серьезно отнеслись к «Подсмотрелинкам». И они правы. Как известно, смех — дело серьезное. Но у каждого конкурса должно быть жюри. Поэтому первые десятки писем я просмотрела вместе с фотокорреспондентами Игорем Гневашевым и Валерием Селезневым. Просмотрели мы много фотографий, а отобрали для публикации в этом номере журнала всего четыре. И это вовсе не потому, что мы слишком строгие придиры. Просто ВИДЕТЬ смешное, а тем более успеть удачно его сфотографировать, остановить смешной миг еще труднее, чем слышать. Но ведь это только первые шаги юных фотоюмористов! И мы надеемся, что их дальнейшие шаги будут увереннее и веселее. Счастливого пути всем участникам конкурса «Подсмотрелинки»!

«Дуэт» — так назвал свою фотографию Олег Пучкарев, ученик 7-го класса из города Красноярска.

Фотографию с пеликаном прислала Светлана Савонченко из города Прокопьевска Кемеровской области. Светлана пишет: «Мальчик на снимке испуган. Но мне кажется, тут есть чем гордиться: не каждого мальчика кусает пеликан!»



А вот фотография, присланная взрослым читателем Валерием Ивановичем Морозовым из Ленинграда. Он пишет: «Этим летом я побывал в пионерском лагере «Космонавт». Там есть кружок художественного ткачества и макраме. Просматривая книгу отзывов детской выставки, я нашел такую запись: «Мне очень понравилась выставка. Не понравилась собака болонка, потому что она похожа на одного известного артиста.

Юра БАХТАДЗЕ, 7-й отряд».

Посылаю вам фото «собаки болонки» — это работа Алексеевой Наташи из 6-го отряда».

Ильдар и Гузель Ахметзяновы из Уфы, конечно, «придумали» свою фотографию. Но придумали забавно, не правда ли?

Наше жюри и «Переменка» благодарят всех ребят за активность, ценят чувство юмора тех, чьи фотографии опубликованы в сегодняшнем номере, и ждут новых «Подсмотрелинок».

Лом 16-81

Дружат дети на планете

Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола.

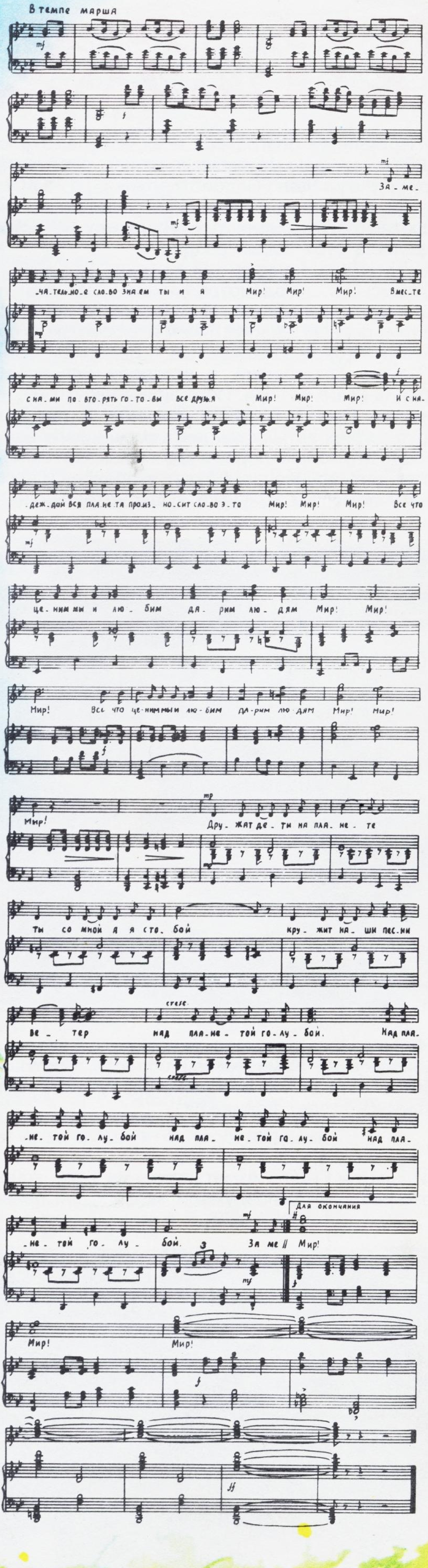
Дружат дети на планете,
Ты — со мной, а я — с тобой.
Кружит наши песни ветер
Над планетой голубой.

Припев:
Замечательное слово
Знаем ты и я:
МИР, МИР, МИР!
Вместе с нами повторять готовы
Все друзья:
МИР, МИР, МИР!
И с надеждой вся планета
Произносит слово это:
МИР, МИР, МИР!
Все, что ценим мы и любим,
Дарит людям
МИР, МИР, МИР!

Если громко засмеемся,
Вот веселый будет смех!
Если за руки возьмемся,
Хватит радости для всех!

Припев.

Дружат дети на планете —
Звонкой, юной, как весна.
И одно нам солнце светит,
И земля у нас — одна.

Припев.

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694